ISSN 0131-0097

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 16 АПРЕЛЬ 1989

СПАСИБО, НАТАША!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 16 (3221)

15—22 АПРЕЛЯ

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:
Учительница средней общеобразовательной школы № 42 города Орджоникидзе Н. Ефимова. (См. в номере материал «Заложники».)
Фото Александра НАГРАЛЬЯНА

Оформление Н. П. КАЛУГИНА
при участии Г. Н. СИДОРОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.
Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп., на полгода — 10 руб. 38 коп., на квартал — 5 руб. 19 коп.

Сдано в набор 27.03.89. Подписано к печати 11.04.89. А 04422. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 6,3. Усл. кр.-отт. 14,35. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 3 350 000 экз. Заказ № 332. Цена 40 копеек.

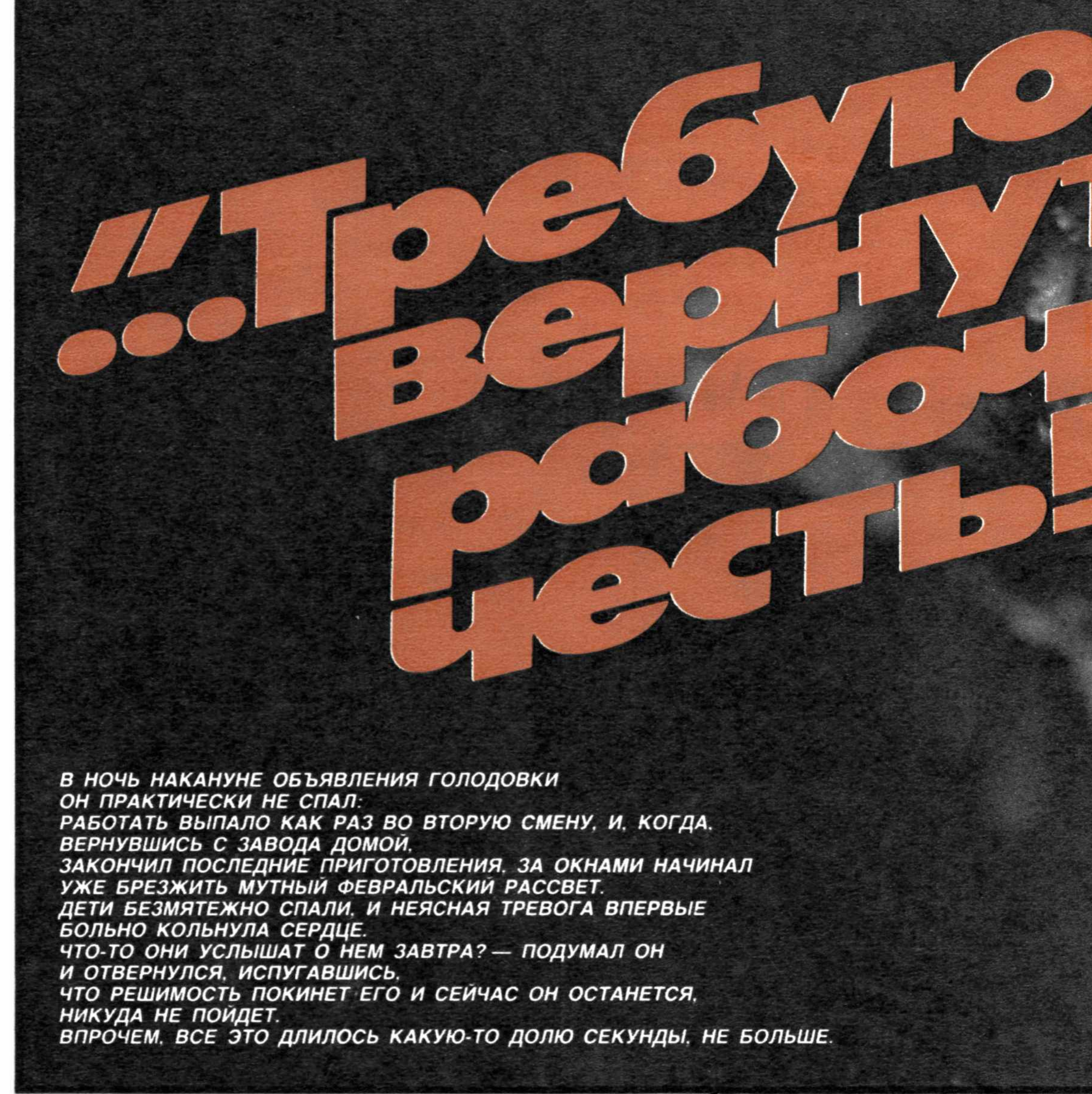
Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-23-27; Отделы: Публицистики — 212-21-88; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-59; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Секретариат — 250-46-98; Литературных приложений — 212-22-13, 212-23-07.

Телефакс (международный) (095) 943-00-70
Телетайп (внутрисоюзный) 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

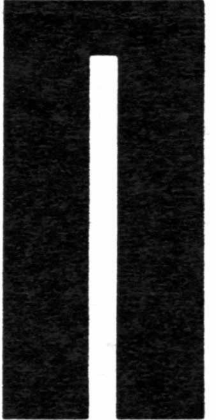
Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

В НОЧЬ НАКАНУНЕ ОБЪЯВЛЕНИЯ ГОЛОДОВКИ ОН ПРАКТИЧЕСКИ НЕ СПАЛ: РАБОТАТЬ ВЫПАЛО КАК РАЗ ВО ВТОРУЮ СМЕНУ, И, КОГДА, ВЕРНУВШИСЬ С ЗАВОДА ДОМОЙ, ЗАКОНЧИЛ ПОСЛЕДНИЕ ПРИГОТОВЛЕНИЯ, ЗА ОКНАМИ НАЧИНАЛ УЖЕ БРЕЗЖИТЬ МУТНЫЙ ФЕВРАЛЬСКИЙ РАССВЕТ. ДЕТИ БЕЗМЯТЕЖНО СПАЛИ, И НЕЯСНАЯ ТРЕВОГА ВПЕРВЫЕ БОЛЬНО КОЛЬНУЛА СЕРДЦЕ. ЧТО-ТО ОНИ УСЛЫШАТ О НЕМ ЗАВТРА? — ПОДУМАЛ ОН И ОТВЕРНУЛСЯ, ИСПУГАВШИСЬ, ЧТО РЕШИМОСТЬ ПОКИНЕТ ЕГО И СЕЙЧАС ОН ОСТАНЕТСЯ, НИКУДА НЕ ПОЙДЕТ. ВПРОЧЕМ, ВСЕ ЭТО ДЛИЛОСЬ КАКУЮ-ТО ДОЛЮ СЕКУНДЫ, НЕ БОЛЬШЕ.

Юрий ЛУШИН
Фото Эдуарда ЭТТИНГЕРА

ПЕРЕСТРОЙКА: ПРОВЕРКА ДЕЛОМ

отом он сказал:

«Пора!» — и такая твердость прозвучала в этом коротком, словно приказ самому себе, слове, что жена невольно вздрогнула. Зная его характер (если на что-то решится — не остановишь), она без всякой надежды, но все же спросила:

— Может быть, не стоит, Витя? Плюнь ты на все это, уйди, у тебя же золотые руки — работу найдешь где угодно.

— Найду, конечно, да не в этом теперь дело, Людочка, ты знаешь. Не могу я уйти просто так, не доказав свою правоту, не добившись справедливости. Уйти сейчас — значит согласиться, что за какие-то полтора года я из хорошего человека превратился в отъявленного негодяя, лодыря, бракодела. Ты хочешь этого?

Жена молчала. Она этого не хотела. Да и что ему сказать, когда сто раз обо всем наболевшем переговорено? Он положил в сумку зубную пасту и щетку, одеяло, литровую банку с водой, фанерный плакатик на самодельной цепочке и быстрым шагом, почти бегом, выскочил наружу. Он знал, что автобусы еще не ходят, понимал, что надо бы хоть на часок прилечь, но дома оставаться уже не мог, смотреть в страдальческие глаза жены не было сил. Он пошел тренированным спортивным шагом, согреваясь на ходу. Впереди мелькнул зеленый огонек такси, он машинально поднял руку, но, когда машина остановилась, неожиданно для самого себя сказал:

— Проезжай, приятель, извини.

— Раздумал, что ли? — спросил таксист.

— Нет, не раздумал, но мне лучше пешком.

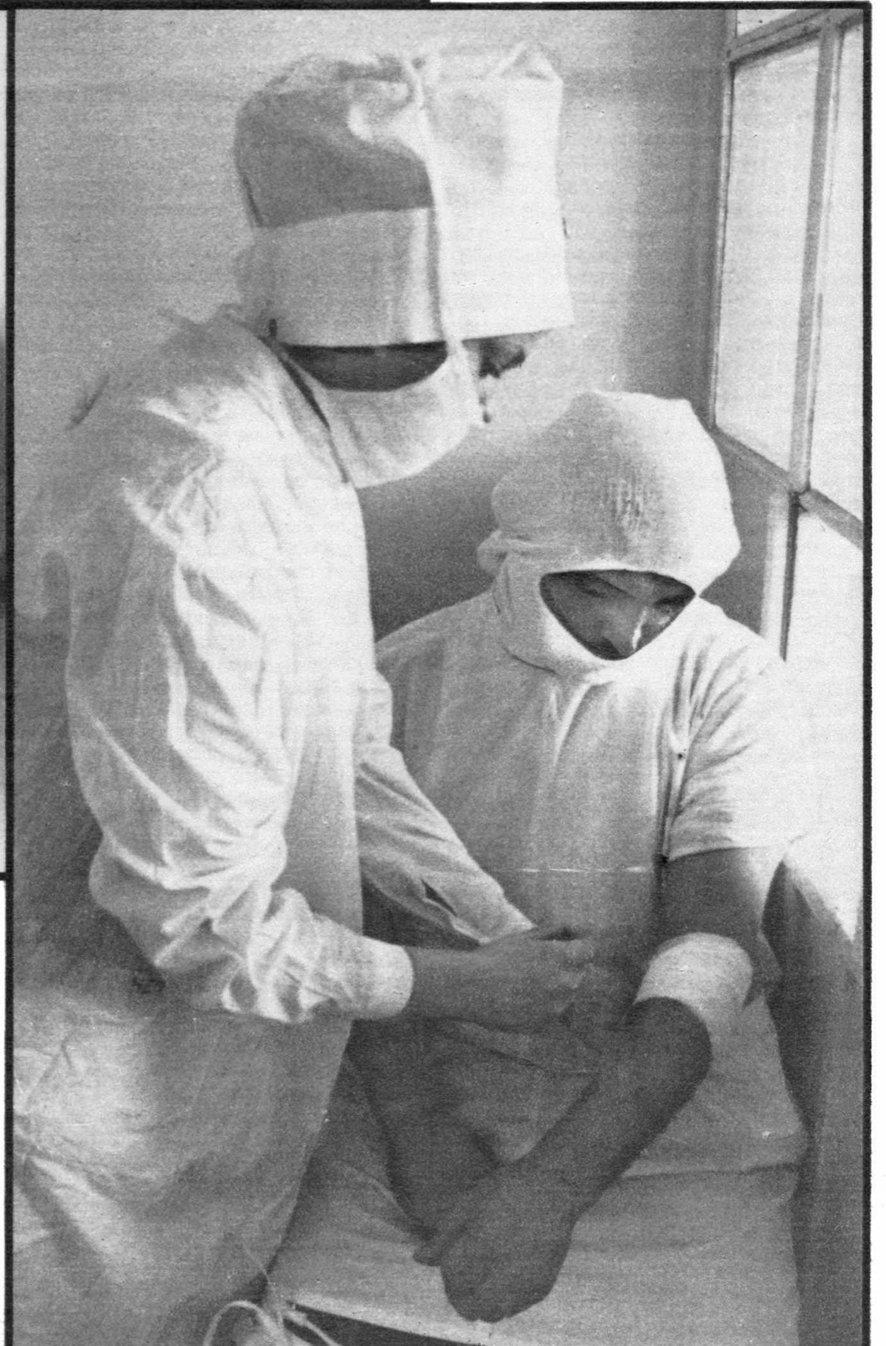
— Бывает,— не удивился привыкший к разным человеческим причудам водитель.

...Тракторный завод, к которому он шагал, был далеко за городом. Он шел и не чувствовал усталости. В свои 38 лет он еще играл в футбол, бегал многокилометровые кроссы, ходил в лыжные походы, так что для него до тракторного пройтись — семечки. Он шел и вспоминал, как в позапрошлом году, в марте, ЦТЛ (центральная технологическая лаборатория), в которой он, Виктор Нагимович Зайнуллин, работал наладчиком высшего разряда, отмечала свое двадцатилетие...

Какая прекрасная была тогда весна. Решили воскресным днем собраться всем коллективом на базе отдыха

в Черноярке, в сорока километрах от города. «Марафонская дистанция,— обрадовался Виктор Зайнуллин.— Пробегу ее в честь юбилея. Кто со мной?» На марафон отважились еще братья-близнецы Голубицкие, молодые тренированные парни (Виктор потом нешуточно гордился, что бежал наравне с ними, не отстал). Остальные с женами и детьми поехали автобусами. Рюкзаки Зайнуллиных заботливо погрузил в свою машину начальник лаборатории Иван Егорович Мешков... Автобусы догнали марафонцев, которые отправились в свой пробег рано утром, почти у самой Черноярки, так что завтракали все вместе. Боже мой, сколько комплиментов наслышались они в тот день, как были дружны, каким все казалось безоблачным!

Иван Егорыч — он же не просто начальник лаборатории, он отец родной, коммунист — 35 лет в партии, ветеран тракторного, сам из работяг, наладчиком сколько лет проработал. Сейчас талантливый и заботливый руководитель, потому и рабочих понимает, как никто. Резковат бывает? Так ведь по делу, для порядка, а не со зла...

К Виктору Зайнуллину у него отношение особое — он же не просто отличный, шестого разряда наладчик станков, за что и персональный оклад ему установлен, а вообще мастер на все руки. Кто лучше Виктора Нагимовича пол из мраморной крошки сделает и отшлифует, стены цеха побелит, двери подгонит и покрасит? Все знают: никто. Пусть и беспартийный, но по отношению к делу настоящий коммунист. Наверное, все эти слова говорились от чистого сердца. Зайнуллин помнил, как подал было незадолго до этого заявление об увольнении из лаборатории (хотел в другой цех перейти, где заработки выше), но Мешков заявление не подписал, уговорил остаться, а вскоре приказом увеличил ему персональный оклад еще на 20 рублей.

...Минет чуть больше года, и все резко переменится. Зайнуллин обвинит Мешкова в бюрократизме, грубости, зажиме критики, использовании рабочего времени в личных интересах и других грехах. Какой уж тут отец родной? Мешков объявит Зайнуллина горлопаном, бракоделом и неумехой, ему понизят разряд, лишат премии, объявят выговор, уберут фотографию с Доски почета, и это еще не все. Какой уж тут мастер на все руки?

Что же привело к такому финалу? Впрочем, до финала еще далеко.

К наладке нового станка Виктор приступил с большим увлечением. Ему нравилось познавать в «новичке» то неизвестное, что он таил в себе, нравилось распознавать его капризы и учить быть безотказным и легким в работе. Для такого дела требуется не только мастерство, но еще и интуиция, помноженная, конечно, на знания и опыт. Но

новый станок сразу же показал свою строптивость. Как ни старался, сколько ни бился с ним наладчик, станок запускаться не хотел. Интуитивно Зайнуллин чувствовал, что тут что-то не так, что причина не в его неумении, а в чем-то другом, может быть, в ошибках конструкторов. Такое иногда бывало, но, чтобы подтвердить или опровергнуть такую версию, ему необходимо было проверить все возможные варианты наладки.

Он старался не упустить малейшего шанса, но именно старательность и подвела его на сей раз. Истекло нормативное время для наладки станка, и это означало, что Зайнуллин, не выполнив задания, подвел не только себя, но и коллектив лаборатории... Над наладчиком сгущались тучи. В причинах невыполнения задания Мешков разбираться не стал, а с маху вынес приказ, по которому Зайнуллину объявлялся строгий выговор и одновременно он же лишался премии. Знал ли начальник лаборатории, что своим приказом он грубо нарушил трудовое законодательство, запрещающее за одно нарушение выносить двойное наказание? Иван Егорович утверждает, что не знал (что, впрочем, не освобождает его от ответственности), и это более чем странно, учитывая его сорокалетний стаж. (Кстати, после этого случая генеральный директор ПО «Павлодарский тракторный завод» обязал всех начальников производств пройти юридический всеобуч.) Наладчик Зайнуллин посчитал, что задеты его честь и достоинство, что вообще наказан он несправедливо, поскольку быстро выяснилось: тот злополучный станок действительно не мог быть налажен из-за конструкторских просчетов. Со своей обидой отправился он в партком завода и профком, но понимания там не встретил.

— Да,— подтвердил впоследствии в разговоре со мной заместитель секретаря парткома Петр Дмитриевич Клименко,— приходил ко мне Зайнуллин, жаловался на разные несправедливости. Я тогда же поручил в них разобраться секретарю цехового партбюро, а тот ничего не сделал...

— Да,— подтвердил Мешков,— тот станок действительно не поддавался наладке, но Зайнуллин должен был доложить об этом своевременно, а не тянуть время...

Изящные объяснения, ничего не скажешь. Я попытался поставить себя на место опального наладчика и невольно поежился — как-то неуютно мне стало. Где в самом деле выход из создавшегося положения? Ведь на дворе не XIX век, когда обидчика вызывали на дуэль. Тогда, впрочем, не было профсоюзов, но в данном случае в школе коммунизма защищать права рабочего не стали. Что ему оставалось? Проглотив обиду, сделать вид, что ничего не произошло? Или подать заявление об увольнении по собственному желанию, как советовала жена? Во времена не столь давние так бы, вероятно, и случилось. Теперь же Зайнуллин выбрал третий путь: обратился в заводскую конфликтную комиссию по трудовым спорам, надеясь с ее помощью защитить свою честь. Его друг, узнав об этом, сказал:

— Зря ты, Витек, на стенку лезешь. Против лома нет приема.

— Посмотрим,— ответил тот хмуро,— вон в «Прожекторе перестройки» и не такие дела высвечивают.

— Какой прожектор, какая перестройка? То там — в Москве, а то тут — в Павлодаре. Очередь до нас не дошла еще...

— Посмотрим,— упрямо повторил Зайнуллин.

Заявление в конфликтную комиссию он отнес утром, а после обеда увидел, как с Доски почета снимают его портрет. Такая демонстративная оперативность поразила его в самое сердце.

— Понимаю,— говорил Виктор Нагимович,— что фотография на Доске почета не вечный памятник, что рано или поздно она должна обновляться. Но почему ее сняли именно в тот день? Не потому ли, что в заявлении я жаловался на несправедливость и личные недостатки начальника лаборатории Мешкова? Почему ее не сняли месяцем раньше или неделей позже?

— Случайное совпадение,— объяснил Иван Егорович,— к тому же сняли не только портрет Зайнуллина, но и некоторых других.

Возможно, и так, однако подобное «случайное» совпадение в нашей истории далеко не последнее... Комиссия по трудовым спорам признала часть обвинений в адрес И. Е. Мешкова справедливыми, постановила премию В. Н. Зайнуллину вернуть, но выговор ему оставить. Рабочий посчитал такое решение половинчатым, премию перечислил в детский дом («не денег добиваюсь, а справедливости») и продолжал доказывать свою правоту во всех инстанциях. Ответ не замедлил себя ждать. При очередной тарификации Зайнуллину понизили разряд с шестого на пятый, причем «случайное», конечно, совпадение, понизили лишь одному ему из всей лаборатории... Когда же за рабочего попытался вступиться коммунист, инженер-технолог Баширов, то и ему самому на квалификационной комиссии понизили категорию, в результате чего он потерял в зарплате. Разумеется, и тут было тоже чисто «случайное» совпадение...

— Зайнуллина фактически наказали еще раз, лишив его одного высшего разряда. Почему, Иван Егорович? — спросил я Мешкова.

— Так по заслугам, на большее, как наладчик, он и не тянет. Комиссия так решила, не я...

Значит, много лет тянул на шестой разряд, а тут как-то сразу тянуть вдруг перестал. Зато по «случайному» совпадению строптивый Зайнуллин обретал прочную славу склочника и скандалиста. Для иных в лаборатории он стал просто пугалом, к нему опасались подходить, с ним не здоровались. Он и сам проходил мимо, опустив голову. По-разному раскрываются люди в сложных обстоятельствах жизни. Некоторые, понизив голос, говорили ему: «Я за тебя, Виктор, но, понимаешь, очередь на квартиру подходит, так что...» — и публично продолжали помалкивать. Иные, наоборот, публично и громко, особенно в его отсутствие и при начальстве, осуждали строптивого, испытывая тайную сладость от ощущения — пнуть лежачего. И пинали: словами, поступками. Как держался Зайнуллин, уму непостижимо. Но держался. На приказ начальника лаборатории заняться устройством умывальника ответил:

— В рабочее время заниматься посторонними делами впредь отказываюсь, надоело. Я — наладчик.

Вскоре после этого наладчик Зайнуллин лишился персонального оклада, потеряв в заработке свыше 80 рублей ежемесячно. Такова в лаборатории плата за свободное мнение... Вечером он писал письмо в областную газету «Звезда Прииртышья». Кроме всего прочего, там были такие слова: «Вношу предложение организовать в Павлодаре программу телевидения «Прожектор перестройки Прииртышья». Центральное телевидение не в состоянии освещать вопросы местного значения, и я надеюсь, что эта программа даст бой местным бюрократам, поможет всем нам высветить все недостатки и ускорить процесс перестройки в нашей области».

Предложение, с моей точки зрения, вполне здравое, однако в редакционном ответе он прочитал: «Уважаемый тов. Зайнуллин. Ваше письмо с предложением организовать на местном ТВ свою передачу «Прожектор перестройки Прииртышья» мы отправили на ЦТ для сведения, работники которого и должны дать вам ответ о возможности претворения вашего предложения в дело. Публиковать письмо считаем нецелесообразным, так как, если даже кто-то из читателей газеты и поддержит вашу точку зрения, право принятия окончательного решения остается за ЦТ». Телевидение вообще отмолчалось, и он понял, что остается ему надеяться только на самого себя...

В праздничной заводской колонне на ноябрьской демонстрации Зайнуллин появился с плакатом собственного изготовления. На нем было выведено красным по белому: «Я за перестройку, гласность, критику и демократию». Обратная сторона фанерного щита была закрыта листом бумаги, прикрепленным кнопками. О том, что произошло дальше, расскажет уже знакомый нам заместитель секретаря парткома Петр Дмитриевич Клименко, бывший в тот день руководителем колонны тракторного завода. Вот его рассказ, записанный на пленку:

— Незадолго до начала демонстрации ко мне подошли люди в черных кожаных пальто, ну сами понимаете кто, да? — и сказали: «В вашей колонне, обратите внимание, должны понести что-то подозрительное. Посмотрите». И кивнули в сторону Зайнуллина... Колонна двинулась. Стал я смотреть. Идет товарищ Зайнуллин со своим самодельным лозунгом о перестройке, да вот он, этот плакат, за стульями у меня лежит, можете взглянуть (разговор происходил в парткоме.— **Ю. Л.**). Ну несет и пусть себе несет. Но когда до трибун оставалось метров десять, Зайнуллин начал отрывать кнопки, и я увидел под листом какой-то черный шрифт... На всякий случай подскочил к нему, выхватил плакат — и черной стороной к земле. Зайнуллин вырывает, я не даю, древко сломалось. Так и прошли площадь...

Я вытащил из-за стульев плакат и прочел написанное на обратной стороне черным по белому: «Пострадал я за гласность, критику от бюрократа начальника ЦТЛ т. Мешкова И. Е.». Никакой особой крамолой не пахло. Я представил Зайнуллина на демонстрации с этим плакатом, этой наивной попыткой восстановить таким способом справедливость и спросил Клименко:

— Петр Дмитриевич, что бы случилось, пронеси Зайнуллин беспрепятственно свой плакат?

— Да ничего бы не случилось,— досадливо поморщился он, но затем прибавил нечто для меня неожиданное: — И все-таки я думаю, что кто-то стоит за

ним, кто-то Зайнуллина подталкивает.

Однако же прочно засели в нас какой-то вечный испуг и тотальная подозрительность — как бы чего не вышло. А может быть, есть тому причина? Ведь слукавил-таки партийный работник Клименко. Хотя и не позволил он пронести не завизированный никем плакат Зайнуллину (кстати, любой адвокат скажет, что в действиях рабочего ничего противозаконного не было — он не подстрекал ни к войне, ни к расовой ненависти, ни к подрыву основ социализма), тем не менее даже по факту демонстрации плаката случилось, да еще как случилось, на общем собрании ЦТЛ разгромное обсуждение поведения строптивого Зайнуллина, вернее сказать, осуждение.

Тут напрашивается еще одна интересная мысль. А если бы удалось тому пронести плакат, что случилось бы с... самим Клименко? Ой, даже подумать страшно: как бы чего не вышло... В резолюции собрания, принятой с преимуществом в один голос, было записано, что «...Зайнуллин продолжает чинить в адрес тов. Мешкова разные угрозы и ложные обвинения вплоть до хулиганских действий, выразившихся в попытке пронести в праздничной демонстрации лозунг с клеветническим содержанием... Оставить тов. Зайнуллина пока в ЦТЛ, но предупредить, что при первом же случае необоснованных, клеветнических жалоб и других недостойных действий с его стороны ему будет отказано в доверии коллектива лаборатории и он будет выведен из ее состава». Да, примечательный, конечно, документ — не из памятных ли старых времен?

— Теперь ты, Витек, вроде как крепостной,— прокомментировал это решение его друг,— говорил же тебе: нет приема против лома.

Несправедливо будет умолчать и о другом собрании, на котором вроде бы демократическим путем выбирали из трех кандидатов начальника ЦТЛ. Почему вроде бы? Судите сами. Старший мастер Потапенко, один из троих, свою кандидатуру сразу же, едва началось собрание, снял. Второй — заместитель начальника лаборатории Ким в патриотическом порыве сказал:

— Свой голос отдаю за Ивана Егоровича Мешкова.

Нетрудно догадаться, что он-то и был третьим. А уж из одного Мешкова выбрать Мешкова даже при тайном голосовании было простой формальностью. Выбрали почти единогласно, против — лишь трое... Вскоре после этого начальник ЦТЛ приказом «в связи с производственной необходимостью» перевел Зайнуллина почти на месяц в другой цех. Тот вопреки ожиданиям не отказался, вопросов не чинил, не высказывался и т. д. Наконец-то укротили строптивого?

...Зайнуллин вошел в центральную проходную завода в седьмом часу утра. На улице было еще темновато. Он встал так, чтобы не мешать идущим, достал из сумки фанерный плакат и повесил его на грудь. Удивленный вахтер прочитал на плакате: «Я, рабочий ПО ПТЗ Зайнуллин В. Н., объявляю голодовку на рабочем месте. Требую вернуть рабочую честь». Прочитав, вахтер немедленно побежал звонить куда-то... Зайнуллин стоял, опустив голову, отчего-то вдруг накатил стыд, потом прошел. Светлело. Его стали замечать, подходили, расспрашивали. Он объяснял, а иногда просто переворачивал плакат, на тыльной стороне которого было написано, что он пострадал за критику от бюрократа Мешкова. Поток рабочих густел. Он знал, что скоро появятся его коллеги по лаборатории. И дождался. Подошел Владимир Петрович Аристархов, его непосредственный начальник, инженер, сказал с тихой ненавистью:

— Ты что же это вытворяешь? Я тебе для этого разве отгулы давал? — И вдруг рванул за цепочку, пытаясь сорвать плакат, но та не поддалась, выдержала.

— Надежно исполнено,— усмехнулся Зайнуллин,— как и все, что я делаю, вам ли не знать. А отгулы я кровью заработал, тоже известно (кровью — в прямом смысле, Зайнуллин — донор, а за сдачу крови положен отгул).

Вскоре после ухода Аристархова к нему подошел заместитель генерального директора Долбилов:

— Приказываю вам покинуть помещение проходной, вы мешаете здесь.

— То есть вы меня выгоняете на мороз? Тогда я занесу этот факт в дневник голодовки...— И, не сопротивляясь, он вышел на улицу, где простоял на морозе около двух часов.

Стало совсем светло, и он привлекал здесь большее внимание, чем в проходной. Весь завод был взбудоражен и четко разделился на два лагеря — «за» и «против». Люди подходили к нему и не только спрашивали о его обидах, но и высказывали свои собственные. Женщины плакали, и он тоже не мог сдержать слез. Его спрашивали, чем помочь. Ничем, отвечал он. Тогда кто-то начал собирать подписи в его поддержку. Когда тетрадь заполнилась, ее отнесли в партком, но там, похоже, пребывали в растерянности, не знали, что предпринять.

Зайнуллин продолжал стоять на морозе. Он не знал, что целая делегация из представителей администрации отправилась к нему домой, где долго уговаривала его жену, чтобы она помогла прекратить голодовку. Он не знал, что другая делегация, стихийно возникшая из рабочих, пошла к генеральному директору с протестом против выставления Зайнуллина на мороз. Но, не дождавшись ее возвращения, другая группа рабочих буквально втолкнула наладчика обратно в проходную...

Только теперь он начинал понимать, что крайняя форма протеста, выбранная им, обладает непредсказуемой силой. Сам того не желая, он становился для многих несправедливо обиженных неким объединяющим центром. Он не хотел этого, но его уже не спрашивали. Хуже всего было то, что обида рождала у многих слепую злобу. Особенно наглядно это проявилось на общезаводском митинге (собралось примерно до двух тысяч человек), когда ни Мешкову, ни представителям администрации просто не дали рта раскрыть, оглушив их дикими выкриками, тогда как сторонники Зайнуллина говорили все, что хотели, в полной тишине. Но разве к такой демократии мы стремимся? Причем было уже известно, что Зайнуллину возвращен шестой разряд; что на третий день после объявления голодовки он ее прекратил, вняв благоразумному призыву своего товарища — рабочего механического цеха Александра Гаага, что Мешкову объявлен партийный выговор...

Можно ли поставить точку в этой истории? Думаю, что рано. Мешков попрежнему уверен, что Зайнуллин недостоин шестого разряда, который вновь присвоен ему по приказу генерального директора, что вообще он поступал справедливо, более прежде всего за дело. Зайнуллин перешел в группу инженера А. Н. Мудряка, но Александр Николаевич буквально на следующий день поехал к нему домой, чтобы уговорить Зайнуллина... вообще уйти из лаборатории. Два часа уговаривал. Пока безуспешно...

К людям возвращается достоинство. Прощать несправедливость, произвол, насилие даже в локальных производственных конфликтах уже не все хотят. И пускай методы защиты чести подчас выбираются излишне эмоциональными и непривычно вызывающими, жизнь обретает новые справедливые черты. В случае с наладчиком Зайнуллиным чувствуется обжигающее, но и, безусловно, очищающее дыхание перестройки.

А я все думаю: как бы всем нам быстрее научиться болеть прежде всего за человека, а уж дело-то он сделает при добром к нему отношении. Любое дело, даже по шестому разряду.

ПРОШУ СЛОВА!

БЕЗ ПРОГРАММЫ

Марк ЗАХАРОВ,
народный депутат СССР

Когда меня поздравляли с избранием в народные депутаты от Союза театральных деятелей СССР, некоторые знакомые спрашивали — правда, без особого интереса: какая у меня программа? Я отвечал честно и прямодушно: «Программы нет. Одни намерения. Исследовать и уяснить возможную расстановку сил в будущем народном парламенте. Знать, предвидеть и влиять на обстоятельства, при которых будет проходить первый Съезд народных депутатов. Определить наличие должной депутатской энергии для непременного объединения усилий».

Трудностей здесь будет много, среди других та, о которой не раз предупреждал В. И. Ленин: чтобы объединиться, надо сперва размежеваться. Самое серьезное намерение — участвовать в объединении тех партийных и беспартийных сил, что способны нанести ряд глубоко продуманных и научно мотивированных ударов по главным бастионам военно - феодально - командно-административной системы, а также по тем объектам и субъектам, что ушли из поля зрения как бастионы и успешно окрасились в перестроечные тона.

Понимаю: не иметь народному депутату четко сформулированной программы при одних только тактических намерениях стыдно. Но и объявлять о немедленной жилищной и транспортной революциях, о многократном увеличении пенсий, пособий, окладов, о наведении всеобщего экологического процветания и товарного изобилия тоже не очень ловко. Обещать при нашей бедности бесшумные трамваи и одноразовые шприцы — стесняюсь. Промолчу. И потом, светлые программные замыслы четко сформулировали те известные народу кандидаты, которых окружные комиссии отсеяли еще на «предварительных выборах», используя во всем тактическом многообразии свое превосходство в процедурных вопросах.

Лучше других, по-моему, стратегическую программу перестройки сформулировал в предвыборные дни академик А. Д. Сахаров на страницах «подпольной» столичной газеты «Московские новости». Называю ее так потому, что эту газету выдают мне из-под полы в знак уважения к моему служебному положению, а те, кто такого положения не имеет, толпятся даже в непогоду на Пушкинской площади перед ее стендами. (Есть, правда, выход — читать «МН» в обратном переводе на русском, но для этого надо знать иностранные языки, а это не соответствует традициям современной творческой интеллигенции.)

Упомянув А. Д. Сахарова, хочу сразу же признаться еще в одном грехе. Упорно посещают нереалистические маниловские мечтания: иметь бы право обмена собственной депутатской личности на другую, лучшую, по своему субъективному выбору! В этом случае с удовольствием обменял бы свою голову на просветленный и решительный разум таких людей, как В. Селюнин, Н. Шмелев, Р. Сагдеев, О. Лацис, М. Шатров, А. Аганбегян, А. Бовин, В. Коротич, Е. Евтушенко, А. Стреляный, и еще некоторых других, кто остался за пределами нынешнего депутатского корпуса. Посему отношение к постигшему меня избранию многообразное и противоречивое. «Победой на выборах» не опьянен, понимаю: баллотируйся я не от СТД СССР, а по территориальному избирательному округу, очень возможно, остались бы от меня «рожки да ножки». Подумав, добавлю: как и от некоторых иных лиц, входящих в самые серьезные номенклатурные списки.

Эти чудовищные по своей смелости мысли посетили меня впервые, когда я в качестве доверенного лица кинорежиссера Э. Рязанова присутствовал на выдающемся и невиданном прежде политическом спектакле — окружном предвыборном собрании Гагаринского территориального избирательного округа № 7 в городе Москве. Здесь довелось наблюдать двенадцать часов кряду, как проводились разнообразные процедурные эксперименты под руководством невидимых, а иногда и мелькавших в кулисах перепуганных «режиссеров». Их закулисная суета была видна невооруженным глазом в течение всех двенадцати часов. В переполненном зале царила бестолковость при общей и очевидной «режиссерской» топорности. Очень интересно вела себя группа лиц численностью примерно в тридцать пять — сорок человек, что сидела плотным клубком и время от времени громко выкрикивала: «Рабо-

чий класс на это не пойдет!», «Если это будет продолжаться, рабочие покинут предвыборное собрание!», «Почему интеллигенты не интересуются мнением рабочего класса?»

Я работаю режиссером не первый год и хорошо ощущаю, когда человек действует от собственного имени, а когда участвует в хорошо срепетированном спектакле. Впрочем, спектакль, о котором идет речь, был срепетирован плохо.

Может быть, все это закономерно. Мучительно постигаем основы демократического мышления и встречаем бешеное процедурно-процессуальное сопротивление тех, кто не на шутку встревожился. Есть от чего. Вычеркнуть единственного кандидата в одном из одномандатных ленинградских округов — сюрприз неожиданной и особой ценности, который преподнесла нам ожившая «колыбель революции». Хочется остановиться и перевести дух. Мое уважение к населению, которому принадлежу, заметно возросло. Может быть, и я сам не так уж плох, как себе кажусь. Это лирическое отступление.

Любопытно, что люди, руководившие в Гагаринском избирательном округе выбиванием из кандидатских списков особо ненавистных им лиц, совершенно не владели искусством воздействия на аудиторию. Настойчивая, плохо мотивированная и грубо исполненная компрометация таких кандидатов, как Б. Н. Ельцин и Ю. Д. Черниченко, привела как раз к обратному результату. Незнакомые люди неожиданно объединились в своих эмоциях, я бы сказал, по законам чисто «спортивной» симпатии к тем, кто подвергался массированным и некорректным атакам превосходящих сил.

Данное обстоятельство послужило поводом к еще одному серьезному депутатскому намерению. В течение многих лет мы клялись интересами пролетариата, и все правительственные распоряжения делались у нас исключительно от имени рабочего класса. Печально, но некоторые рабочие искренне верили, что всеми делами в государстве руководят именно они.

Меня всегда занимала философская «проблема границы». Например: я — рабочий, пользуюсь определенным узаконенным социальным доверием, однако неожиданно оканчиваю вуз и становлюсь, к примеру, инженером. Спрашивается: в какой момент я лишаюсь своего рабочего самосознания? Когда мне вручают диплом или когда только сдаю свою первую сессию? А может, когда получаю первые знания или первую пониженную зарплату? Когда у меня возникают социальные преимущества: когда я не имею дополнительных знаний или когда мой интеллект ими обогащается?

А может быть, в правовом государстве, уничтожившем феодальные законы и сословные предрассудки, вовсе не имеет значения, кем родился и на кого учился талантливый парламентарий? Он может быть даже артистом (куда уж хуже?), как Р. Рейган, или юристом по образованию, как М. Горбачев (и, кстати, В. Ленин). Какая, в сущности, разница? И кто эту разницу должен определить?

В 1918 году особое собрание моряков Красного Флота приняло решение, которое процитировал М. Горький в своих «Несвоевременных мыслях»: «Мы, моряки, решили: если убийства наших лучших товарищей будут продолжаться — мы выступим с оружием в руках и за каждого нашего убитого товарища будем отвечать смертью сотен и тысяч богачей».

Интересно, с помощью каких тестов определялась при «красном терроре» граница между богатыми людьми, которых надо убивать, и людьми среднего достатка, которые имеют право жить дальше? Где она, эта эфемерная, загадочная по своим правовым признакам граница? Каким образом она разделила потом российских середняков, кулаков и подкулачников?

Может быть, пора узаконить выстраданную нами идею бесклассового общества во всем ее общенародном объеме и не проводить далее чисто социальную расфасовку населения?..

Тот партработник, который во всеуслышание коснулся на XIX партконференции персональной ответственности членов Политбюро, не побоявшись назвать отдельные фамилии, дороже мне самых близких и дорогих моих коллег. Подозреваю, что я на его месте не решился бы на подобную дерзость. Здесь требуется особая гражданская отвага. Честь и слава ему за конфликтный характер. Последнее качество кажется мне сегодня особенно ценным. Мой любимый философ Н. Бердяев рассуждал на эту тему круто: «Я никогда — ни в своей философии, ни в своей жизни — не хотел подчиниться власти общего, общеобязательного, обращающего индивидуально-личное, неповторимое в свое средство и орудие. Я всегда был за исключение, против правила. В этом проблематика Достоевского, Ибсена была моей нравственной проблематикой... У меня всегда была вражда к монизму, к рационализму, к подавлению индивидуального общим, к господству универсального духа и разума, к гладкому и благополучному оптимизму. Моя философия всегда была философией конфликта».

Мое намерение: определить и почувствовать эти качества среди народных депутатов, независимо от их национального и социального происхождения и не во имя разного рода анархических перехлестов и демагогических заявлений, но во имя смелого поиска радикальных средств нашего правового и экономического перестроения, во имя самых существенных и определяющих нашу будущую жизнь проблем собственности. И что не менее важно — их правовой защиты.

Сегодняшний день — последний исторический срок для радикальных экономических преобразований. Их смелость не должна уступать смелости наших товарищей из бывшей царской окраины, пьющей Чухони — нынешней Финляндской Республики. Там все наше: болота, дурной климат, отсутствие промышленных традиций. Один и тот же, в сущности, народ по обе стороны границы существует, будто две различные цивилизации из научно-фантастического романа.

В порывах крайнего и дурного пессимизма могу подчас согласиться, что я глупее немца, англичанина, даже бельгийца... Но чухонцы же наши, свои, братья! Вот что обидно.

Это лирическое отступление, а намерение другое. Чтобы сделать первые решительные шаги в иную экономически развитую фазу нашей истории, в Верховном Совете СССР должны работать упакованные компьютерами и референтами парламентарии с просветленным разумом и высочайшей гражданской ответственностью. Решение — постоянно пропускать в течение пяти лет через первый Народный Парламент СССР всех выбранных депутатов — не кажется мне удачным. Боюсь, что произойдет некоторое размывание персональной ответственности. Слишком много ответственных лиц на слишком короткий срок. Здесь начинают действовать плохо изученные в нашей социальной психологии дурные рефлексы, граничащие с массовой подсознательной безответственностью. Выборы в будущий Верховный Совет — особая святая процедура: самый тщательный и неторопливый отбор. Всенародная присяга и — убежден — обязательная профессионализация на пятилетний срок. Убедить тех, кто побоится бросить свою основную работу,— а это мне кажется непременным условием,— убедить их щедрой материальной компенсацией за профессиональный риск и особой, не имеющей аналогов моральной поддержкой народа. И еще: тщательно изучить зарубежный парламентский опыт, где никто ничего и никого сразу не одобряет. Разобрать по косточкам все сталинские процедурные уловки, капканы, ловушки и приемы, которые сейчас с новой силой обрушит на нас потрясенный результатами выборов брежневский партаппарат. Я ожидаю сильных ответных акций, когда письмо Н. Андреевой может показаться милой рождественской шуткой.

Как сложатся атмосфера и динамика Съезда народных депутатов? Уравнение со многими неизвестными! Какие силы атакуют наших лидеров ныне под видом дружеских бесед, какую информацию получают они по тем или иным вопросам? Их аргументация и авторитет — величины наисерьезнейшие, во многом определяющие нашу будущую работу. Но ведь они тоже живые люди, на которых при желании можно оказать сильное и разнообразное эмоциональное воздействие, как это случилось в вопросе с кооперативом «Техника»...

Несколько намерений по поводу небезызвестного А. Тарасова, который сумел генерировать интеллектуальную энергию и творческий дар многих высококлассных специалистов и буквально на пустом месте организовать серьезное и плодоносящее делопроизводство. Честно говоря, я относил появление подобного рода предприимчивых людей в СССР на более поздний срок, к началу будущего столетия. Мы все-таки не Венгрия, где уже сегодня могут возникать яркие дарования в области бизнеса, например, уважаемый государством миллионер Рубик. Ему, конечно, повезло, что он родился не у нас, а в Венгрии. Когда наши люди и наш Минфин узнали бы, что его глупая и раздражающая многих честных людей игрушка-безделушка принесла автору умопомрачительный доход, а само изобретение далось, по всей видимости, легко, как Пушкину давались подчас гениальные строки,— негодование масс не знало бы предела... Человеку с феодальным, общинно-уравнительным сознанием отнестись с пониманием к Рубику и его кубику невозможно. А. Тарасов, к сожалению, родился не в Венгрии, а у нас, и будущее его печально.

Думаю, что, несмотря на отчаянные усилия некоторых здравомыслящих ученых и симпатизирующих А. Тарасову молодых людей из телепрограммы «Взгляд», дни советского миллионера Артема Тарасова сочтены. Тактический просчет — появление на телеэкране. Слишком грамотная и четкая речь. Повышенная информационная насыщенность на единицу времени. Отсутствие общих фраз. На его фоне можно сильно потускнеть и обнаружить не только собственное косноязычие, но и слабые по сегодняшнему дню научно-технические и организационные познания.

Намерение естественное: заступиться за А. Тарасова. Но вот успею ли? Смогу ли?.. Увы, значительное количество советских людей полагает, что мы очень богаты, средства в закромах имеются — надо лишь навести порядок. Безжалостно. Железной рукой. При слове «порядок» всегда вздрагиваю. Вожди и фюреры издавна и до самозабвения любили это слово, особенно с эпитетом «новый». Свою любовь они завещали нам, и она оказалась поразительно живучей.

Сумеем ли мы защитить талантливых творцов в области управления и организации новых промышленных структур, в современном бизнесе, в деле создания мощных капиталов без предварительных благоприятных предпосылок — для меня ключевой вопрос перестройки. И еще одно твердое намерение: защитить не отдельных, возможно, в чем-то ошибающихся людей, но всю генерацию Артема Тарасова — тех сорокалетних интеллектуалов, кто обязан превратить нашу многострадальную державу в богатое государство, не беднее нашей бывшей окраины.

Наши социалистические намерения останутся декларациями, если мы не будем обладать обширным товарно-денежным потенциалом. Если не по Энгельсу, а по мне: социализм — это государство, успешно проводящее смелые и сильные социально-правовые программы, одновременно стимулирующие население к деловому дерзанию и защищающие его от невзгод современного экономического состязания.

Бедное государство может вывесить портреты Маркса и Энгельса, призвать всех пролетариев к объединению, но сильные социальные программы помощи инвалидам, вдовам, сиротам и престарелым провести не может. Не может даже починить проезжую часть на улицах собственной столицы. Чтобы реализовать хотя бы частицу предвыборных программ некоторых наших депутатов, надо срочно разобрать, залатать те дыры в экономике, производстве, ценообразовании, что принуждают нас к постыдным пособиям, окладам и последнему нововведению: распределению моющих средств по талонам.

Мое намерение — способствовать обсуждению альтернативных проектов нашего радикального экономического перестроения, в том числе, превозмогая «соблазн равенства», способствовать созданию свободных экономических зон на территории страны. Освободить «запудренные» мозги усталого народа от разного рода догм. Убедить себя и свое будущее, избранное советским парламентом, правительство, что в принципе мы не глупее соседей. Давайте только трудиться не с желанием каждый раз побеждать во взаимном и бесконечном соцсоревновании, а жить в соответствии с реальными экономическими законами земной цивилизации и тем государственным регулированием, над которым ломали головы выдающиеся социальные реформаторы мира: В. Ленин и Ф. Рузвельт.

После отчаянных намерений возникает также решимость по линии будущих депутатских запросов.

Сколько оружия на продажу произвели мы в последние десятилетия и сколько производим сейчас? Известно, что не только на Ближнем Востоке, но и среди африканских племен, а также небольших государств потребность в вооружении возрастает. Отсталые народы часто ссорятся, и им постоянно требуется оружие для взаимного уничтожения. Мы продаем его с удовольствием или без удовольствия? И в каких количествах?

Есть еще ряд немаловажных намерений, в том числе главное: выполнить хотя бы частично тот наказ, который я получил как депутат от творческого союза. Мое основное стремление: развивать и усиливать роль театрального искусства в общекультурном созидании хотя бы во имя смягчения нравов, во имя содействия медленному восстановлению поруганных исторических и религиозных ценностей нашего многонационального Отечества.

Мы должны заново оценить свое соответствие общечеловеческим ценностям, нравственным истокам великой христианской культуры. Оглянуться и почувствовать, в чем и где мы еще язычники, отступники, предавшие заветы праотцев.

Полагаю, что могильный хаос у Кремлевской стены должен быть упорядочен, прах усопших бережно перемещен на одно из исторически сложившихся московских кладбищ. Не удержусь и добавлю: великие соборы Московского Кремля рано или поздно обязаны воскреснуть, обрести свое попранное соборное великолепие и ту естественную жизнь, что имеют храмы Рима, Парижа, Мадрида и других цивилизованных городов. Намерение: всячески способствовать скорейшему расставанию с дохристианским варварством, бережно укреплять ростки духовного возрождения.

Таковы некоторые депутатские планы. О других скажу позднее, если предоставят слово на Съезде народных депутатов, на что, впрочем, не очень надеюсь.

СОСНОВАЯ РОЩА СПАСАЕТ ЛЮДЕЙ ●
ФИННАЛОГ И ШЕРСТЯНЫЕ ШАПОЧКИ ●
ПОЖАЛУЙСТА, СПАСИТЕ МЕДВЕДЯ! ●

■

В прошлом году «Огонек» писал о трагедии на станции Свердловск-Сортировочная, когда два вагона со взрывчаткой лишили крова и даже жизни тысячи людей.

Я сам житель Сортировки и один из пострадавших. Проезжая в те страшные дни мимо станции, видел сквозь завесу пыли и дыма искореженные вагоны и дома, а среди всего этого ужаса чудом сохранившуюся сосновую рощу. Она выстояла. Больше того — именно она, роща, приняла на себя ударную волну взрыва и уберегла стоявшие за ней дома и людей.

Прошло полгода — рощи нет. Ее вырубают. По плану горисполкома это место застроят, и от улицы, которая в честь сосновой рощи называется Таежной, останется лишь одно название. Вот она, благодарность людская. Принимая решение, горисполком не спросил разрешения у тех, кому роща жизнь спасла. А надо было!

В. ГАВРИЛОВ
Свердловск

■

Чувство негодования и горечи вызвала у меня заметка в газете «Труд» от 21 февраля с. г. под заголовком «На охоту — за валюту». Сообщается, что «Приморский крайисполком принял решение о развитии специальных видов международного туризма в Приморском крае. В частности, впервые на Дальнем Востоке будет организовываться спортивная охота для иностранных туристов». Начальник производственного объединения «Приморпромохота» Н. Драчев комментирует:

— Уссурийская тайга всегда была желанным местом для охотников. Ведь здесь водятся изюбр, медведь, кабан... Любители экзотики из капиталистических стран готовы платить солидные деньги за возможность побывать в нашей тайге, отстрелить дикого зверя. А для наших охотничье-промысловых хозяйств это источник получения твердой валюты...

Вот так. Предположение о непоправимом уроне от такого «сервиса» Драчев напрочь отметает. Природа не пострадает ни в коей мере! «...Туристы будут охотиться только на тех животных, которые добываются и нашими промысловиками, строго соблюдая установленные правила...»

Нет, не верю я тов. Драчеву, как давно уже не верю убаюкивающим сказочкам о том, что порубка сибирского кедра полностью восполняется ростом молодняка, что угроза загрязнения Байкала не так уж и велика, что осетру в Волге живется вполне неплохо и т. д. Неужто долларовый блеск ослепит нас настолько, что мы не сможем остановить ведомственную распродажу богатств нашей страны! Именно распродажу, ведь для ретивых добывателей твердой валюты наша фауна — обыкновенный товар.

Без всякого преувеличения скажу — прочитанное потрясло меня. Еще не знаю, что лично я, москвич, могу сделать для спасения природы Приморья от валютного нашествия. Пока — просьба к «Огоньку»: пожалуйста, заступитесь за русского медведя и других обитателей Уссурийской тайги!

А. БУХАРИН, 26 лет,
а также его родители и бабушка
Москва

■

Мое письмо ничего, конечно, не изменит в судьбах людей, желающих заниматься индивидуальной трудовой деятельностью. Я имею в виду тех, у кого доход не превышает ста рублей в месяц, и все-таки хочу, чтобы его напечатали.

Самая главная преграда — это райфинотдел, который отбивает всякий интерес к этой самой деятельности. Так случилось со мной.

Я и жена вяжем шерстяные шапочки и сдаем их в магазин по цене 11 рублей за штуку. Шерсть покупаем в Башкирии — 6 рублей за 100 граммов. Я, инвалид 2-й группы, и жена, родившая 10 детей, за месяц можем связать лишь 10—15 шапочек. Вот и считайте, много ли мы заработаем.

Сегодня вызывают меня в районный отдел финансов и читают постановление о налоговой системе и об оформлении многочисленных документов. В результате пришел домой — и решили с женой шапок больше не вязать. Накладно получается. И ни выгоды, ни пользы.

Я. ПАНКРАЦ
Оренбургская область

■

У меня в руках словарь «Современная идеологическая борьба», подготовленный Политиздатом в 1988 году и поступивший в продажу в начале 1989 года. Странные чувства возникают при знакомстве с этой книгой.

В словаре вы не найдете понятий «сталинизм», «сталинщина», но прочитаете, что «культ личности, конечно, не мог свернуть советский народ с пути Октября и социалистического строительства» (с. 171). Неужели для авторов словаря репрессивный режим Сталина тождествен социализму?

В этом издании нет слова «реабилитация», но есть разделы, осуждающие «космополитизм» и «троцкизм».

Не нашлось в книге места для терминов «нацизм» и «фашизм», но дана обстоятельная главка «масонство».

Сегодня советские люди создают новое, открытое общество, свободное от параноидных идей стального занавеса и атмосферы «осажденной крепости». Но в словаре «Современная идеологическая борьба» практически на каждой странице мы можем прочитать о психологической борьбе против СССР, идеологических диверсиях и буржуазной подрывной пропаганде. Кому нужен сейчас этот лексикон времен «холодной войны»?

Мы благодарны международным филантропическим фондам, оказавшим гуманитарную помощь многострадальной Армении. Но какие чувства может вызвать фраза из словаря о том, что «фонды «филантропические»... нередко используются специальными службами стран НАТО»? Понятие «благотворительность» составители словаря дают только в кавычках, а понятие «милосердие» отсутствует вовсе.

Из этой книжки я с удивлением узнал, что антисемитизма в СССР нет, что социалистическая революция решила национальный вопрос, что стереотипы присущи только буржуазной прессе, что экономические кризисы возможны только при капитализме.

Когда же наши обществоведы научатся говорить языком современности, а не словами сорокалетней давности?

А, может быть, доморощенные специалисты по борьбе с буржуазной пропагандой просто боятся, что перестройка оставит их без работы?

Д. ЛЕВЧИК,
аспирант Института
всеобщей истории АН СССР

■

«Огонек» уже затрагивал вопрос свободных поездок советских граждан за границу в частном порядке. Предлагаю разрешить проблему, касающуюся другой стороны той же медали: свободного въезда иностранцев в СССР по частному приглашению советских граждан.

Следует разъяснить, что моя семья покинула Россию до становления Советской власти. Я родилась за границей, и кроме австралийского гражданства ни у меня, ни у моих родителей никогда никакого другого не было.

В годы, которые теперь у вас называют «периодом застоя», я дважды беспрепятственно ездила туристкой в СССР. В ноябре 1988 года московские друзья (Виктор и Татьяна Попковы) пригласили меня приехать по гостевой визе на месяц или два. То есть это было приглашение частных лиц частному лицу приехать с частным визитом. В декабре 1988 года я получила необходимые для визита анкеты в консульстве СССР в Лондоне, а друзья подали соответствующие документы в московский ОВИР.

22 февраля 1989 года после проволочек наконец было выдано извещение ОВИРа, разрешающее въезд в Москву на 60 суток, уплачен налог в размере 15 рублей. ОВИР заверил, что, как только я предъявлю это извещение в лондонском советском консульстве, мне выдадут визу.

В консульстве мои документы приняли и сказали прийти за визой 10 марта. 10-го визы не дали. Почему? «Ждем подтверждения из Москвы». Тем временем телефонным звонком в МИД СССР удалось установить, что выдача въездных виз иностранцам уже некоторое время находится всецело в компетенции консульств на местах, и никаких списков на одобрение, по крайней мере в МИД, уже не посылают.

13 марта я никуда не улетела, но авиакомпания «Бритиш Эруэйс» проявила понимание: мой билет переписали на 16-е — чудом осталось одно свободное место на рейс 872 в 9.40 утра. Но это был мой последний шанс, не полечу — теряю все уплаченные за билет деньги. Все последующие дни я приходила в консульство, где мне продолжали повторять: «Без дополнительного подтверждения из Москвы визы дать не можем». Правда, советовали не отчаиваться, «ведь до 16-го еще время есть».

Вечером 15 марта из консульства позвонили и сообщили, что визы не будет. Почему? «К сожалению, не знаю»,— ответил заведующий отделением виз. Он выразил сожаление, что я теряю крупную для меня сумму денег, но... «не теряйте надежды... сохраните извещение ОВИРа... времена меняются... кто знает??.»

Вот именно — кто? Может быть, «Огоньку» удастся установить, почему моим друзьям в Москве ОВИР говорит одно (да и налог взимает), а мне в Лондоне советское консульство говорит другое? Почему одно советское государственное учреждение не признает действенным официальный документ, выданный другим учреждением?

С уважением,
Елена КОЖЕВНИКОВА
Лондон

■

Сравниваю две московские газеты («Вечерняя Москва» за 27 марта и «Московская правда» за 11 апреля) и ничего не могу понять. По результатам выборов народных депутатов СССР в восьми московских округах, где прошло повторное голосование, население уменьшилось на ... 80 тысяч человек. Скажем, по Ленинградскому округу было 379 906 внесенных в списки избирателей, а стало 361 852 человека. По Свердловскому цифра «похудела» почти на 10 тысяч избирателей — с 203 723 она сократилась до 194 235 человек. Что же случилось? Мор? Глад? Массовый выезд москвичей?.. Может быть, разгадка в других цифрах, тут же и опубликованных: в Свердловском округе в повторном голосовании приняли участие только 100 217 избирателей. Это 51,6 процента от нового, пересмотренного (кем? как? когда?) количества. Поэтому выборы на втором этапе по Свердловскому округу признаны состоявшимися. Но сравним с начальной цифрой, и станет неясно, пришло ли на избирательные участки в этом округе более половины избирателей. Не потому ли так скоропалительно «похудела» цифра? Или кто-то думает, что москвичи не в ладах с арифметикой?

Л. ШИХМАТОВ
Москва

Наш адрес:
101456, ГСП,
Москва,
Бумажный проезд, 14.

«1 декабря 1988 года примерно в 15 часов 30 минут в городе Орджоникидзе Северо-Осетинской АССР вооруженной группой был захвачен автобус, в котором находились 31 учащийся 4 «Г» класса средней школы № 42, их учительница и водитель.

Преступники объявили, что пассажиры взяты ими в качестве заложников, и, угрожая убить их, выдвинули ряд ультимативных требований, в том числе о вручении им трех миллионов в иностранной валюте и золотом, а также предоставлении самолета для полета за пределы Союза ССР. 2 декабря их требования были удовлетворены, и преступники на захваченном с применением насилия самолете вылетели в государство Израиль. 3 декабря все участники вооруженной группы были выданы Советскому Союзу израильскими властями».

(Из газет.)

Георгий РОЖНОВ,
Александр НАГРАЛЬЯН (фото),
специальные корреспонденты «Огонька»

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА И ИСПОЛНИТЕЛИ

Как только это сообщение передали для печати, даже непосвященным стало ясно, что на земле и в воздухе происходила драма. Думается, эпитеты к ней не нужны, хотя и просятся: невероятная, жестокая, человеческая. Или наоборот — бесчеловечная. Как и во всякой драме, в этой тоже были свои пролог, кульминация и эпилог. Присутствовали действующие лица и исполнители. Одни выполняли свои преступные замыслы, другие — свой служебный, гражданский и нравственный долг.

Чтобы последующий мой рассказ не спотыкался об уточнения, снижающие его напряженность, с действующими в нем лицами знакомлю сразу:

ШЕРЕМЕТЬЕВ Евгений Григорьевич, 40 лет, образование высшее, семейный, имеет двоих детей. Полковник Управления государственной безопасности по Ставропольскому краю.

ЕФИМОВА (по настоящему делу — Дзагоева) Наталья Владимировна, образование среднее специальное, не замужем. Учительница начальных классов средней школы № 42 г. Орджоникидзе.

Школьники 4 «Г» класса — 31 ребенок, официальные представители правительств СССР и государства Израиль, сотрудники КГБ и МВД, службы безопасности Израиля, Министерства гражданской авиации СССР, Внешторгбанка, пилоты самолетов Ил-76Т, Ту-154, израильских истребителей-перехватчиков Ф-15, наземный персонал аэропортов Минеральные Воды, Шереметьево-1 (Москва), Бен-Гурион (Тель-Авив). Пожарные, врачи, спасатели, водители спецавтомобилей.

Добрые люди в нашей стране и за рубежом.

ЯКШИЯНЦ Павел Левонович, 39 лет, образование среднее, ранее работал водителем автобуса автоколонны г. Орджоникидзе, разведен, от двух браков имеет троих детей. Трижды судим, последний раз — за вооруженное разбойное нападение.

МУРАВЛЕВ Владимир Александрович, 27 лет, образование среднее, холост, с июля 1988 года не работает. Дважды судим.

ВИШНЯКОВ Герман Львович, 23 года, образование среднее, холост, с февраля 1988 года не работает. Ранее не судим.

АНАСТАСОВ Владимир Робертович, 26 лет, образование среднее, ранее работал бетонщиком СМУ «Кававтострой», женат. Ранее не судим.

ДЖАФАРОВ Тофий Джафарович, 28 лет, образование среднее, разведен, имеет двоих детей, ранее работал водителем автоколонны производственно-технического управления связи. Не судим.

г. ОРДЖОНИКИДЗЕ. 1 ДЕКАБРЯ, ДЕНЬ

В 16 часов 30 минут на улице Пушкинской у здания обкома партии громыхнул выстрел. Позже, когда материалы обо всей этой драме буквально захлестнули газеты, во многих из них я читал одну и ту же фразу: «Бой без выстрелов». Но это неправда или, с учетом суматохи тех дней, ошибка: выстрел, как я уже сказал, был. И вспоминаю я об этом потому, что это был первый и последний выстрел в поединке, все участники которого были вооружены. Это главное.

И еще: Якшиянц нажал на спуск обреза случайно, он уже крепко психовал тогда, руки дрожали, и пуля чудом только царапнула водителя «Жигулей» Бирко. Случайность выстрела подтвердили и предварительное, и судебное следствие: Якшиянцу тогда пальба была ни к чему. Ему нужно было только одно — остановить эти «Жигули» и передать с водителем ультиматум властям. Что Бирко, оправившись от потрясения, и сделал незамедлительно — обком партии, как уже было сказано, находился рядом.

Тотчас же к месту происшествия поспешила оперативная группа Ленинского РОВД, которую возглавил заместитель министра внутренних дел автономной республики полковник милиции Таймураз Батагов. Он и его спутники увидели неподвижно стоящий на улице серо-зеленый автобус «ЛАЗ». Его окна были зашторены, а сквозь форточку дергалось дуло обреза.

— Не подходить! — прокричали из автобуса.— Будем стрелять! Для переговоров — рацию!

— Иди к ним,— сказал Батагов начальнику райотдела Хуадонову.— Пистолет оставь. А рацию возьми, отдай.

Это первое решение все еще ничего не знавших властей было не просто правильным. Оно было мудрым, оно рождало надежды.

Хуадонов вернулся быстро. Он был бледен, в глазах — ужас.

— Там дети,— сказал Хуадонов.— Много детей. И пахнет бензином. Кто их там держит — не видел.

Зашипела рация, Батагов назвал себя и услышал:

— Запоминай, полковник. Я — Паша Якшиянц. Проверишь потом — имею три «ходки» в зону, последний раз сидел в Андижане. Понял, с кем имеешь дело? Здесь со мной много таких. У нас — заложники. Тридцать один школьник, их учительница и водитель. В салоне — бутыли с бензином, взрывчатка, оружие. Требуем: предоставить большой самолет и отвезти меня с ребятами за кордон. В ту страну, где нет нашего посольства. И два миллиона

АЛОЖНИКИ

долларов. Плюс миллион золотом. На размышление — сорок минут.

Пока Батагов докладывает о случившемся руководителям республики, а те связываются со Ставрополем и с Москвой, у нас есть время узнать то, о чем в этих докладах пока не сообщалось.

Все утро и половину этого дня Якшиянца, Муравлева, Вишнякова и Анастасова преследовали неудачи. Зачем же тогда недели, месяцы слушали и обсуждали они план Якшиянца, в котором, казалось, все было предусмотрено до мелочей: и как угонят они автобус, и как заманят туда детей, а потом уж власти сделают все, что они им прикажут. Принесут много денег, дадут самолет и — прощай, Союз со своими ментами, тюрягами, работой, которая только дураков любит. А они теперь не дураки — у них есть Паша, который и придумал самое главное: захватить — какие на глаза попадутся — детей, а с ними уже и бояться некого, не посмеют.

И вот, на тебе, первый сюрприз: пятый в их группе мужик — Джафаров — взял да и взбрындил. Ни денег, мол, мне не надо, ни заграницы. Хорошо хоть патроны к обрезу дал, ножик путевый да поклялся молчать до гроба. Ладно, плюнули на этого Тофика, пошли искать автобус. Пять машин облазили — то бензина в них нет, то не заводятся, окаянные! Ну бесхозяйственность, крыл такие порядки Паша, ну лодыри все поголовно — поди похалтурь так на Западе!

Наконец повезло — влетели в пустой автобус, сунули водителю обрез под нос, поехали! У областной типографии снова удача — целая орава школьников. И учительница — хорошенькая, глаза ласковые, улыбается. Паша тут был на высоте, показал девочке путевку, пригласил в машину, и эта дура поверила, подождала, пока детишки влезут в автобус, а потом и сама вошла, последней. Тут ей Паша и объяснил все популярно и доходчиво: вот, девочка, спички, а вот — бензин в бутылях, чиркну — и будешь гореть со своими пацанами и девками синим пламенем. Или красным, один черт.

Подействовало — прав был Паша, когда о детях говорил. Сказала, что зовут ее Наташей, что ни мужа, ни детей нет, а потом села писать то, что ей Паша диктовал,— ультиматум. Опять, считай, повезло: не дура, не психопатка им попалась, даже детей успокоила, сидят тихо, не пикнут.

Страны, куда им хотелось лететь, Якшиянц выбрал такие: Пакистан, Израиль, ЮАР.

Да, еще одно условие: отпустить из тюрьмы и доставить к автобусу старого Пашиного дружка — Кривоносова.

И стали ждать ответа.

ОРДЖОНИКИДЗЕ.
1—2 ДЕКАБРЯ.
ПОЗДНИЙ ВЕЧЕР. НОЧЬ.

Переговоры по рации:

— Аэропорт в Орджоникидзе работает на взлет и посадку только днем. Круглосуточно — в Минводах. Едешь?

— С условием — принеси «колеса».

— Будут тебе таблетки. Но вместе с ними ты возьмешь одеяла и теплые вещи для детей.

— Лады. Несите.

Сквозь приоткрытое окно автобуса бандитам передали несколько упаковок лекарств, которые они могли использовать как наркотики, и, самое главное, детские курточки, кофты, свитеры, пледы. Собрать все это было просто: на соседних улицах уже стояли десятки отцов, матерей, бабушек и дедушек томящихся в захваченном автобусе ребятишек.

Около восьми часов вечера вереница машин двинулась в неблизкую дорогу: «ЛАЗ» с бандитами и их заложниками, «Волги» с офицерами милиции, патруль ГАИ с включенными мигалками. А следом за ними — десятки автомобилей с едущими в тревожную неизвестность родственниками детей, ставших заложниками.

Около следственного изолятора Якшиянц остановил автобус — не забыли его требование освободить находящегося в заключении Кривоносова? Прокурор республики сообщил осужденному о заботе его дружков и кивнул головой на выход: свободен! И вот тут-то Кривоносов буквально взвился: не пойду — и точка. Ему протянули рацию: скажи Якшиянцу об этом сам, иначе не поверит.

Нет более тяжкого для уголовника оскорбления, чем то, которое выпалил в микрофон Кривоносов своему недавнему дружку.

— Козлы позорные! — завопил он.— У вас что — крыша поехала? Давай ко мне в камеру — легче будет.

Хоть и огорчил Якшиянца такой отлуп, но слово он сдержал — одного ребенка велел выпустить. Как потом вспоминала Наташа Ефимова, ребята посовещались и решили, что первой на волю выйдет самая маленькая — Ивелина Чебукаури.

А все остальные продолжили путь. К четырем часам утра караван машин подъехал к аэропорту Минвод и, остановившись, пропустил на взлетное поле только автобус с заложниками.

АЭРОПОРТ ШЕРЕМЕТЬЕВО-1.
1—2 ДЕКАБРЯ. ВЕЧЕР. НОЧЬ.

Тяжелому транспортному самолету «Ил-76Т» (бортовой номер 76519) в ночь с первого на второе декабря предстоял обычный рейс, с обычным грузом — в Дели.

Экипаж прибыл в Шереметьево-1 вовремя, но до самолета не дошел: у выхода на взлетное поле их ждал заместитель генерального директора Центрального управления международных воздушных сообщений МГА Г. М. Приходченко.

— Рейс в Дели отменяется,— сказал Геннадий Михайлович.— Срочно летите в Минводы. Потом — то ли на Ближний Восток, то ли в Африку.

— Конкретнее нельзя? — спросил командир корабля А. Божков, впервые услышавший о более чем странном полетном задании.

— Ребята,— сказал Приходченко,— я сам не знаю. Ясно одно: срочно в Минводы.

В дальнейшем мы еще не раз встретимся с экипажем самолета Ил-76Т, поэтому познакомимся с каждым: командир корабля А. Божков, 2-й пилот А. Гончаров, штурман А. Грибалев, бортинженер Ю. Ермилов, бортоператоры Б. Ходусов, В. Алпатов, бортрадист А. Горлов. Руководил этим необычным рейсом заместитель командира авиаэскадрильи А. Балашов.

В 0 часов 45 минут борт 76519 взял курс на аэропорт Минеральные Воды.

Наступило 2 декабря. Десятый час заложниками террористов были дети и их учительница.

АЭРОПОРТ МИНВОДЫ.
2 ДЕКАБРЯ. НОЧЬ. ДЕНЬ.

С наступлением сумерек аэропорт в Минводах был окружен плотным кольцом подразделений внутренних войск и милиции. В полной боевой готовности были группы захвата, снайперы. Еще до прибытия автобуса с заложниками сюда же прилетели из Москвы ответственные сотрудники КГБ и МВД СССР, их коллеги из Ставрополя. Надеюсь, никто из них не будет обижен, если из многих десятков опытнейших специалистов я назову лишь одного: полковника госбезопасности Евгения Григорьевича Шереметьева. Во всяком случае, когда зашла речь о выделении своего рода связного для переговоров с бандитами, едва ли не каждый из них назвал одну и ту же фамилию: Шереметьев.

— Условие одно,— сказал Шереметьев,— что бы со мной ни случилось, огня не открывать, к автобусу не приближаться.

Потом он снял каску, бронежилет, отстегнул кобуру с пистолетом и набросил на себя легкий плащ. Пуговицы не застегивал — пусть убедятся, что оружия у него нет. Затем взял два бронежилета, которые по рации потребовал Якшиянц, и медленно пошел к автобусу. Открылась половина двери, Шереметьев бросил в салон жилеты, а Якшиянц выпустил двоих детей. Сколько раз Шереметьев ходил к автобусу, он и сам помнит с трудом, но подсчитать можно: за каждый бронежилет, за каждый автомат, пистолет, пару наручников или упаковку наркотиков бандиты выпускали по одному ребенку.

Когда в автобусе осталось одиннадцать детей, Шереметьев сказал:

— На полосе — два самолета: Ил-76Т и Ту-154,— выбирайте любой. Правительство СССР согласилось выпустить вас из страны, а правительство Израиля — принять. Вы же должны выпустить всех детей, учительницу и по-прежнему обходиться без выстрелов. Мы обещаем тоже. Это слово чекиста.

Все думаю: почему орущий, дергающийся, искаженный злобой Якшиянц хоть и тыкал в лицо Шереметьева то обрез, то пистолет, но ни разу не сорвался на непоправимое, хоть и капризно, но выполнял условия соглашения с властями? Почему сначала запрещал, а потом позволил чекисту и ходить по автобусу, и утешать детей, и разговаривать с другими бандитами?

Давайте послушаем, как месяц спустя после драмы, не ставшей трагедией, Наташа Ефимова говорит о Шереметьеве:

— Когда он вошел в автобус, словно чудо какое-то случилось. Я плакала и вдруг стала улыбаться. Дети уже и вовсе были измучены, а тут вот тоже начали и улыбаться, и вообще приободрились. А эти четверо смотрят на него исподлобья, но не перебивают, слушают. Даже Якшиянц и тот немного поутих. За всю мою жизнь я даже в кино не видела таких добрых, таких смелых, таких душевных людей, как Евгений Григорьевич. Если бы не он...

А вот слова Якшиянца, которым в данном случае можно верить,— никто его за язык не тянул, выгод эта искренность ему не сулила:

— Если б хоть раз мне попался такой следователь, такой воспитатель в зоне, как Шереметьев, ни второй, ни третьей судимости у меня бы не было. И таким скотом я бы тоже не был.

Но все это было потом, а пока, 2 декабря, предстояло самое трудное, в благополучном исходе которого сомневался и сам Шереметьев: вызволить, наконец, у бандитов оставшихся одиннадцать детей, их учительницу, а саму эту банду поскорее отправить вон из страны.

ТЕЛЬ-АВИВ. 2 ДЕКАБРЯ.
НОЧЬ. УТРО.

Глубокой ночью 2 декабря в одном из номеров отеля «Ромада-Континенталь» в Тель-Авиве зазвонил телефон. Трубку снял руководитель советской консульской группы, временно работающей в Израиле, Мартиросов.

— Георгий Иванович,— услышал он голос одного из руководителей МИД СССР,— к вам вылетает самолет с заложниками. На борту — вооруженные преступники. Свяжитесь с властями, попросите о содействии.

Опытный дипломат, Мартиросов сразу понял, почему Москва воспользовалась открытой телефонной связью — намеренная «утечка» информации непременно заинтересует кое-кого в Израиле. И пока он раздумывал, стоит ли дожидаться утра, чтобы начать действовать, буквально сразу раздался еще один звонок — говорил исполняющий обязанности генерального директора МИД Израиля Ануг. Он не тратил лишних слов: самолет будет принят, с террористами поступят в соответствии с нормами международного права. ВВС Израиля и аэропорт Бен-Гурион немедленно приводятся в состояние повышенной готовности.

У Мартиросова слегка отлегло от сердца — летите, голуби, летите...

МИНВОДЫ. 2 ДЕКАБРЯ. ДЕНЬ.

Когда пришло время переходить в самолет, Якшиянц и вовсе осатанел: он был уверен, что именно там — ловушка. Автобус почти вплотную подъехал к трапу, главарь крепко ухватил Шереметьева за плечи и, прикрываясь им, подошел к экипажу. Каждого обыскал, каждому вывернул руки назад и защелкнул наручники. Потом по его приказу Муравлев поднялся в салон, тщательно осмотрел и его, и кабину пилотов, и кухню, и туалеты — ничего подозрительного. Анастасов заорал в автобус: «Выходи по двое!»

После почти суточного плена дети едва стояли на ногах, шли медленно и Анастасов с Вишняковым, матерясь, подталкивали их в спину прикладами автоматов. И бортрадист Горлов не выдержал, заплакал от собственного и его товарищей бессилия.

Когда дверь захлопнулась, Якшиянц заорал: "Где деньги?" — и, ткнув Шереметьеву пистолет в лицо, разбил в кровь его губы.

— Отпустишь детей — будут деньги,— сказал Шереметьев.— А если нужна тебе кровь, стреляй в меня — вот сюда, в сердце.

Тогда Якшиянц выдвинул новое требование: доставить в самолет его бывшую жену Тамару Фотаки и любимую овчарку. Выполнили и это условие, доставили. Все, кто был тогда в самолете, в один голос говорят: страшнее минут не случалось. Бандиты, изрядно накачавшись наркотиками, метались по салону, передергивали затворы автоматов, бросали их и хватались за пистолеты, дети уже плакали навзрыд, а Фотаки орала своему бывшему мужу: зверь, палач, ненавижу! Шереметьева швырнули на пол, велели заложить руки за голову, и Якшиянц приставил к его затылку автомат. Потом Фотаки отвела Павла в конец салона, они сначала шептались, потом орали друг на друга, но в конце концов Шереметьев услышал от главаря главное: быть по-твоему, пусть уходят вместе с Наташей. Зато ты, полковник, теперь заложник. И Тамара в заложниках, и все восемь пилотов. Только взглядом прощался полковник Шереметьев с детьми, только шептал разбитыми губами: один, второй, пятый, десятый, одиннадцатый ребенок ступил уже на трап. Последней — Наташа. Шереметьев прислонился головой к стенке салона и прикрыл глаза — теперь ему было все равно: заложник так заложник, убьют так убьют.

— Стрельну, выброшу тебя на бетонку — враз «бабки» принесут,— пригрозил Якшиянц.

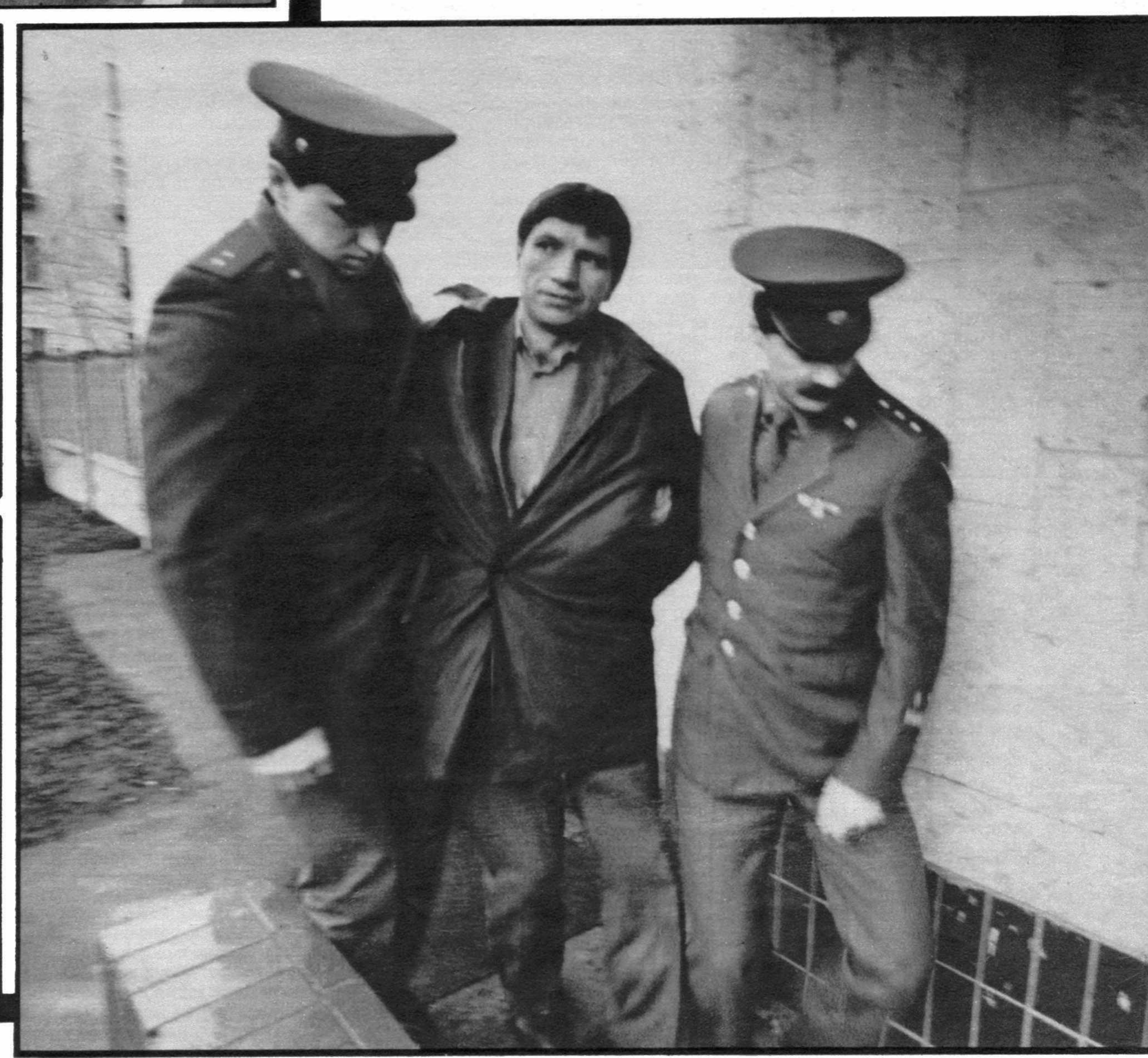
И тут же в открытую дверь стали влетать мешки с госбанковскими штемпелями — один, второй, третий. Дверь самолета захлопнулась, потом Якшиянц снова открыл ее и подтолкнул к выходу Шереметьева. Трапа уже не было, и Евгений Григорьевич рухнул вниз. Но не на жесткую бетонку полосы, а на руки товарищей.

Пилоты, с которых уже сняли наручники, разогрели двигатели, получили добро диспетчера и начали рулежку на взлет.

В 15 часов 30 минут самолет Аэрофлота Ил-76Т оторвался от советской земли и взял курс на Тель-Авив.

С момента захвата детей и начала операции «Гром» прошло ровно сутки. Гром, как видим, не грянул. Пока.

АЭРОПОРТ БЕН-ГУРИОН. 2 ДЕКАБРЯ. УТРО.

Когда пролетали над Средиземным морем, командир увидел обложившие его с боков, сверху и снизу истребители с опознавательными знаками Израиля. И услышал в наушниках голос пилота одного из них:

— Шалом! Мы поведем вас. Если надо — поможем. Все будет о'кей!

Аэропорт Бен-Гурион, что в двадцати километрах от Тель-Авива, был уже готов к прилету незваных гостей. Наготове стояли машины «скорой помощи», фургоны с реанимационной аппаратурой, передвижные станции первой помощи, а на всем протяжении посадочной полосы выстроились пожарные и полицейские автомобили. С автоматами на изготовку, в шлемах и бронежилетах ждали террористов отряды специально обученных для таких встреч коммандос. В аэропорт прибыли министр обороны Израиля Ицхак Рабин, ответственные сотрудники МИД. Ждали самолет и советские консульские работники.

Около шести часов вечера по местному времени Ил-76Т мягко совершил посадку. В наступившей темноте его высвечивали десятки мощных прожекторов.

Дверь открылась, Якшиянц попробовал было высунуться наружу и даже помахать приветственно рукой, но тут же едва не был сбит с ног ворвавшимися в салон солдатами и полицейскими.

— Лицом к стене! Руки за голову! Не двигаться!

В спину каждого из бандитов уперлись дула автоматов.

— А это и правда Израиль? — не поверил Якшиянц.

Ему ткнули под нос удостоверение с шестиконечной звездой.

— По одному — вниз! Иначе открываем огонь. Пошел!

Не без удивления смотрели собравшиеся в аэропорту на четырех бесконечно кланяющихся, похохатывающих от свалившегося на них счастья иноземцев — и это террористы, державшие в напряжении сотни людей в двух странах? Еще больше они поразились, когда услышали, как Якшиянц на полном серьезе при всем народе предлагает министру обороны половину награбленного в обмен на «хорошее отношение».

Дальнейшие переговоры прервали дюжие полисмены, сковавшие руки бандитов наручниками и запихнувшие их в фургоны с решетками.

А через несколько минут за каждым из них захлопнулись двери одиночных камер в тюрьме Абу-Кабир.

И они уже не могли знать, что тотчас же в Москву, в Министерство иностранных дел была передана телефонограмма, согласованная с руководством МИД Израиля. Вот ее текст: «Израильская сторона готова обеспечить вылет самолета с экипажем в любое время. Израильская сторона готова интернировать угонщиков в любое время. Если советская сторона считает целесообразным возврат угонщиков этим самолетом, то могут быть рассмотрены следующие варианты: 1) прибытие в Израиль из СССР советской группы сопровождения; 2) сопровождение угонщиков израильской спецгруппой до соответствующего пункта посадки, например, на Кипре, с заменой там на советскую группу сопровождения».

3 декабря в Тель-Авив прибыла состоявшая из сотрудников КГБ спецгруппа, которой немедленно были выданы и террористы, и захваченные ими миллионы, и оружие. 3 декабря в 22 часа 21 минуту Ил-76Т с двумя бандитами на борту вылетел из аэропорта Бен-Гурион курсом на Москву. Почти следом за ним взмыл в воздух и самолет Ту-154 — в нем под стражей находились остальные.

Операция «Гром» закончилась.

КТО ПОСЛЕДНИЙ?

Угонов самолетов и попыток сделать это у нас, увы, немало. И финал их, как правило, горестный — вспомним хотя бы многолетней давности гибель бортпроводницы Нади Курченко и совсем близкий по времени угон самолета Ту-154 семейством Овечкиных, когда головотяпство и профессиональное невежество группы захвата обернулись и сожжением судна, и самоубийством бандитов, и множеством покалеченных «спасителями» пассажиров.

Поэтому исход операции «Гром» в этом смысле уникален и поучителен. Это первый случай, когда власти и представляющие их должностные лица сделали то, что уже давно делается в подобных случаях в большинстве стран, — беспрекословно выполнили все, даже самые безумные требования угонщиков, и не дали эмоциям возобладать над профессиональным расчетом и моральной ответственностью за судьбы заложников.

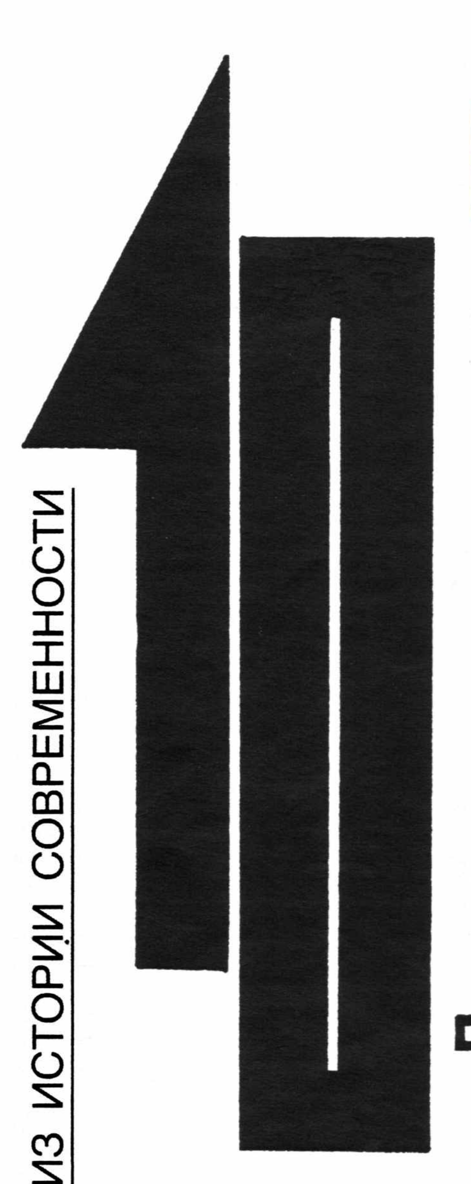
Собственно говоря, сами террористы заложниками и являются: своей жадности к деньгам, своей тяги к наркотикам и безделью, своей тупой убежденности в том, что где-то там, за морями и долами, есть еще страна, которая откроет объятия бежавшим из СССР уголовникам. Думаю, что именно они и будут теми последними дураками, кто еще верит в такую дичь: ни одна страна, как бы мы с ней ни ссорились, не обласкает воздушных пиратов.

Но не забудем и то, что, несмотря на значительно большее, чем у нас, количество угонов самолетов на Западе, только в СССР террористы используют воздушный лайнер для выезда из страны. Ни у кого из отечественных бандитов никогда не было ни политических, ни религиозных мотивов, только одно: пересечь границу. Почему не дать им сделать это легально, купив билет в кассе Аэрофлота? Почему мы до сих пор с таким упорством отстаиваем запреты, которые не позволяют лодырю, неучу, наркоману и уголовнику катиться из нашей страны на все четыре стороны? А ведь есть такие охотники к перемене мест с помощью Аэрофлота, летать самолетами которого «надежно, выгодно, удобно»: только в прошлом году в аэропортах страны было изъято более 250 стволов огнестрельного оружия, 86 177 единиц — холодного, 411 килограммов взрывчатки. Так, может, действительно проще позволить таким без царя в голове путешественникам проходить в самолеты заграниний не с помощью обреза или толовой шашки, а предъявив выправленные по всей форме документы?

И последнее. Коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР вынесла по делу Якшиянца и компании приговор, о котором, пожалуй, знают все — недостатка в информации здесь не было и в помине. Равно как и в убежденности в непредвзятости и предварительного, и судебного следствия. Но вот что тревожит: из 15 лет лишения свободы Якшиянц должен провести в тюрьме весь срок, Муравлев из 14 лет просидит в такой же тюрьме все 10, а Вишняков и Анастасов из такого же срока заключения по пять лет тоже проведут за решеткой камеры.

Да простит меня высокий суд, но я убежден, что именно при назначении таких неслыханных мною ранее сроков заточения он перешагнул ту невидимую грань, которая отделяет неотвратимость и суровость наказания от неоправданной жестокости. Подчеркиваю: мною движет сейчас не жалость, не милосердие даже — здравый смысл. Тюрьма — это не только тесное пространство многолюдной камеры, не только засовы на дверях и окна, доверху забранные решетками «под козырек». Тюрьма — это дни, месяцы, годы отупляющего безделья, изоляции не только от общества, но и от родных и близких. Попади эти четверо в ИТК даже с самым суровым режимом, они будут работать, зарабатывать деньги и, помимо своего желания, отправлять их на содержание детей или выплату астрономического по сумме иска. А при этом приговоре преступники, чья вина, повторяю, бесспорна, на долгие годы останутся заложниками нашей далеко не безупречной исправительно-трудовой системы, которая в условиях тюремного заключения не гарантирует преступнику ни труда, ни исправления.

Услышав приговор, Наташа Ефимова взглянула на своих недавних мучителей и закрыла лицо руками. В дуло обреза она смотрела, не отводя глаз. А тут не смогла.

10-АЯ ПЛОЩАДКА

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ РАССКАЗ

**Александр БОЛОТИН,
специальный корреспондент «Огонька»**

КОГДА МЫ БЫЛИ МОЛОДЫ...

«Я разные годы сближаю, ворочаюсь, глаз не сомкну, мне кажется,— я уезжаю на очень большую войну»,— рефреном, в такт стуку колес бьется во мне эта стихотворная строчка, и я действительно ворочаюсь на верхней полке плацкартного вагона, а за окном бегут розовые тени, словно отблеск пылающего от заката неба, какое бывает лишь на загадочных полотнах Рериха или Рокуэлла Кента, и нам, наверное, кажется, что мы уезжаем на большую Войну, хотя бы потому, что в поезде много военных, золотые пушечки на черных петлицах — традиционная эмблема артиллеристов и ракетчиков.

А на горизонте пылает охваченное закатом небо. ...Это небо нашей юности, наших тревог и надежд!

За Аральским морем резко темнеет, тени исчезают, в окно вползает ночная прохлада, я пытаюсь заснуть, но заснуть, конечно, не удается, потому что сонный вагон потихоньку приходит в движение, точечками в ночи уже мерцают огни Казалинска, плачет разбуженный ребенок, то и дело хлопает дверь в тамбур, в пассажирах нарастает нетерпение — прошло почти трое суток, пока скорый поезд преодолевает расстояние от Москвы до этих выжженных солнцем, богом забытых казахстанских степей. Станция Тюра-Там...

Генерал-полковник М. И. Неделин. 1950 год.

***60-Е ГОДЫ...
ТЯЖЕЛО И СУРОВО, В ОБСТАНОВКЕ ГЛУБОЧАЙШЕЙ СЕКРЕТНОСТИ СОЗДАЕТСЯ РАКЕТНО-ЯДЕРНЫЙ ЩИТ НАШЕЙ РОДИНЫ. ОДНИМ ИЗ ВЫДАЮЩИХСЯ ЕГО СОЗДАТЕЛЕЙ БЫЛ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ СОВЕТСКИЙ ВОЕНАЧАЛЬНИК, ЗАМЕСТИТЕЛЬ МИНИСТРА ОБОРОНЫ СССР, ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ РАКЕТНЫМИ ВОЙСКАМИ, ГЛАВНЫЙ МАРШАЛ АРТИЛЛЕРИИ МИТРОФАН ИВАНОВИЧ НЕДЕЛИН. РАССКАЗ О НЕМ И О ТЕХ, КТО НАВСЕГДА ОСТАЛСЯ ТАМ, ГДЕ ПРОИЗОШЛО ЭТО ТРАГИЧЕСКОЕ СОБЫТИЕ, КТО ЦЕНОЙ СВОЕЙ ЖИЗНИ РАСПЛАТИЛСЯ ЗА ДОСТИГНУТОЕ РАВНОВЕСИЕ В ОБОРОНОСПОСОБНОСТИ ДВУХ ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ. В ЭТОМ РАССКАЗЕ МНЕ НЕ УЙТИ ОТ ЛИЧНЫХ ВОСПОМИНАНИЙ И ОСТАЕТСЯ ТОЛЬКО БЛАГОДАРИТЬ НАШЕ ВРЕМЯ, ЧТО ОНО ПОЗВОЛЯЕТ ВЕРНУТЬСЯ В ТУ ДАЛЕКУЮ, ТРУДНУЮ, НО ПРЕКРАСНУЮ ПОРУ.***

Только спустя много лет выяснилось, что в переводе с казахского Тюра-Там означает «священное место», здесь располагался Мазар — могильный памятник святого, что и предопределило название станции. Кто бы мог тогда об этом подумать?

Тогда еще не получили своего распространения звучные, ныне всемирно известные названия — космодром Байконур, Звездоград, Ленинск... Каждый населенный пункт имел свое цифровое обозначение: «десятая» площадка — жилой городок, «девятая» площадка — аэродром, «вторая» площадка — рабочая зона, «тринадцатая» площадка...— естественно, кладбище. Впрочем, я несколько упрощаю эту схему, площадок было гораздо больше: на месте «великих пустынных пространств» в те годы, как грибы после дождя, вырастали ракетные старты, человек стремился отсюда в космос, человек учился здесь владеть грозным ракетным оружием.

«Десятка» была заложена 5 мая 1955 года — сюда направлялись крупные подразделения военных строителей, с первого советского ракетного полигона в Капустином Яру перебрасывались техника и специалисты, начинал действовать штаб нового испытательного полигона. Тюра-Там осваивали тысячи военных.

Ну, а причем здесь мы, сугубо гражданские люди?

...Мы — это заводская московская шпана с Балашихи и Одинцова, Потылихи и Марьиной рощи, Ростовских, Голутвинских и Рогожских переулков, как правило, не обремененные семейными узами, «безлошадные», как называли нас более пожилые коллеги, срочно навербованные в невзрачных московских строениях без вывесок, отличающихся друг от друга номерными знаками «почтовых ящиков», где молодцеватые начальники отделов кадров с выправкой кадровых военных после необходимых длительных проверок выписывали нам многомесячные командировки на строительство странных и таинственных объектов, которые, оказывается, не могли обойтись без умения сварщиков, монтажников, механиков и компрессорщиков, людей самых различных, но в общем-то прозаических профессий.

Самое лучшее время года здесь ранняя весна: еще не наступила летняя изнурительная жара, утренники звонкие от прохладного ветра, в степи коегде можно увидеть красные и желтые тюльпаны, в небе разлита поразительной густоты голубизна. Как легко и свободно дышится в эти дни! С каким упоением пели мы тогда кем-то сочиненную бесхитростную песенку на простенький мотивчик, где были такие слова: «Засыпают пески, ночью там холода, саксаул там растет, привозная вода, Тюра-Там, Тюра-Там, никогда не забыть тебя нам».

«Вторая» площадка, названная впоследствии «Гагаринским стартовым комплексом», многократно описана, показана в кино и по телевидению. Сколько раз приходилось вместе с товарищами снимать с помощью крана, «штопать» после пусков и ставить на место стальные решетчатые конструкции ферм «силового пояса» — они хорошо узнаваемы, когда при подъеме ракеты распадаются, будто лепестки необычного огненного «цветка». Но я, по-моему, ни разу не видел в ракурсе кино- и телекамер то, что находится ниже горизонта стартового «козырька», а именно лабиринты технических помещений, начиненные сложными системами кабелей, различными машинами и приборами, обеспечивающими жизнедеятельность уникального инженерного сооружения, каким является космодром. Там свое, невидимое миру царство с крутыми железными лестницами и гулкими бетонными переходами, где всегда прохладно и бесконечно тянутся толстостенные, рассчитанные на сверхвысокое давление нержавеющие трубы.

Там, на своем обычном рабочем месте, в помещении, условно именовавшемся тогда «шестигранником», я познакомился с Лейтенантом.

...Мучительно симпатичны мне лейтенанты той поры, мои одногодки, такие же задиристые и бескомпромиссные, с такими же ясными мальчишескими лицами, и такие же, как и мы, в сущности, беззащитные перед временем и перед своей судьбой.

У нас, гражданских, с лейтенантами были подчас непростые отношения. Во-первых, многие из монтажников уже отслужили армию и, ощущая легкий дурман от неподвластности военным порядкам, смотрели вообще на всех людей с погонами свысока, во-вторых, каждый из нас немножко кичился своим положением — все-таки приехали аж из самой столицы, а если еще и деньги платят немалые, то, значит, точно незаменимые. Лейтенанты, судя по всему, больших денег не получали, мирские соблазны, доступные нам во время не частых, но в принципе регулярных отлучек в Москву, ходили от них в стороне. Дни, как мне казалось, сливались у них в непрерывную будничную цепь: днем — работа на старте, вечером — офицерское общежитие с небольшими радостями типа кино или преферанса. Думаю, исходя из этих обстоятельств, что особой любви они к нам тоже не испытывали.

Но когда полным ходом разворачивалась подготовка к запуску ракеты и приходилось забыть про кино и преферанс, потому что рабочий день нередко переходил в рабочую ночь, то все мы — и военные, и гражданские — невольно соединялись в одно целое, да и жили по одному графику, который каждому диктовал быть неукоснительно расторопным и четким. Работа нас сближала, да и времени не было для выяснения отношений.

Однажды во время такой предстартовой горячки у нас на «шестиграннике» упало давление в системе труб, которая в момент подъема ракеты разбрызгивает жидкий азот, чтобы сбить мощное пламя, бьющее из сопл двигателей. Было необходимо быстро найти и устранить образовавшуюся течь. Для меня это было дело не новое, но Лейтенант, только что включенный в боевой расчет системы, хлопал глазами, удивленно рассматривая замысловатые пакеты трубных соединений, инжекторы, предохранительные клапаны и прочие хитрые «штучки».

Я быстро объяснил ему, что надо делать, и мы, где ползком, где обдирая локти об острые бетонные уступы, в течение нескольких часов внимательно осматривали каждое фланцевое соединение, каждый сварной стык. Лейтенанту явно не хватало сноровки, я видел, как он не раз больно ударялся головой о выступающие кронштейны, к тому же порвал комбинезон и чуть не потерял фуражку в хитросплетениях труб. Я хотел обозвать его салагой, но сдержался. Мы искали течь, обмазывая каждый стык мыльной пеной, и когда наконец запузырилась невидимая глазу тончайшая струйка, я и Лейтенант неожиданно для себя облегченно рассмеялись. Потом мы вылезли на свет божий, на площадку для курения и долго грелись на солнце — грязные, растерзанные, со сбитыми в кровь руками, с синяками и шишками на лице. Вот это было блаженство...

С Лейтенантом мы подружились.

А, собственно говоря, чего нам было делить — детям одной эпохи, родившимся в один и тот же памятный год, когда в окнах домов часто горел ночью свет и люди вздрагивали, ожидая зловещего звонка или стука в дверь. Эта эпоха вместила в себя помпезную почитаемость незыблемых Истин и страшную войну, отнявшую у нас отцов, послевоенный голод с единственной мыслью в буквальном смысле выжить, и конфетно-пряничное лицемерие пионерских сборов, где заученно скандировалось: «К борьбе за дело Ленина — Сталина всегда готов» (можно представить себе пионера, готового к делу Сталина). Эта эпоха вместила в себя неустроенный быт и коммунальные кухни и даже обещанный нашему поколению коммунизм, который должен был наступить где-то в конце очередной семилетки, был принят на веру, потому что думать нас отучали еще со школьной скамьи, вдалбливая в голову, будто бы вся история нашего государства сплошное перечисление «грандиозных свершений и достижений».

Но мы-то свято верили в высокие идеалы...

ЭВАКУАЦИЯ

В жаркие воскресные вечера, когда «десятка» отдыхала в сладкой истоме, на берегу Сырдарьи играл оркестр, в конце только что разбитого парка светилась огнями небольшая, выкрашенная в блеклые синие тона раковина, к которой примыкал танцевальный пятачок — место сбора местных пижонов и немногочисленных обитательниц расположенного неподалеку женского общежития. Плыли над обмелевшей рекой вальсы и фокстроты, иногда налетавший из степи ветерок подхватывал запах шашлыка, который жарили здесь же на мангале, и тогда невольно приходило иллюзорное ощущение какой-то курортной безмятежности. Когда выпадал случай, толкались здесь и мы с Лейтенантом.

Мне кажется, что в Тюра-Таме нам с Лейтенантом не хватало моря.

Мне, потому что в то время я его еще ни разу в жизни не видел, ему по иной причине — он родился в маленьком южном городе, где утренняя смена портовых рабочих перемешивалась с толпой отдыхающих, бегущих на пляж, а ночью у входа на рейд важно трубили расцвеченные огнями большие пассажирские теплоходы, делавшие здесь кратковременную остановку.

В те дни, помнится, я открывал для себя Паустовского и море входило в меня вместе со стихотворной строкой Бориса Пастернака, взятой писателем эпиграфом к одной из блестящих своих повестей,— «Приедается все, лишь тебе не дано примелькаться...».

Тот томик Паустовского я таскал с собой по командировкам. Лейтенант попросил дать почитать, а когда через несколько дней возвращал книгу обратно, вдруг неожиданно поклялся, что в первый же свой отпуск обязательно заедет в Ялту и ночью, если, конечно, повезет, с акватории моря попробует увидеть в бинокль, как горит освещенное лампой с зеленым абажуром окно чеховского кабинета.

Лейтенант был немножко романтиком... Но говорить откровенно о своих чувствах у нас, естественно, тогда было не принято.

Где найдет ночлег монтажник космодрома, какая крыша приютит его? Может быть, в «Деревянной» гостинице на «десятке», где в свое время нередко квартировал печальной памяти известный предатель Пеньковский, или поедет в «Зал Чайковского» — так мы прозвали огромный, наспех сколоченный барак на одной из площадок, в нем отсутствовали перегородки, и несколько сот человек могли отдыхать как бы в одной спальне.

Ночью «Зал Чайковского» стонал во сне, всхлипывал, скрипел зубами, храпел, что-то жевал, плакал, под его сводами плескалась могучая симфония с децибелами в добрых пятьсот мужских глоток. Словно светлячки во тьме, ядовито мелькали самодельные ночники, сделанные из выпаренных в ведре с кипятком черепах, вместо внутренностей в их непробиваемый панцирь завинчивались пальчиковые лампы. Это было повальное увлечение всех площадок космодрома — благо поделочный материал ползал под ногами.

Легко понять состояние каждого из нас, когда бригаду неожиданно перевели на «двойку» и после «музыкального зала» мы попали в престижную трехэтажную гостиницу, где обычно селили космодромную элиту — команды инженеров-испытателей из КБ академиков С. П. Королева и В. П. Бармина. Здесь в комнатах жили не более чем по четыре человека.

...На исходе была весна 1960 года, космодром готовился к запуску первого космического корабля-спутника, гостиницы были переполнены, каждое утро на старт отходили автобусы с учеными, испытателями, монтажниками. Основные работы в этот период были сосредоточены в монтажно-испытательном корпусе, где стыковались узлы ракеты, опробовались все ее системы. Но и к нам на «козырек» иногда залетала белая «Волга» за номером «00-01» — персональная машина Сергея Павловича Королева.

За Королевым обычно ходила свита военных. В ней выделялись два полковника — начальник отдела испытаний Евгений Ильич Осташев и руководитель стартовой команды Александр Иванович Носов. В Осташеве угадывался моторный мужик из той породы людей, которые упиваются делом, которым они заняты. Спустя годы, когда довелось познакомиться с его биографией поближе, я понял, что тогда не ошибался. Способный паренек из подмосковного поселка Кудиново, ныне город Электроугли, учился в 30-е годы в Ногинской школе, все успевал, всем увлекался. Он был прекрасным шахматистом и заядлым фотолюбителем, читал книги о космосе, писал заметки в «Технику — молодежи» и журнал «Знание — сила». Сразу со школьной скамьи Осташев ушел на фронт и закончил войну командиром роты в звании старшего лейтенанта.

Группа офицеров космодрома была высоко отмечена за запуск первого искусственного спутника Земли в 1957 году. Тридцатитрехлетний Евгений Осташев стал тогда лауреатом Ленинской премии. Без защиты диссертации ему была присуждена ученая степень кандидата технических наук.

Полковник Носов — этакий военный интеллигент в очках, хорошо помню его куда-то вечно спешащего с бумагами или читающего приказ перед строем офицеров. Говорят, что с Королевым у них доходило чуть ли не до драки. Сергей Павлович, который мог невзначай заметить министру: «А вы вообще помолчите, вы-то меньше всех в этом понимаете», вдруг обнаружил, что какой-то полковник делает строгие замечания работникам его конструкторского бюро, предлагая немедленно устранить недостатки, обнаруженные при проверке систем ракеты. Власть у Королева была большая, но, естественно, на военных она имела определенное ограничение. Тем не менее измученный бессонными ночами, испытывавший огромное нервное напряжение, главный конструктор потребовал: «Уберите Носова с площадки, иначе результатов не будет». С большим трудом удалось уговорить его не делать поспешных выводов, убедить, что все «придирки» полковника идут на пользу делу. К чести Сергея Павловича, когда все было позади и первая межконтинентальная ракета, о которой идет речь, была принята на вооружение, он первым извинился перед Носовым и даже поблагодарил его за принципиальность и дотошность.

На запуске ракеты, которая вывела на орбиту первый искусственный спутник Земли в ночь с 4 на 5 октября 1957 года, Александр Иванович Носов был пускающим. Это он в бункере давал команды, объявлял десяти-, пятиминутную готовность. Это он в тот исторический момент почти выкрикнул: «Пуск!» За ту памятную космическую победу полковник был удостоен звания Героя Социалистического Труда.

Мы упивались комфортом в гостинице на «двойке», тем более что жили втроем в комнате на четверых, все свои, кроме меня, еще Саша Рябцев, с которым в свое время работали в Москве на Дорхимзаводе, и Витя Строков, не помню, кажется, он был из Подмосковья. По вечерам в столовую не ходили, Витя был отменный кашевар, ему мы полностью доверили закупать продукты в общий котел, готовить на электрической плитке ужин. Но главным была работа.

Удивительно радостно ощущать себя нужным на «козырьке», который вознесся над степью на могучих бетонных опорах, меж ними виден уходящий на несколько десятков метров вниз плавный изгиб «экрана», отражающий в момент пуска огненные струи ракетных двигателей, вверху между стрелами антенн поднимается замысловатая пирамида ферм обслуживания, «силового пояса», кабель-мачты. В тихие весенние вечера, когда стихал ветер и на стартовую площадку мягко опускались сумерки, сидели мы наверху с Лейтенантом где-нибудь на верхотуре — что-то сверлили, подгоняли, прилаживали...

Внизу, в будке командного пункта, включали трансляцию футбольного матча из Москвы, в такие минуты закрадывалась тоска по дому. Отчетливо видел я, как движется от станции метро по Крымскому мосту толпа нарядных людей и официанты в белых куртках разносят кружки с чешским пивом в Пльзенском ресторане, а над Москвой-рекой играет музыка и вспыхивают уличные фонари где-нибудь на Арбате или Якиманке. А ты здесь, за тысячи километров от Москвы, висишь на монтажном поясе над пустынной, безлюдной степью, к чему-то готовишься, чего-то ожидаешь...

Как же нам было обидно, когда заканчивались все приготовления к пуску, на старт вывозилась ракета-носитель, объявлялась боевая готовность, а нам «закрывали» пропуска на «козырек», мол, вы свое дело сделали, гуляйте, отдыхайте, что хотите, только не путайтесь под ногами. Старт целиком поступал в распоряжение военных и испытателей из КБ Королева. Я дико завидовал Лейтенанту, который сразу становился серьезным и озабоченным, его расчет уходил в укрытие по получасовой готовности. Вот почему мы так ненавидели это слово — эвакуация.

Два раза в жизни мне приходилось эвакуироваться. Первый раз осенью 1941 года, когда меня, трехлетнего, вывозили из Москвы в Сызрань, спасая от подступающих к городу фашистов, второй раз в январе 1960-го — нас отвозили в специальном железнодорожном составе с «двойки» на «третий подъем», километров за двадцать, опасаясь, как бы ракета не выкинула при запуске фортель и не начала бить своих, как говорится, чтобы чужие боялись. Если первый раз, по причине малолетства, протестовать я не мог, то второй раз, будучи вполне зрелым, ощутил всю унизительность этой неприятной процедуры, будто тебя, как беременную женщину или немощного старика, отвозят подальше от опасного места, где остались между тем готовые ко всему настоящие мужчины. Поэтому, когда накануне запуска вечером динамик местной трансляции, висевший в нашей гостиничной комнате, провозгласил о том, что на восемь часов утра объявлена эвакуация всего личного состава, мы в комнате, посоветовавшись между собой, твердо решили: никуда не поедем.

Но для этого надо было провести определенную работу. Вечером, под благовидным предлогом заглянув в соседние комнаты, мы как бы невзначай сообщили о том, что ночью уезжаем на «десятку», надеясь, что эта информация дойдет до женщины-коменданта, которая придет утром вместе с патрулем опечатывать гостиницу.

Рано утром 15 мая гостиница ожила, в коридоре был слышен топот многих ног и хлопанье дверей, нам, наблюдавшим украдкой в окно, было видно, как люди покидают гостиницу и спешат к остановке мотовоза. Потом все стихло. Наконец пришел патруль — офицер и несколько автоматчиков, с ними дежурный комендант. Где-то внизу, на первом и втором этаже, женщина поочередно открывала и запирала комнаты, а мы, затаившись, ждали, пока они поднимутся к нам на этаж.

Было немножко страшно, когда проверяющие подошли к нашей двери, но комендант, звеня ключами, уверенно

заявила: «Эти еще вчера уехали на «десятку», да и энтузиазм патрулей на третьем этаже, наверное, иссяк. Прошло несколько минут, и мы услышали, как урчит мотор отъезжающего от гостиницы дежурного автобуса. Теперь, запертые в опечатанной гостинице, мы остались втроем в абсолютно безлюдном городке менее чем в двух километрах от старта.

Если мне не изменяет память, запуск был назначен на двенадцать часов местного времени. Громко разговаривая и даже что-то напевая, мы вылезли в коридор, чтобы примериться, как удобнее наблюдать поднимающуюся ракету. Но, увы, в направлении старта было лишь одно торцевое окно в конце коридора, которое мы открыли, но высовываться пока опасались. А с «козырька» к наблюдательным пунктам и различным укрытиям уже шли автобусы — стартовая команда постепенно покидала космодром.

День был пасмурный, время тянулось медленно, лишь в половине двенадцатого по бетонке промчалось несколько «Волг» — это означало, что старт покинули последние испытатели, высший же генералитет, включая Главного конструктора и маршалов, в этот момент, очевидно, уже спускался в бункер, расположенный рядом с «козырьком». Ждать оставалось немного...

Много раз доводилось присутствовать на пусках ракет, но тот, 15 мая 1960 года, оставил самое острое впечатление. Хотя мы ничего не видели, а только слышали, но этого было достаточно, чтобы нам, людям, в общем-то далеким от космоса, раз и навсегда понять, что представляет собой космическая ракета. Сначала мы не увидели, а скорее почувствовали резкую вспышку, отраженную на стене соседнего здания, потом начал нарастать гром, казалось, предела ему нет, казалось, он пытается поднять в воздух здание нашей гостиницы и ему это удается, помню только дикие наши глаза, обращенные друг на друга в ограниченном пространстве коридора, как невольно присели мы у окна, втягивая голову в плечи, и как велико было потрясение, если и сейчас, спустя двадцать девять лет, у меня мурашки бегут по спине при воспоминании о тех полуобморочных секундах. В тот миг я понял, что человек создал что-то неземное, величественное и страшное, и упаси бог когда-нибудь потерять ему контроль над этим поразительным и грозным чудом.

МАРШАЛ НЕДЕЛИН

Помнится, наблюдался такой ритуальный момент: после удачного пуска возвратившаяся из эвакуации «наука» срочно пакуется, торопясь на аэродром лететь домой в Москву, готовые машины нетерпеливо сигналят под окном, а в это время неподалеку от нашей трехэтажной гостиницы у длинного приземистого барака, где, очевидно, находились телефоны ВЧ, неторопливо прогуливаются, ожидая разговора с Кремлем, степенно разговаривают между собой два усталых после тяжелой работы человека — Главный конструктор Королев и Главком ракетных войск маршал Неделин.

Никто из нас никогда не видел Митрофана Ивановича Неделина в маршальской форме, чаще всего ходил он и ездил по площадкам в кожаной или меховой куртке, в сапогах, в которые были заправлены бриджи с широкими ярко-красными лампасами. Говорили, что он прост и доступен в обращении с подчиненными, кто-то видел его сидящим в беседке с солдатами, кто-то рассказывал, как он запросто попросил нож у монтажников и сам ловко вскрыл банку консервов, ужиная накоротке вечером прямо на «козырьке».

Неделин принадлежал к наиболее уважаемой когорте советских военачальников, которые безоговорочно приняли революцию, начав свою боевую биографию на фронтах гражданской войны, и год за годом, день за днем прошли с Советской страной нелегкий ратный путь, дослужившись до маршальских звезд.

Спустя годы, когда мне было интересно узнать более подробно о жизненном пути маршала и пришлось беседовать с его сослуживцами и родственниками, открылась не совсем обычная судьба этого человека, которого жизнь изрядно в молодости потрепала, прежде чем открыть бравому борисоглебскому пареньку широкую дорогу в будущее.

В книге генерала армии В. Ф. Толубко «Неделин», изданной в 1979 году в серии «Жизнь замечательных людей», подробно изложены все перипетии биографии Митрофана Ивановича, прослежен его боевой путь от молодого командира до опытного военачальника, создателя ракетных войск нашей страны, от помощника политрука батареи до Главного маршала артиллерии, заместителя министра обороны СССР, члена Государственных комиссий по испытанию ядерного оружия в СССР и испытаниям первой в мире межконтинентальной многоступенчатой ракеты.

Это был красивый, волевой и мужественный человек, особенно импонирует мне его испанская одиссея, когда в течение длительного времени, подавая рапорт за рапортом, Неделин добивается отправки в качестве советника в героическую Республику, чтобы помочь свободолюбивому испанскому народу. Очевидно, тоже над его военной судьбой витали ореол романтизма, профессиональная убежденность, что военный всегда должен быть там, где пахнет порохом. Такое качество всегда отличает подлинных рыцарей ратного искусства.

В годы Великой Отечественной войны артиллерист Неделин нередко смотрел смерти в глаза — и в 1941 году, когда, будучи командиром бригады, отражал под Проскуровом танковые атаки противника, и в дни жестоких боев обороны Кавказа, и в знаменитой Ясско-Кишиневской операции, и в наступлении на Балканах. Звания Героя Советского Союза он был удостоен за Балатонскую операцию. В этом последнем оборонительном сражении минувшей войны артиллеристы-неделинцы встречали сплошным огнем «тигры» и «пантеры», превращая их в бесформенные груды искореженного и обгоревшего металла. Прославленный советский полководец Федор Иванович Толбухин, непосредственный начальник Неделина в те годы, то ли в шутку, то ли всерьез называл его «главным укротителем» фашистского зверья.

В подмосковном Одинцове живет бывший полковник Генерального штаба, ныне отставник Г. К. Рыженков — неутомимый и преданный биограф маршала Неделина, основатель музея Митрофана Ивановича в местной школе № 9, кстати тоже носящей его имя. Григорий Кириллович может часами, да что там часами — сутками рассказывать о первом Главкоме ракетных войск и, естественно, о его личности только в превосходных тонах. При всем уважении к маршалу я лично икону с него писать бы не стал. Как и у каждого нормального человека, очевидно, были и у него присущие каждому слабости, «шероховатости» и «неровности» характера.

— «Дядя Митроша», как у нас его ласково звали в семье,— вспоминает племянник маршала Вадим Серафимович Неделин,— был очень душевным человеком. Он трепетно любил свою мать — бабу Маню, трогательные отношения у него были с моим отцом — своим братом, сугубо штатским человеком, финансистом по профессии. Своих сыновей у него не было — была единственная дочь Людмила, может быть, поэтому на меня распространялась часть его нерастраченной отцовской любви. Но при этом надо было знать принципиальность и бескомпромиссность Митрофана Ивановича. Когда в 1946 году после школы я поступил в Одесское артиллерийское училище, он, будучи только что назначен начальником штаба артиллерии Советской Армии, был явно недоволен: «Теперь будут говорить, что дядя пригрел племянничка». Позже он мне сказал такие слова: «Военная служба тяжелая, но ты, Вадим, учти, я тебе никогда и ни в чем помогать не буду, единственное, что я смогу,— тебя защитить, если по отношению к тебе будет допущена явная несправедливость».

Он был прост в обращении с родными и друзьями,— продолжал свой рассказ Неделин-младший,— но сух и замкнут с людьми, которых знал мало. Его отличала крайняя осторожность в суждениях и поступках, какая-то гипертрофированная обстоятельность. Если доводилось куда-то ехать, он старался приезжать на вокзал за час до отхода поезда, причем ехал на двух машинах — не дай бог одна сломается.

После запуска первого космического корабля-спутника летом 1960 года нашу бригаду срочно перебросили на новую площадку, расположенную примерно в двадцати километрах от «двойки». Говорили, что предстоит быстро соорудить небольшой наземный старт для пуска нового изделия конструкции Михаила Кузьмича Янгеля. Лейтенант как-то рассказывал мне о шутке, которая ходит среди военных. Смысл ее сводился к тому, что «Королев работает на ТАСС, а Янгель — на всех нас», при этом подразумевалось, что ракеты Янгеля хотя и не сделают исторических открытий в завоевании космического пространства, но зато сумеют надежно защитить страну от посягательств агрессора. Ведь речь шла о первой межконтинентальной баллистической боевой ракете.

ВЗРЫВ

Наступила осень 1960 года. Все лето мы монтировали новый старт, это было не бог весть какое сложное сооружение, но в нем использовалась конструктивная новинка — оригинальные весы, на которых взвешивалась ракета, заправленная топливом. Знать точный вес потребовалось баллистикам для расчета траектории и высоты полета грозного «янгелевского изделия».

Сюда на площадку было переведено подразделение Лейтенанта. Пока ракетчики примеривались к старту, мы установили стол, проложили коммуникации, укрепили специальную раму-опору для установщика. Причем было построено сразу два старта — левый и правый. Первый пуск намечался с левого. К началу октября на площадку съехались инженеры — испытатели из КБ М. К. Янгеля, представители различных предприятий из Москвы, Ленинграда, Харькова и других городов, участвовавшие в создании приборов и узлов для нового изделия. А нас, сделавших свое дело, перебросили обратно на «двойку», где уже полным ходом шли подготовительные работы по выведению на орбиту космического корабля с человеком на борту.

Пуск с левого старта был назначен на воскресенье, 23 октября.

Газеты того времени писали:

«Уборка зерновых подходит к концу. Уже скошено 105 миллионов гектаров зерновых и бобовых культур — 97 процентов посеянного. Обмолочено 95 процентов скошенного. В эти дни особенно напряженная работа идет на бывших целинных землях. Хлеборобы Сибири и Северного Казахстана стремятся быстрее управиться с жатвой».

«В адрес Ижевского отделения Казанской железной дороги прибыли... танки. Но прославленные Т-34 были теперь без боевых броневых башен. Танк, обладающий сильным двигателем, заменит несколько тракторов. Хорошая пришла подмога...»

«Во время следования в район промысла в проливе Скагеррак (Северная Атлантика) плавбаза рижского морского порта «Даугава» подверглась провокационному нападению группы военных кораблей НАТО. Подводные лодки, эсминцы, торпедные катера сначала шли параллельным курсом, потом начали демонстрацию атаки на пароход. Корабли шли с потушенными огнями».

«Красочные афиши оповестили о том, что в клубе Алтын-Топканского свинцово-цинкового комбината имени Ленина г. Алмалык Узбекской ССР состоится диспут на тему «Готов ли ты жить при коммунизме?» Уже сегодня горняки и металлурги выходят на рубежи будущего».

«По сообщению агентства АДН западногерманское министерство обороны планирует создание пояса атомно-ракетных баз вдоль государственной границы Германской Демократической Республики. Ссылаясь на сведения из Бонна, агентство указывает, что речь идет о ракетах типа «Хок», которые могут нести атомный заряд».

«На состязаниях в Ужгороде московский студент Валерий Брумель преодолел планку, установленную на высоте 2 метра 20 сантиметров. Это — выдающееся достижение. Теперь второго призера Олимпийских игр отделяют от мирового рекорда всего 2 сантиметра».

«Председатель комиссии по атомной энергии США Маккоун на состоявшейся в Вашингтоне пресс-конференции заявил, что Соединенные Штаты ведут в настоящее время строительство специальных сооружений, которые сделают возможным в течение ближайших недель проведение подземных ядерных взрывов».

...Утром 23 октября начался вывоз ракеты из монтажно-испытательного корпуса на старт. Доставка космического изделия конструкции С. П. Королева из МИКа на «козырек» - всегда особо разработанный церемониал: мотовоз медленно, со скоростью шага, везет гигантскую ракету, следом с обнаженными головами идут ее создатели. Здесь все обстояло более просто и буднично. Тяжело груженная тележка на резиновом ходу проследовала по бетонке, заехала в ворота КПП, остановилась у стола. Специальная система тросов на поднятой стреле установщика перевела ее в вертикальное положение, так что колеса оказались сбоку. Потом, когда ракета была зафиксирована на столе ветровыми стяжками, установщик обхватил ее площадками обслуживания, тележка опустилась на землю и отъехала от старта. На «этажи» площадок обслуживания поднялись испытатели. Началась работа...

На старте было много людей. Здесь царило торжественное, но и несколько нервозное оживление, вызванное присутствием большого начальства. Возле ракеты прохаживались маршал М. И. Неделин и главный конструктор М. К. Янгель, тут же были заместители конструктора Л. А. Берлин и В. А. Концевой. В качестве наблюдателя был приглашен полковник Е. И. Осташев, полковник А. И. Носов получил повышение по службе и должен был уехать в Москву, но посчитал себя обязанным присутствовать на важном пуске — его знания и опыт могли пригодиться в любой момент. Стартовыми работами руководил начальник Управления полковник-инженер Р. М. Григорьянц, подполковники В. Д. Леонов и А. В. Сапуров.

Приехал на старт заместитель начальника полигона генерал-майор Александр Григорьевич Мрыкин. Этот человек по общему отзыву был сильной и яркой личностью, правда, некоторые жаловались на его несдержанность и крутой характер. Поговаривали, что Мрыкина слегка побаивался даже сам Сергей Павлович Королев. Во всяком случае, гнев генерала получил на космодроме свое измерение. Втык в один «мрык», шутили офицеры. Начальник

полигона генерал-майор К. В. Герчик распорядился принести из служебного здания стулья и табуреты для важных гостей. Их расставили на стартовой позиции.

Заправка прошла успешно, отсечки на системе уровней сработали нормально. Но во второй половине дня обнаружились неисправности в автоматике двигателя. Пришлось снять люки в нижней части ракеты и уже на заправленном изделии вести перепайку разъемов, что является грубейшим нарушением мер безопасности. Пуск отложили на понедельник, но до позднего вечера никто со старта не уходил.

...14 октября 1960 года Н. С. Хрущев в хорошем расположении духа возвратился в Москву из Нью-Йорка. Позади была серия эпохальных выступлений на XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН по проблемам ликвидации колониального режима и по вопросам всеобщего и полного разоружения. «Двадцать пять дней, которые потрясли Америку» — так писала о визите советской делегации американская печать.

Тогдашний наш лидер, как мы помним, не страдал излишней церемонностью, его речи были безыскусны и суровы, очевидно, он искренне считал, что допустимый в таких случаях протокольный этикет должен оставаться прерогативой изощренных в славословии дипломатов.

«Представьте себе,— говорил он на одном из своих выступлений,— что представителям государств — участников ООН взбрела бы такая «идеальная» мысль: давайте постановим ликвидировать социалистическую систему в Советском Союзе. Что было бы, если бы за это проголосовали все, кроме нас, представителей социалистических стран? Что бы мы на это сказали? Мы бы сказали, как у нас, у русских, говорят в подобных случаях: «Пойдите вон! Вы приняли такое решение, вы и живите с ним, а мы как жили при своей социалистической системе, так и будем жить. А кто сунется, то, извините за такое неделикатное, но довольно образное выражение,— тому в морду дадим!..»

Не менее категорично было сказано им и спустя несколько дней:

«Нас, людей социалистического мира, вы не запугаете! Наша экономика цветущая, техника у нас на подъеме, народ сплочен. Вы хотите навязать нам состязание в гонке вооружений? Мы этого не хотим, но не боимся. Мы вас побьем! У нас производство ракет поставлено на конвейер. Недавно я был на одном заводе и видел, как там ракеты выходят, как колбасы из автомата. Ракета за ракетой выходят с наших заводских линий».

И, наконец, 20 октября во Дворце спорта Центрального стадиона имени Ленина в Москве на многотысячном митинге трудящихся столицы, посвященном работе советской делегации на XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН, прозвучало его знаменитое: «...если вы, господа, хотите еще раз испытать могущество и выносливость социалистического государства, мы вам покажем, как говорится, кузькину мать».

...Тревожно началось утро 24 октября. Ко всем бедам добавилась еще одна — появилась «капельная» течь горючего. Члены Государственной комиссии потребовали проверить сигнализатор наполнения. Было установлено, что компонента вытекло немного и в принципе на пуск это не повлияет. Баллистики подтвердили, что дозаправки ракеты не требуется.

День клонился к вечеру, смеркалось... Начались последние испытания — предстартовые проверки системы управления. Маршал Неделин сидел на табурете примерно в семнадцати метрах от подножия ракеты. Рядом разместились конструкторы и руководители министерства. Генерал Мрыкин подошел к Янгелю: «Все, Михаил Кузьмич, бросаю курить, идемте отойдем в сторонку, выкурим по последней сигарете».

Генерал Мрыкин умер несколько лет назад. Курить он уже никогда не бросал. Редкий случай, но та «последняя» сигарета спасла ему и Янгелю тогда жизнь.

Ситуация сложилась именно так, как описывали ее позже историки.

«Работа по строительству нового испытательного комплекса и оснащению его новейшим оборудованием и аппаратурой началась осенью 1959 года и велась днем и ночью. Военные специалисты, представители промышленности и строители трудились с величайшим напряжением сил и полным пониманием ответственности за порученное дело. К октябрю 1960 года работы по строительству технической и стартовой позиции полигона, а также по созданию ракеты и наземного оборудования были завершены. Все службы вновь созданного управления полигона были укомплектованы квалифицированными специалистами, прошедшими подготовку в научно-исследовательских институтах, конструкторских бюро-разработчиках и на заводах-изготовителях.

Летные испытания ракетного комплекса Р-16 были начаты в октябре 1960 года под руководством Государственной комиссии, которую возглавлял Главный маршал артиллерии М. И. Неделин.

Летные испытания ракеты проводились в два этапа. На первом — испытывались ракеты, разработанные для боевого использования только с наземных пусковых установок. Пуск первой ракеты, Р-16, был назначен на вечернее время 23 октября 1960 года. После заправки ракеты в электросхеме автоматики двигательной установки появилась неисправность, в результате которой ее турбонасосный агрегат заполнился компонентами топлива. Было принято решение произвести устранение неисправности на заправленной ракете. Поскольку гарантия работоспособности двигательной установки в таком положении была определена в одни сутки, то работы по устранению неисправности велись без перерыва.

24 октября в 18 часов 45 минут по местному времени была объявлена 30-минутная готовность к пуску. В это время при выполнении операции по приведению в исходное положение программного токораспределителя от него прошла преждевременная команда на запуск маршевого двигателя второй ступени. Газовой струей работающего двигателя были разрушены оболочки топливных баков первой ступени, возник пожар и взрыв. При этом погибла значительная часть боевого расчета и ряд руководящих работников, находившихся на стартовой позиции вблизи ракеты, в том числе М. И. Неделин».

— ...В момент взрыва я находился примерно метрах в тридцати от основания ракеты,— вспоминает один чудом уцелевший из находившихся тогда на старте,— плотная струя огня неожиданно вырвалась, накрывая все вокруг, часть боевого расчета и испытателей инстинктивно пыталась вырваться из опасной зоны, люди бежали в сторону правого старта к аппарели — специальному накату, под которым укрывалась различная техника: пожарные машины, заправщики, автомобильные краны, но на их пути была полоса из свежезалитого битума, тотчас расплавившегося. Многие застревали в горячей вязкой массе и становились добычей огня — потом на этом месте можно было увидеть очертание фигуры человека и то, что сразу не горело,— металлические деньги, связки ключей, печати, эмблемы, пряжки от ремней и противогазов... Почему-то не горели также каблуки и подошвы сапог. Самая страшная участь выпала на долю тех, кто находился на верхних «этажах» площадок обслуживания,— люди срывались в пламя и вспыхивали, как свечки, горящие на лету. Температура в эпицентре пожара была около трех тысяч градусов.

Те, кто бежал влево от пускового стола, пытались на ходу сдирать с себя горящую одежду — куртки и комбинезоны, увы, многим это так и не удалось сделать. Потом на колючей проволоке, окружавшей площадку, повсюду висели обгоревшие трупы.

Рассказывает еще один непосредственный участник событий:

— Ближе к вечеру меня встретил на площадке генерал Герчик и сделал замечание: «Может быть, хоть ты меня будешь слушаться,— недовольно сказал он,— бери своих офицеров и немедленно эвакуируйся с площадки, вам здесь больше делать нечего». Мы сели в машину и уехали на наблюдательный пункт, расположенный на возвышенности, километрах в трех от старта. Здесь царила самая спокойная обстановка — бродили военные и гражданские, на врытых в землю столбах был натянут экран, у аппарата хлопотал солдат-киномеханик. Пошли титры фильма, и вдруг все вскочили с мест — над стартом взвился огненный столб. В каком-то оцепенении смотрели мы с высоты НП, как снова и снова вспыхивает пламя... Потом все стихло. Нам хорошо было видно, как по бетонке к площадке одна за другой мчались пожарные и санитарные машины.

Через некоторое время по радио последовал приказ: «Всем офицерам немедленно собраться в жилой зоне у санчасти». Я подумал, что нужна кровь для переливания или кожа для пересадки. Мы прыгнули в «газик» и помчались вниз. Здесь нас ожидало жуткое зрелище, забыть которое и по сей день невозможно. На площадку к санчасти свозили и укладывали мертвых. Все трупы были в одинаковой, несколько скрюченной позе, все без одежды и признаков волосяного покрова. Опознать кого-либо было невозможно. При свете луны они казались цвета слоновой кости.

А вот что рассказывает один из руководителей тогдашней аварийно-восстановительной команды: «Днем 24 октября я получил приказ от начальника полигона Герчика Константина Васильевича доставить с «десятки» на площадку несколько баллонов кислорода. Возвращался под вечер. Подъезжая к третьему подъему, мы вдруг увидели в той стороне, где должен состояться пуск, огромное малиновое зарево. Все шлагбаумы на контрольно-пропускных пунктах были подняты для беспрепятственного следования пожарных и санитарных машин, но нам путь дежурный по КПП решительно преградил: «Туда нельзя, есть приказ в ту сторону никого не пропускать». Неожиданно затормозил шедший навстречу легковой автомобиль, в нем ехал мой непосредственный начальник — главный инженер полигона полковник Свирин. «Что случилось?» — спросил я у него. «Беда, большая беда,— несколько раз повторил он,— потребуется много гробов».

...Мы коротали понедельничный вечер в трехэтажной гостинице на «двойке». Я знал, что сегодня вечером планируется пуск на той самой площадке, но идти на улицу и смотреть подъем ракеты на таком далеком расстоянии не хотелось. Вдруг резко распахнулась дверь нашей комнаты. На пороге стоял знакомый парень из соседней бригады. «Братцы, на старте произошла авария, все погибли, сгорел маршал Неделин!» — громко прокричал он.

До поздней ночи мы не спали, слушая рассказы приехавших оттуда. Вся гостиница бурлила. Выяснилось, что погибли не все... Например, генерал Герчик жив, хотя и доставлен в госпиталь в тяжелом состоянии. Чудом остался жить случайно отошедший покурить главный конструктор Михаил Кузьмич Янгель, но погибли все его заместители. Янгель бросался в огонь — его с трудом удалось оттащить. Еще говорили, что много отравленных компонентами топлива — их отпаивают молоком. Госпиталь на «десятке» переполнен, уже нынешней ночью будут прибывать самолеты с врачами из Москвы.

Я подумал, что если есть счастливый жребий, он может, конечно, выпасть на Лейтенанта, хотя при этом прекрасно понимал, что на войне вместе с маршалами и генералами прежде всего всегда гибнут солдаты и младшие офицеры.

25 октября 1960 года в Большом Кремлевском дворце начала свою работу очередная III сессия Верховного Совета РСФСР пятого созыва. В 10 часов утра привычно заняли места в правительственной ложе товарищи А. Б. Аристов, Н. Г. Игнатов, Ф. Р. Козлов, А. Н. Косыгин, Н. А. Мухитдинов, Д. С. Полянский, М. А. Суслов, Е. А. Фурцева, Н. С. Хрущев, Н. М. Шверник, П. Н. Поспелов. Многие из депутатов обратили внимание, что в президиуме нет Брежнева. Председатель Президиума Верховного Совета СССР Леонид Ильич Брежнев, назначенный Председателем Государственной комиссии по расследованию причин катастрофы, в эти минуты уже летел на полигон.

Комиссия, возглавляемая Брежневым, была настроена решительно. Она ехала снимать с работы, срывать погоны, отдавать под суд. Прямо с аэродрома эскорт машин, в первой из которых находился Брежнев, проследовал в монтажно-испытательный корпус. Здесь состоялось первое заседание комиссии. На нее были вызваны все оставшиеся в живых руководители запуска межконтинентальной баллистической ракеты Р-16.

Из их числа было решено также создать техническую комиссию под руководством председателя Госкомитета по оборонной технике К. Н. Руднева. На следующий день он докладывал о причинах аварии. Были тщательно и последовательно проанализированы все нестыковки и возникшие в ходе пуска неполадки. Кроме Брежнева, присутствовали заведующий Отделом ЦК КПСС А. И. Сербин и заместитель министра обороны Маршал Советского Союза А. А. Гречко. Брежнев то и дело говорил: «Сербин, запиши — такой-то завод поставил недоведенную аппаратуру, такой-то — некачественные проводники».

На каком-то этапе возник вопрос: кто же виноват конкретно? Справедливости ради надо сказать, что были и такие, кто пытался взять всю вину на себя, взвалить на свои плечи ответственность за случившееся. Но чем дальше работала правительственная комиссия, тем более она не торопилась делать выводы. В конце концов в акте, подписанном ее членами, была сформулирована мысль, что случилось непреднамеренное несчастье, трагическое стечение обстоятельств. При этом както Брежнев заметил: «Хорошо, что перед отъездом посоветовались с Никитой Сергеевичем, а то бы наломали здесь дров».

Побывали члены комиссии на разрушенном старте. Здесь они увидели опрокинутую ракету, изуродованный установщик, расплавленные топливные баки... Рядом лежали целехонькие двигатели — они были рассчитаны на столь высокую температуру. Затем состоялась поездка в госпиталь. Брежнев в накинутом белом халате в окружении свиты переходил из палаты в палату, останавливался у каждого пострадавшего, кто был в сознании. Он говорил, что Советское правительство отдает дань мужеству и героизму участников запуска, что каждый из них с честью выполнил свой воинский долг.

Размышляя уже в наше время о том, что произошло 24 октября 1960 года на полигоне, беседуя спустя годы со многими очевидцами случившегося, со-

поставляя факты и обрывочные воспоминания людей, можно в какой-то степени сделать ряд различных предположений по поводу тех событий.

Когда я задавал вопрос специалистам, как же мог сверхосторожный маршал Неделин допустить, чтобы на явно неисправной ракете, к тому же заправленной «дьявольской смесью» с сверхвысокой температурой горения, до последней минуты шли доводки, когда по элементарной логике надо было немедленно прекратить работы, слить топливо и отправить изделие на завод-изготовитель, мне возражали примерно так: «Близилась годовщина Великого Октября, а вы разве не знаете, что у нас к праздникам принято сдавать жилые дома, задувать домны, рапортовать о прочих трудовых достижениях...»

Не исключено также, что Н. С. Хрущев, несколько возбужденный только что завершившейся поездкой в Соединенные Штаты, потребовал от Главнокомандующего ракетными войсками незамедлительных действий — необходимость как можно скорее произвести опытный запуск боевой ракеты подобного типа была исключительно очевидной. Маршал слыл осторожным человеком, но его знали и как солдата, который ослушаться приказа не мог.

Некоторые обвиняли его тогда, да и сейчас эта мысль проскальзывает в разговорах, что, дескать, маршал Неделин потерял бдительность, нарушил меры предосторожности, зачем, мол, надо было ему сидеть на старте в нескольких метрах от ракеты, когда для этого существовали специальные укрытия. Я думаю об этом иначе... Митрофан Иванович прекрасно понимал всю рискованность и опасность создавшегося положения, но он был настоящим военным и знал, что ничто так не действует успокаивающе на подчиненных, как личное присутствие командира. Он шел на такую открытость сознательно. В конце концов он мог вполне искренне допускать, что промедление с запуском смерти подобно. Хочется, во всяком случае, в это верить.

...Утром в Москве шел дождь со снегом, в метро пряно пахло мокрой одеждой, холодный октябрьский ветер трепал обрывки афиш о заключительных спектаклях Американского театра балета под руководством Лючии Чейз и Оливера Смита, уже был назначен день чествования футбольной команды «Торпедо», которая впервые в этом году стала чемпионом страны, а на «десятой» площадке провожали в последний путь тех, кто погиб на старте. Еще с вечера жены офицеров ходили по квартирам, собирая искусственные цветы, всю ночь среди молодых посадок в только что разбитом парке на дороге из центра «десятки» к аэродрому при свете фар шумел бульдозер, отрывая глубокую братскую могилу.

Когда грянул траурный марш и над толпой поплыли десятки гробов с прибитыми к крышкам воинскими фуражками, неожиданно пошел дождь, что бывает в этих краях достаточно редко. Плакала, как говорили, земля о погибших, рыдали молодые вдовы офицеров, сухо звенели над степью ружейные залпы прощального салюта.

Выступая на траурном митинге у братской могилы, Брежнев тоже плакал, не стесняясь слез. Он говорил, что подвиг павших никогда не будет забыт, что теперь надо хорошенько посмотреть, как жить дальше, чтобы достойно продолжить начатое дело, что правительство позаботится о семьях погибших. Очевидцы утверждают, что в его речи была такая реплика: «А кто виноват, тот сам себя наказал».

Затем в столовой так называемого нулевого квартала, в котором останавливались самые высокие гости, был накрыт стол человек на сорок. Командование устроило что-то вроде поминок. Леонид Ильич вспоминал, что когда он служил на Дальнем Востоке, то родители прислали ему в посылке бутылку водки и как ему досталось за это от начальства. Поэтому, обращаясь к присутствующим политработникам, он призывал их не свирепствовать: мол, братцы, сегодня такой горестный день, да и обычай есть русский, куда от него денешься... При этом он все время вытирал мокрые от слез глаза. Правда, это не помешало ему два дня назад обмолвиться в разговоре, что, будучи секретарем ЦК Компартии Казахстана, он слышал, что в этих местах водятся прекрасные сомы. Немедленно была отряжена команда с надувной лодкой и взрывчаткой, чтобы добыть в Сырдарье рыбину самым быстрым способом. Кажется, того сома поймали...

В тот день хоронили и Лейтенанта, который был, очевидно, тоже в чем-то виноват и сам себя наказал. Только вот точно назвать его фамилию мне трудно... Может быть, это был Иван Брицын или Марат Купреев, а может быть, Эдик Мироненко или Валерий Синявский. А может быть, и вовсе капитан Виктор Кривошеев или рядовой Василий Гераськин, старший лейтенант Игорь Зарайский или сержант Александр Юдин. Эти фамилии не вымышленные. Пройдет какое-то время, и они будут выбиты на обелиске у братской могилы. Много имен и фамилий людей разных воинских званий.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Посветлело нынче, посветлело... То ли климат стал иной, то ли пробуждение от долгой спячки сродни внутреннему очищению души. Еще циркуляр и параграф имеют немало власти, но вот как знамение времени вполне демократичное положительное решение, принятое в ответ на просьбу «Огонька»,— посетить космодром и ту самую трагическую площадку.

Я возвращался в свою юность на казахстанский полигон и также беспокойно ночью не спал, пока поезд стучал колесами от Ташкента до знакомой станции Тюра-Там, но ощущал себя уже не молодым восторженным бойцом, а старым, отслужившим свое солдатом, для которого все позади — и жаркие рукопашные, и выжидательно-стратегические драки. Как коротка, в сущности, жизнь!

...Многое здесь изменилось. «Десятка» превратилась в молодой сильный город Ленинск, в котором достаточно красивых многоэтажных домов и юные мамы везут по тротуарам коляски, где поднялись новые парки и величественные памятники первооткрывателям космоса... Утром я вышел из вполне современной гостиницы «Центральная» (могли бы мы мечтать о такой?) и пошел бродить один по знакомым и незнакомым кварталам, по улицам, носящим имена полковников Носова и Осташева, мимо первой школы с мемориальной доской в добрую память строителя космодрома Георгия Максимовича Шубникова, мимо единственной в наше время двухэтажной столовой, где отогревались мы когда-то горячим чаем, возвращаясь с отдаленных площадок, и, наконец, шагнул в парк с такими же, как и тогда, жидкими и приземистыми деревьями, не выдерживающими напора степных ветров, и тут же увидел скромный обелиск с лаконичной надписью: «Вечная память погибшим при выполнении воинского долга 24 октября 1960 года».

Спустя двадцать восемь лет я возвращался к Лейтенанту.

Время бессильно перед памятниками, построенными на века, но этот наспех сооруженный четверть века назад обелиск оказался в какой-то степени беззащитен перед прошедшими годами, и, внимательно рассматривая по периметру могильное возвышение, я увидел и трещины на бетоне, и кое-где выщербленные блюдечки фотографий над фамилиями погибших. Время стирает следы не только тех, кто лежит под этой могильной плитой, но родных их и близких, которые приезжали сюда каждый год, чтобы положить цветы и постоять молча над могилой сына, отца или брата. Сейчас родственники приезжают все реже...

На следующий день мы были в дороге. Потянулась змейкой знакомая бетонка от первого КПП к пусковым стартам, а параллельно нашей машине по местной железнодорожной колее весело катил состав с разноцветными цистернами: синяя полоса — кислород, черная — азот. За эти годы на «третьем подъеме», куда когда-то нас увозили в эвакуацию, рядом со старым построили новый мощный цех. Уже за ним открылись широкие степные горизонты, где повсюду вонзались в небо изящные иглы многочисленных антенн. Мы въезжали в «рабочую зону».

Можно понять мои чувства, когда, оставив машину у КПП с надписью «Гагаринский стартовый комплекс», я не спеша прошел на «козырек», постоял, облокотившись на перила, глядя на уходивший в глубину «экран». Сколько людей уже успели совершить отсюда прыжок в космос, примерно столько же звезд нарисовано на стреле установщика, возле которого хлопотала обслуга — нынешние солдаты и лейтенанты с такими же, как у нас тогда, ясными мальчишескими лицами.

Каждый из них тоже запомнит этот старт на всю жизнь.

Потом мы ехали по «двойке» мимо трехэтажной гостиницы, где был совершен тремя монтажниками непростительно-дерзкий поступок, о котором, клянусь, и сейчас нисколько не сожалею, и путь «уазика» лежал на площадку, где погибли маршал Неделин и Лейтенант.

Странные чувства владели мною и здесь, на заброшенном пустыре, где когда-то располагался боевой старт, о котором сегодня напоминают лишь одинокие бетонные бункеры, похожие на древние печальные склепы, и погнутая ржавая рама стартового стола с кое-где проросшей травой да дренажная канава, в которой, очевидно, остались неразобранными коммуникации. Двадцать восемь лет прошло, а впечатление такое, что с тех пор и не ступала здесь нога человека. А ведь священен не только Тюра-Там, священны и эти бетонные плиты, навсегда впитавшие в себя плоть и кровь раздавленных взрывом людей. Почему же мы глухи и слепы к их памяти, почему стыдливо делаем вид, что ничего тогда не произошло?

Я пишу эти строки в своей московской квартире, а во включенном диктофоне все время слышен шум и треск — это помехи от ветра, который дует здесь беспрестанно во все времена года. Сильный ветер может унести в степь верблюжью колючку или перекати-поле, но выветрить из памяти очевидцев не может, что именно в этой точке площадки приняли мгновенную смерть первый Главком ракетных войск Митрофан Иванович Неделин и другие руководители, ответственные за пуск, вот сюда срывались с площадок горящие испытатели, а здесь, у аппарели, спотыкались офицеры, оставляя после себя лишь черную тень.

Трагические ошибки, очевидно, неизбежны, тем более когда идет речь о сложной военной технике, в ситуациях, подобных той, которая сложилась на международной арене памятной осенью 60-го. Политработники полигона рассказывали мне, что не раз ставили вопрос о приведении площадки в порядок, о создании на месте гибели героев мемориала, который мог бы стать центром духовного воспитания будущих поколений ракетчиков. Но пока их попытки разбиваются о глухую стену равнодушия.

По праву гордимся космическими завоеваниями. Совсем рядом отсюда, в километрах в двадцати, высятся величественные космические старты «Гагаринский» и «Энергия», к ним приковано внимание, там делегации, телекамеры, цветы, аплодисменты... Здесь же из года в год — тишина, бурьян, запустение. Неужто мы похожи на иванов, не помнящих родства?

...Однажды осенью, когда было совсем невмоготу — так, что хоть стиснув зубы на шпалы, я поехал в Тарусу. Был ясный, прозрачный день, и солнце тихо плескалось в багрянце уже поредевшей листвы. Поднимаясь вверх по знакомой улице к кладбищу, я невольно подумал, что меня интуитивно ведут сюда юношеские воспоминания, связанные с именем большого писателя и прекрасного человека. Потом я долго сидел на скамейке у могилы Паустовского, возле когда-то сгоревшего дуба, и перед глазами вставали самые светлые картины той далекой поры — в них мелькали дорогие знакомые лица, был среди них и Лейтенант, и наша тюра-тамская эпопея.

Памятью мы поверяем долги перед жизнью, она помогает сохранить веру, дает силы выстоять.

В Ленинске вместе с сопровождавшим меня подполковником (не даст соврать) мы проделали эксперимент совсем в духе времени, а именно, остановившись у здания штаба, наугад спрашивали у проходящих лейтенантов: «Кто был первым Главкомом ракетных войск?», «Что вы знаете о маршале Неделине?» Ответы были самые неожиданные: «Не знаю», «Был, кажется, такой», «Сейчас, наверное, в отставке или умер». ...Пренебрежение к памяти может мстить беспощадно.

Мне довелось беседовать со многими людьми, имеющими отношение к описанным событиям. Одни добросовестно старались припоминать детали, другие возмущались, как можно открыто говорить о такой государственной тайне. Но есть же какой-то срок давности и у тайн, и должен же быть четко определен предел необходимой секретности, о чем, кстати, говорится в резолюции последней партийной конференции.

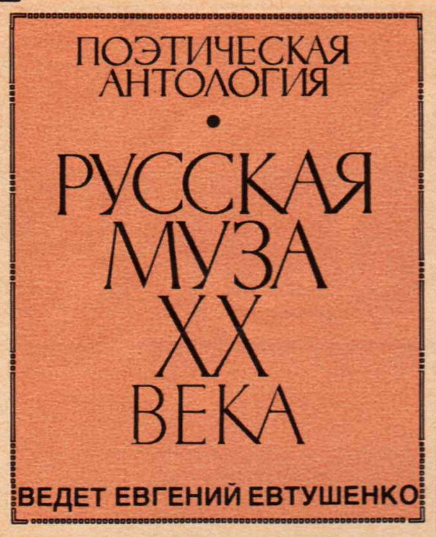
Я разыскал генерала, нашего с Лейтенантом одногодка, который был в тот день на старте в звании лейтенанта, он чудом остался жив, потом лежал в госпитале. Это прекрасный мужик — умный, спокойный, выдержанный, и я подумал, что точно таким был бы и мой Лейтенант, оставшись он жить.

Я ринулся к генералу, как к родному человеку, но он был осторожен в разговоре: видно, на плечи его давил груз великой тайны. Тем не менее он принес из дома альбом с фотографиями своих погибших товарищей, и мы хотели поместить эти снимки на страницах нашего журнала, чтобы воскресить у людей память о тех славных парнях, но более старший генерал, у которого звезд на погонах в три раза больше, очевидно, руководствуясь известным принципом «как бы чего не вышло», вообще категорически запретил показывать комулибо альбом.

Оставалось сочувствовать младшему генералу — с одной стороны, он вроде бы честно выполнял, как принято в армии, приказ, но с другой — в какой-то степени предавал память своих погибших друзей. Что говорят в таких случаях? Можно посетовать на строгость армейских приказов, а можно вспомнить расхожий афоризм о том, что, пока существуют те, кто выполняет нелепые указания, до тех пор будут существовать те, кто их отдает.

...В солнечный летний день я улетал из Ленинска, самолет сделал крутой вираж, и вдруг открылась вся панорама города с коробками домов и с кажущейся с высоты узкой полоской парка. Где-то внизу навсегда осталась могила Лейтенанта, который не стал генералом и никогда так и не увидел в бинокль с ночной акватории моря, как горит освещенное лампой с зеленым абажуром окно чеховского кабинета.

Москва — Космодром
Лето, 1988 год.

Николай ЗАРУДИН

1899—1937(?)

Вы не читали роман Николая Зарудина «Тридцать ночей на винограднике»? Прочтите. Это золотисто-пенящаяся, играющая пузырьками метафор проза, похожая на шампанское с виноградников Абрау Дюрсо, которым и посвящен роман. Проза Зарудина, как и забытая ныне проза П. Ширяева или В. Борахвостова, была достойным окружением мастеров метафорической прозы — Олеши и Бабеля. Зарудин начинал как поэт. Незаконно репрессирован.

ПУМРА

Кто дал зловещие такие имена,
Такие странные и дикие, как пумра?
Петушьим криком спутавшийся
сумрак,
Голубобледным днем покорный
трепет льна.

Там ветры скользкие,
холодные вьюны,
Зеленые огни мигают между пнями.
И есть по-прежнему там, верно,
колдуны
С лесными веками и красными
глазами.

Они у бани, полночью,
в неверный лаз
Льют муть из горлышка
на ржавые иголки,
И загорается тогда тревожный
лунный глаз,
И хрипло воют сгорбленные волки.

Там в цепких сумерках столетия
висят,
Ругают бога матерно седые
колокольни,
А сквозь бельмо вдруг скажет
светлый взгляд
Про чье-то нежное, усталое
приволье...

Какие песни знают там в лесах!
Над черным озером у журавлиной
клики
Колтун растет на жирных волосах
Под перешепот земляники.

Там старики ведут свой счет
на пнях
О всех сказаниях, затерянных
и жутких,
И звезды светятся в торжественных
ночах,
Как в зыбкой топи светят
незабудки.

А каждая заря как будто на столе
Покойник — в новой призрачной
колоде.
О скольких днях не сказано
в народе!
Как много песен сгинуло в земле!

1926

Виктор ГУСЕВ

1909—1944

Учился на факультете литературы и искусства МГУ. Печататься начал в 1927 году. Работал в области стихотворной драматургии, романтизировавшей тридцатые годы, и написал несколько киносценариев, в частности и фильма «Свинарка и пастух», ставшего символом лакировки колхозной жизни. Дважды был лауреатом Сталинской премии. Лучшей книгой Гусева была книга «Герои едут в колхоз» (1931 год), откуда мы и взяли этот отрывок из одноименного стихотворения.

ГЕРОИ ЕДУТ В КОЛХОЗ
(отрывок)

Гуляет на по́лках задумчивый храп.
Багажные воры ползут.
Три спекулянта бостон и драп,
Дрожа и стеная, везут.
Мечтает в тамбуре проводник
О жизни без станций и верст,
И точное, как рецепт, над ним
Летит расписание звезд.
Но в третьем вагоне,
У полки второй,
Вспотев, застывает вор.
Два типа заводят ночною порой
На полке второй — разговор.
И первый тип заявляет: «Нет,
Я еще не устал от трудов,
Хотя я изъездил в семнадцать лет
Сто семьдесят городов,
Хотя я сыграл восемьсот ролей
(Какое скопление лиц!),
Из них сто восемьдесят королей
И сто двенадцать убийц.
Триумфы были, восторги были...
История знает моменты,
Когда в овацию переходили
Бешеные аплодисменты,
Халтуры были, провалы были...
История помнит моменты,
Когда в овацию переходили
Взбешенные аплодисменты,
Когда на щеки кассира виденьем
Ложились лиловые пятна,
И публика в кассу ломилась
и деньги
Требо́вала обратно.
Актерская жизнь! За вокзалом
вокзал.
Вокзалов не счесть на свете.
Островский глядел, глядел
и сказал:
«Вы актеры,— ваше место
в буфете».
А нынче месяц куплеты поет
На шатких подмостках туч.
А нынче поезд меня везет
В колхоз, именуемый «Луч»...

Эммануил ГЕРМАН

(Эмиль КРОТКИЙ)
1892—1963

Начал печататься с 1911 года в «Одесском листке», затем в «Новом Сатириконе». Писал и лирические стихи, однако сатира победила. В наследии Кроткого выделяются не переходящие в зубоскальство, печально-иронические стихи о конце царской империи; не похожие ни на чьи другие мудрые стихи о Пушкине.

АФРИКАНЕЦ НА СЕВЕРЕ

Сторона ли моя, ты сторонка,
Размалеванный, пестрый букварь!
Для потехи купил арапчонка
Непоседливый северный царь.

И от этой царевой забавы,
Как пожар от грошовой свечи,
Огневой ослепительной славы
По векам побежали лучи.

Острой рифмой тетрадь исцарапав —
Как забыть этих строк кривизну! —
Обогревшийся правнук арапов
Обессмертил чужую страну.

Александр КОВАЛЕНКОВ

1911—1971

Участвовал в первом сборнике «Молодая Москва» 1937 года вместе с юными Симоновым, Алигер, Долматовским. Во время Великой Отечественной был военным журналистом. После войны, не став знаменитым поэтом, был тем не менее знаменитым в профессиональных кругах знатоком поэзии, и его многие ценили, а иногда и побаивались. Из коваленковского семинара в Литинституте вышли и Владимир Соколов, и Белла Ахмадулина, и многие другие. Семинары он иногда проводил дома, где радушно кормил студентов. Коваленков вместе с Винокуровым, Замотиным и Беловым в 1957 году составил лучшую после Ежова и Шамурина двухтомную антологию советской поэзии, хотя и страдавшую провалами и смещением реального баланса дарований. Природа собственного поэтического дарования у Коваленкова была акварельно лирическая: «Можно было пить с ладони свежесть облачных высот, от которой на газоне все на цыпочки встает». Но лучшими произведениями Коваленкова остались его многие поэтические ученики.

ГРИБЫ

Случалось ли вам собирать грибы
В лесу, где тропинки протоптаны
лешим?
Где кони тумана встают на дыбы
В проемах полян и зеленых
проплешин?
Известно ли вам, как старик
подосиновик
В траву загоняет свою детвору,
Как в желтых платочках и ярко-
малиновых
Ведут хоровод сыроежки в бору?
Видали ли вы, как под хвойною
крышей
Гуляет в сапожках сафьяновых
рыжик,
И гриб-боровик входит в сумрак
глубокий,
За юбки молоденьких елок держась?
Ложилась ли вам на горячие щеки
Лесных паутинок прохладная вязь?
А если вам это знакомо и дорого,
То, значит, вы знаете, как хороши
Внезапные встречи средь хвойного
шороха
В местах, где, казалось бы,
нет ни души...

1940

Анатолий ЧИВИЛИХИН

1915—1957

Учительствовал, работал на Кировском заводе. В 1941 году ушел добровольцем на фронт, был военкором. Первый сборник, «Стихи», 1939, высоко оценен В. Шефнером, М. Дудиным.

ГОРДОСТЬ

Мы встретились — гордячка и
гордец.
Старательно мы избегали встречи.
На поединке взглядов и сердец
О примиренье даже нет и речи.
Виновен я. Виновна ты вдвойне.
Но в этом вовсе не легко
признаться.
«Царевич я! Довольно! Стыдно мне
Пред гордою полячкой унижаться!»
Я коронован гордостью. И ты.
У нас ее, пожалуй, даже лишка.
Но без нее мы нищи и пусты:
Холопка ты, а я Отрепьев Гришка.
Когда-нибудь (и скоро, может
быть!)
Мы затоскуем горько и бесслезно.
Захочется нам гордость позабыть.
Раскаемся. Но поздно будет.
Поздно!
Нам слишком мало радости
в судьбе:
Тебе — неволя, мне — позор и плаха!
Так все-таки не кажется ль тебе:
Холопка стоит беглого монаха!

Николай СИДОРЕНКО

1905—1980

Первая книга стихов «Салют» вышла в 1926 году. Участник Великой Отечественной войны. Воспитатель многих молодых поэтов. Жаль, что на приводимые мною стихи Сидоренко до сих пор не создана песня. Они так и просятся на музыку.

БЕЛЫМ-БЕЛО

Твержу задание свое:
На карте есть деревня Эн,
И нужно отыскать ее,
Не угодить ни в смерть,
ни в плен...

Закат пургою замело —
И тьма, и ни звезды взамен!
Белым-бело, белым-бело...

Все снег да снег, все снег да снег.
Захлебываюсь, но иду.
Я шел бы даже и в бреду —
И целый час, и день, и век,
Назло пурге, себе назло,
Так скроен русский человек.
Белым-бело, белым-бело...

Прошел заставу вражью я,
И кто-то громко закричал,
И в ногу мне свинец попал —
И ногу мне свинцом прожгло.
Спасла пурга-ворожея.
Идти мне, братцы, тяжело.
Белым-бело, белым-бело...

Мороз и ветер. Я продрог.
По горло снег, все снег да снег!
Нет сил моих, и нет дорог —
Кружусь, наверно, целый век.
Ползти мне, братцы, тяжело.
Не вижу неба и земли.
Ворчат орудия вдали.
Белым-бело, белым-бело...

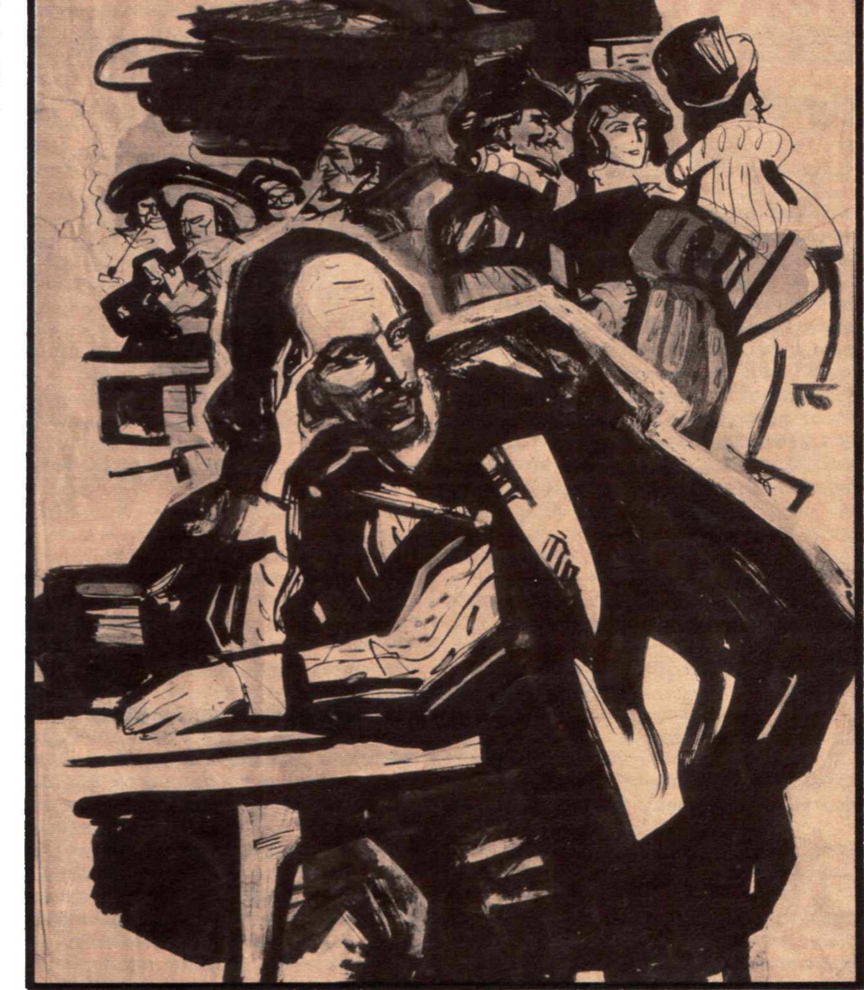
Хочу, чтоб знал мой генерал,
Что не попал солдат впросак,
Что я не умер просто так,
Что много раз я умирал,
Что много раз я воскресал,
Что я искал, искал, искал,
Что вправду было тяжело...
Белым-бело, белым-бело...

О ПОЛЬЗЕ СЛУЧАЙНЫХ ВСТРЕЧ

«РИЧАРД III» (РИЧАРД И ГЕРЦОГ БЕКИНГЭМ).

П. Л. БУНИН. Род. 1927.

УИЛЬЯМ ШЕКСПИР.

«РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТА».

«ДВЕНАДЦАТАЯ НОЧЬ» (ВИОЛА).

Какие необычайные встречи бывают в жизни! Однажды на платформе Лондонского метро к нам — моей русской жене и ко мне — подошел человек среднего возраста в меховой шапке с папкой художника в руке. «Как пройти в Британский музей?» — спросил человек по-английски, но с довольно заметным славянским акцентом. К его великому изумлению, моя жена тут же ответила ему по-русски. Завязался оживленный разговор. Он рассказал нам о своей дружбе с известным русским писателем Корнеем Ивановичем Чуковским. «Может быть, вы о нем слыхали?» — добавил он. Это меня потрясло: за много лет до этого мне самому посчастливилось познакомиться и подружиться с Корнеем Ивановичем! Я бывал у него в Переделкине, а потом, во время его приезда в Англию, в Оксфордский университет, я был его переводчиком.

Человек в меховой шапке оказался советским художником Павлом Буниным.

Он стал бывать у нас в доме. Его знания в области английской истории и литературы меня поразили. К тому же он обладал феноменальной памятью: мог наизусть цитировать не только английскую поэзию в оригинале — Киплинга, Шекспира и других, но и целые страницы английской прозы, включая труды таких историков, как Маколей, Карлейль, Гиббон, Черчилль, часто в доказательство своих взглядов. Он оказался также и блестящим переводчиком. Мы проводили часы в чтении его переводов английской поэзии на русский язык. Жаль, если до сих пор они не опубликованы, а ведь можно было бы выпустить прекрасную книгу с его же иллюстрациями. Ведь он известный художник, график и, как мне кажется, главным образом иллюстратор.

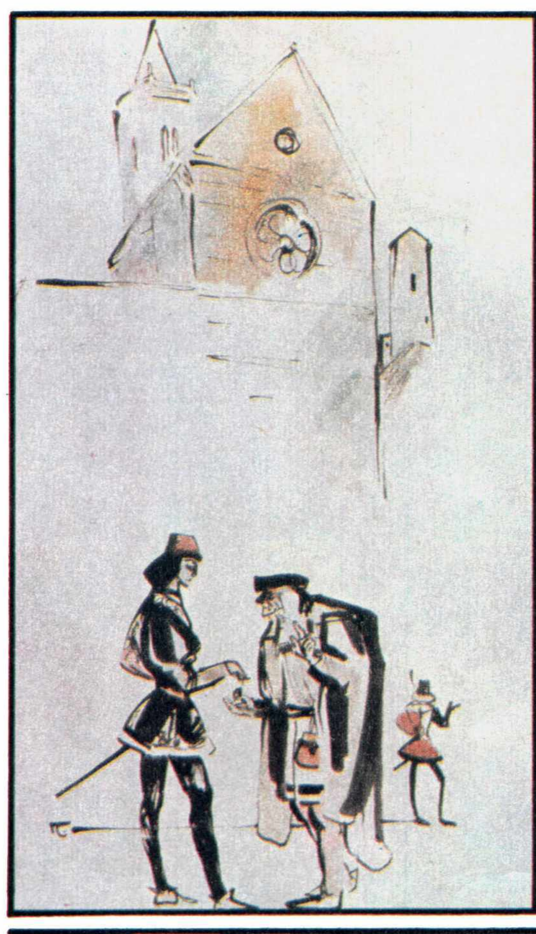
Передо мной лежат его иллюстрации к драмам «Юлий Цезарь», «Гамлет», «Ричард III», «Король Лир» Шекспира, чье 425-летие отмечает мир в апреле этого года. Все они полны драматизма, романтики и прекрасного знания эпохи.

Он огромный знаток и поклонник Пушкина и Лермонтова, что чувствуешь в его прелестных иллюстрациях к «Евгению Онегину», сильных и проникновенных рисунках к «Полтаве», «Капитанской дочке», «Мцыри» и т. д.

Одним словом, мне повезло: я встретил талантливого художника и интереснейшего, всесторонне образованного человека — Павла Бунина.

Питер НОРМАН,
профессор русского языка
Лондонского университета.

«РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТА» (РОМЕО ПОКУПАЕТ ЯД).

«ЮЛИИ ЦЕЗАРЬ» (БРУТ И КАССИЙ).

«КОРОЛЬ ЛИР» (ГОНЕРИЛЬЯ).

«КАК ВАМ ЭТО ПОНРАВИТСЯ?».

В этом самом интересном международном соревновании профессиональных фотографов и фоторепортеров участвовало 1287 авторов. Жюри просмотрело более 10 тысяч слайдов, цветных и черно-белых фотографий.

Первые места заняли фотографы из Бельгии, ЧССР, Франции, ФРГ, Ирландии, Нидерландов, Швейцарии, Великобритании, США и СССР. Успешно выступили на престижном конкурсе советские мастера. Наградами отмечены работы Андрея Соловьева (ТАСС) и Александра Полякова (АПН), Александра Копачева («Гудок») и Николая Низова, репортера из Калуги; Бориса Юрченко, работающего для американского агентства, и «огоньковцев» Павла Кривцова и Льва Шерстенникова. Лучшей работой года признан снимок «Похороны в Армении» американского фотожурналиста Дэвида Тернли.

Геннадий КОПОСОВ,
член жюри «Уорлд Пресс Фото-89»

УОРЛД ПРЕСС ФОТО 89

- **Дэвид ТЕРНЛИ (США)**
  «ПОХОРОНЫ В АРМЕНИИ»
- **Мартин ФЮДЖЕР (ФРГ)**
  «КАТАСТРОФА В РАМСШТЕЙНЕ»
- **Джерард РАНСИНАН (Франция)**
  «ПУТЬ»
- **Чарльз ХАЙРЕС (США)**
  «НАВОДНЕНИЕ В БАНГЛАДЕШ»
- **Павел КРИВЦОВ (СССР)**
  «ПСИХИАТРИЧЕСКАЯ БОЛЬНИЦА»

Эти мои заметки продиктованы признательностью восхищенной ученицы и памятью о том, чего я не могу забыть до конца дней своих...

Дождливой осенью 1966 года я готовилась в Большом театре станцевать партию Лауренсии в одноименном спектакле, поставленном легендарным В. М. Чабукиани. Не замечая ненастья, ежедневно мчалась я на многочасовые репетиции, очень старалась, нервничала еще больше — ведь танцевать должна была с самим балетмейстером.

Наконец Чабукиани в театре. В гримуборной сидел усталый, немолодой и к тому же сильно простуженный человек. Выяснилось, что из-за его простуды порепетировать вместе не удастся.

Но вот... боже мой, до сих пор ощущаю восторженный трепет: на возвышении сцены появился Фрондосо — Чабукиани — юноша, красавец, воин и герой. Он еще ничего не сделал, только появился, и мне почудилось — да не покажется сравнение банальным, оно истинно,— что на сцене взошло солнце. Я замерла...

Не помню, как станцевала первый дуэт с Чабукиани,— помню ощущение сказочного праздника, оно живо во мне и по сей день — спасибо, дорогой Вахтанг Михайлович! Зрители в тот день неистовствовали, впрочем, как и всегда, когда он танцевал.

Чабукиани с первых своих шагов на сцене был абсолютным кумиром публики. Я смотрю кинопленку, где он танцует фрагменты из балета «Баядерка» или партию Венецианского мавра из «Отелло» в собственной постановке — смотрю и поражаюсь в который раз, ибо мне, человеку насквозь «балетному», знающему таинства нашего трудного ремесла, в какой-то момент не остается ничего другого, как склонить голову перед необъяснимым, блистательным танцем Вахтанга Чабукиани. Вспоминаю еще послевоенный Ленинград: для нас, детей из балетного училища, каждый спектакль Чабукиани в Кировском театре становился незабвенным событием, и скольким еще ленинградцам он помог в полной мере ощутить, что кончилась война...

Чабукиани танцевал с Семеновой, Улановой, Вечесловой, Плисецкой, Стручковой. Всеми великими балеринами мира. Объездил мир, и повсюду его сопровождал неизменный, ошеломляющий успех.

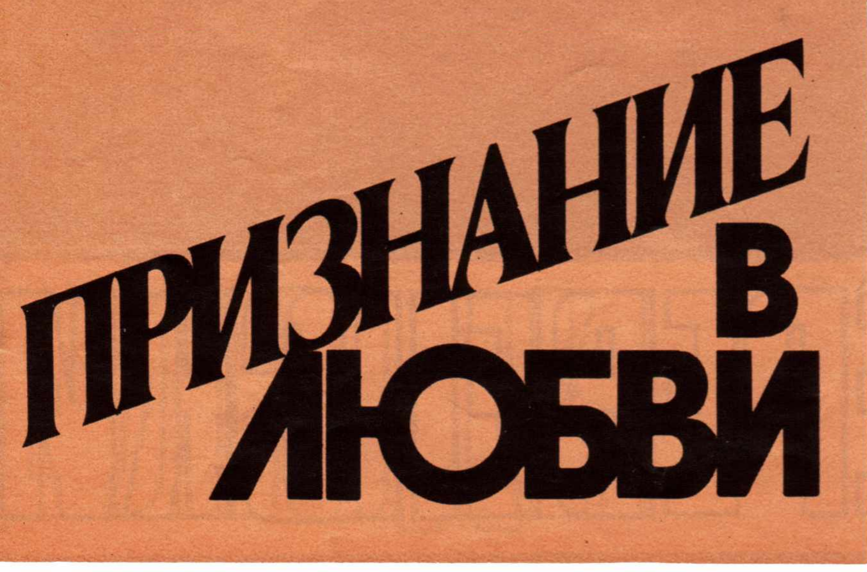
Танцовщик. Балетмейстер. Педагог. Мне довелось репетировать с Вахтангом Михайловичем па-де-де из балета «Корсар», и, думаю, как же повезло тем юным танцовщикам, которые у него учились. Я убеждена, что Вахтанг Михайлович подарит миру еще немало прекрасных танцовщиков и настоящих людей. А тогда, на репетиции, Чабукиани поразил меня своим необыкновенно точным пониманием природы человеческого тела, глубоким и верным ощущением музыкальной характеристики образа.

Наверняка молодым легко с Вахтангом Михайловичем, потому что он сам молод душой. Я считаю его человеком без возраста, человеком необыкновенно добрым и отзывчивым, который всегда выслушает, поможет и поймет.

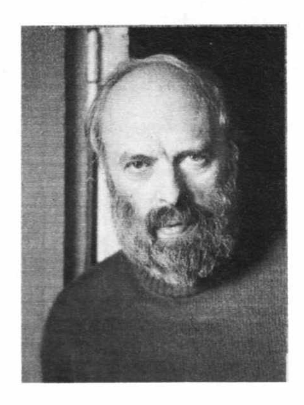
Мои строки похожи на признание в любви, так что в том худого? Так оно и есть — в любви долгой и неизменной, с детских лет и до сего дня, к Художнику и Человеку Вахтангу Михайловичу Чабукиани.

Нина ТИМОФЕЕВА,
народная артистка СССР

Фото Юрия КОРОЛЕВА

Смысл истории

Владимир КОРНИЛОВ

* * *

Герцена боялись губернаторы:
В «Колокол» попасть — позор, беда...
«Господа,— внушали ближним,— надо бы
Как-то сократиться, господа...»

Господи, в каком-то дальнем Лондоне
Крохотный печатался тираж,
А потом на неоглядной родине
Кто впадал в уныние, кто — в раж.

В это все сегодня слабо верится,
Но история ничуть не льстит:
Губернаторы боялись Герцена —
Совесть, что ли, мучила и стыд?
1989

ТОМСКИЙ

Томский понял: нельзя иначе —
Против чести пошла игра,
И гашетку нажал на даче
Года прежде на полтора.

Без него прокурор-каналья,
У вождя ища похвалу,
Файзуллу спускал на Акмаля
И Акмаля на Файзуллу,

И невиданные клеветы
Соплеменников и друзей
Тиражировали газеты
Для Советской страны для всей.

Даже том получился толстый,
Том увесистый, подлый том...
И один одинокий Томский
Не злодействовал в томе том.
1988

СМЫСЛ ИСТОРИИ

Т. Жирмунской

Низенький, под мышкой с книгою,
И в цивильное одет,
Поп казался мне расстригою —
Не священник — диссидент.

Где-то около Эстонии
Проживал он, с паствой врозь...
— Вам понятен смысл истории? —
Задал горестный вопрос.

Я сказал:
— А что в ней тайного? —
Спорить был всегда готов.
— Вся из наших воль составлена,
Точно роза из ветров.

Все,— добавил твердым голосом,—
Просто в ней, как апельсин...
— В чем тогда Господен промысел? —
Скромно он меня спросил.

Но отверг я Бога с вызовом
И во весь опор попер,
Обезьяны с телевизором
Продолжая разговор.
1989

ДУРОШЛЕП

Новостей нынче валится столько,
Что приняться нельзя за дела.
Обгоняя себя, перестройка
От земли в поднебесье ушла.

И, принюхавшись к новому духу,
Дурошлеп, иноземный пострел,
Выбрал муху себе цокотуху
И за храмом Блаженного сел.

Прозевав, проморгав, проворонив,
Втихаря матюгают его
Оплошавший министр обороны
И командующий ПВО.

В этом казусе больше потехи,
Чем трагедии, и хорошо б
На другие огрехи-прорехи
Указал нам другой дурошлеп.

Из Америки и из Европы
И от разных других берегов
Прилетайте сюда, дурошлепы,
Помогайте снимать дураков.
1987

НА ПРИМОРСКОМ ШОССЕ

Помню ничейную суку.
Лупил ее снежный дождь,
А она мне лизала руку,
И трясла нас обоих дрожь.

Торчать на шоссе приморском
Под ветром было невмочь.
А день был совсем промозглым,
Не день, а белая ночь.

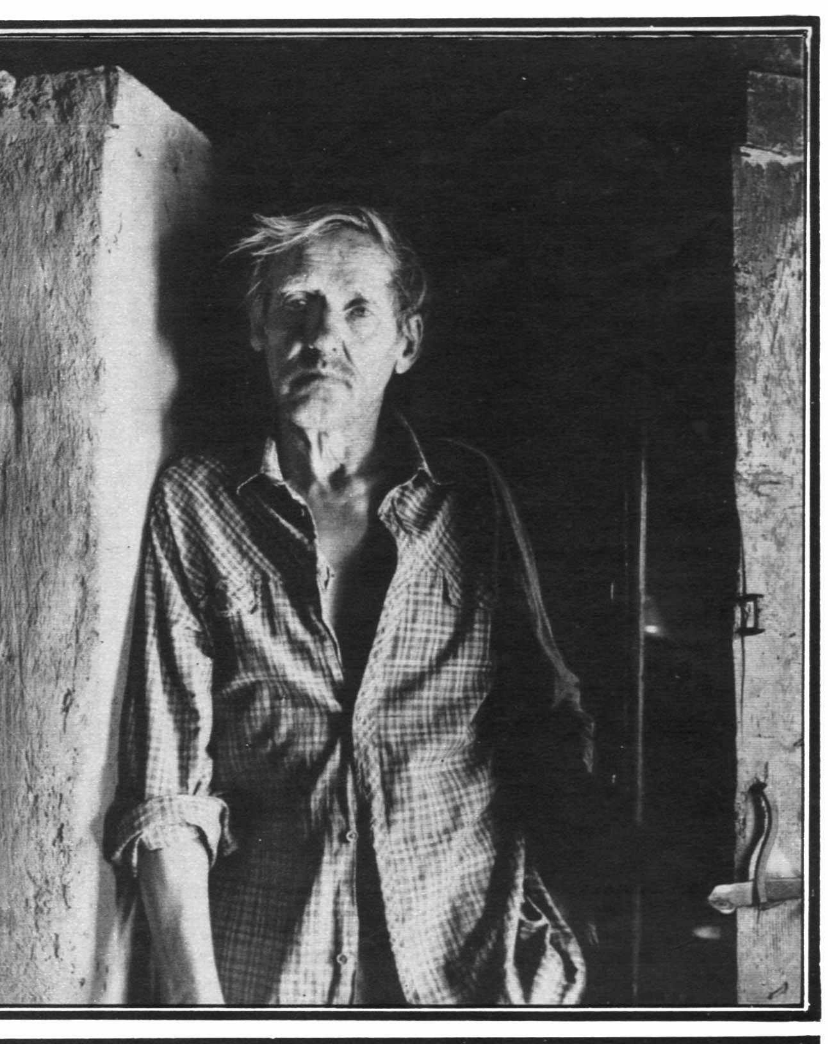
Куда-то пропал автобус
В нескладицах декабря.
А сука о ноги терлась
И скулила не зря...

Мол, гиблое это дело,
Пустая это игра...
И отговорить хотела
И выла, что не могла.

...Как странен собачий разум!
Размеры его малы,
Зато тебе в душу сразу
Он входит легче иглы.

Собака лизала руку
И обшлага пальто,
Но самую тайную муку
Учуяла, как никто.

Неужто сырой зимою
В благополучный год
Все,
что будет со мною,
Знала она наперед?
1986

Инта
РУКА

МОИ ДЕРЕВЕНСКИ

Е ЛЮДИ

УБИЙСТВО В СПАЛЬНОМ ВАГОНЕ

БИБЛИОТЕКА **ЗАРУБЕЖНОГО** ДЕТЕКТИВА

РОМАН

Себастьен ЖАПРИЗО

Напрасно он солгал по поводу часа, когда лег спать. К чему? Другие, вероятно, слышали, как она повысила голос, почти закричала. Все скажут, что у них что-то произошло в коридоре. Каждый истолкует это по-своему, но все вспомнят время. Это случилось ведь после, а не до проверки билетов. Контролеры подтвердят.

Ложь. А раз он солгал однажды, то ему уже никто больше не поверит. Подумают, что этот инцидент что-то да значил, если он скрыл его. Все увидят в его поведении реакцию больного человека, какой-то мотив. Легко будет установить и причину их препирательства. И ее тоже расценят как определенный мотив поведения. Он ведь мог спокойно выйти из поезда в Париже, а затем вернуться, застать женщину в черных лодочках в купе и наброситься на нее. Она отбивалась. И он задушил ее, чтобы она не кричала.

Да нет же!

Стоя перед зеркалом в туалете своей квартиры на пятом этаже, в мансарде, где все было вперемешку — одежда, цветы в горшках, посуда, Рене Кабур принял две таблетки лекарства против гриппа и стал уговаривать себя, что завтра ничего не случится.

Во-первых, он мог и ошибиться, невольно, относительно часа, когда лег спать. Главное теперь — раньше других самому рассказать об инциденте как о чем-то незначительном.

Он представил себе, какими жестами будет сопровождать свой рассказ, небрежный вид при этом. Об инциденте он скажет как бы ненароком, с улыбкой покачивая головой: «Ох, уж эти женщины...»

Нет, скажет: «Уж эти бабы...» И поведает, как они стояли одни в проходе и у нее был такой вид... Известно ведь, как это бывает. Такое чувствуешь кожей. Что с того, ну, пощупал ее немного. Сами понимаете, как. Конечно, жаль, что прикончили такую красотку... Словом, она взъерепенилась, и я пошел спать.

И быстро перейдет к другому. Все поймут его шутку и оценят ее по-мужски.

Глядя на свое отражение в зеркале с тем же вниманием, с каким незадолго до этого рассматривал неприличный рисунок, он внезапно почувствовал

Продолжение. Начало см. «Огонек» № 15.

Рисунок Ильяса АЛЬДАРОВА

себя еще более одиноким. И понял, что не сможет сыграть эту роль, сказать нужные слова. А если и скажет, это будет выглядеть еще глупее, потому что произнесет он эти слова так жалко, что полицейским за него станет неловко. Он смутится, покраснеет, может быть, даже заплачет. Тогда ему помогут надеть пальто, вытолкают на улицу, не зная, что сказать в ответ, и после его ухода вздохнут с облегчением. Жалкий тип.

Рене Кабур снова надел пальто и застегнулся. Он не останется дома, а пойдет куда-нибудь поужинать. Увидев на не убранной с прошлой субботы постели свой чемодан, он решил было надеть на тело майку, взять другую пару перчаток. Но раздумал и вышел, погасив лишь верхний свет. Тот, что горел в туалете, остался светить в пустое зеркало.

У дверей ресторанчика «У Шарля» Кабур замешкался. Было почти девять часов. Через стекло ему был виден за кассой хозяин. В помещении находился только один клиент, молодой блондин, который поднял голову и посмотрел на него с раскрытым ртом, готовясь проглотить кусок бифштекса. Рене Кабур пошел дальше, подняв воротник и засунув руки в карманы пальто.

Продолжая идти, он опять вспомнил женщину, длинноногую, в нейлоновых чулках, в изящном костюме, ее фотографию во «Франс суар». И пожалел, что забыл газету на диванчике в пивной. Ему захотелось перечитать статью, еще раз взглянуть на фотографию.

Какого черта он позвонил? В этом мрачном городе, который так и не стал ему родным, много десятков Кабуров. Его бы никогда не нашли.

Грацциано напомнил ему о боксере на арене «Центрального» в один из субботних вечеров. Был как раз субботний вечер.

А еще подумал, что за последние годы «Центральный» стал единственной отрадой его жизни.

Кабур решил было поехать туда на метро, но затем послал его к черту. Месяц только начинался, и его к Рождеству ожидала прибавка. Он почти бегом спустился к Восточному вокзалу и стал искать такси.

Кто-то, видимо, опаздывавший к поезду, бежал за ним. Кабур толкнул проходившую мимо пару, извинился, открыл дверцу такси и крикнул шоферу:

— В «Центральный», на бокс!

Он задыхался. Было девять часов вечера. Матч, вероятно, начался. Первый раунд он, пожалуй, уже пропустил. Он пристрастился к боксу на субботних встречах любителей, по три раунда. 57-й год. Февральский вечер. Двое в весе петуха, по 53 кило, небольшого роста, с лицами зверюшек.

Кабур пошел в «Центральный», чтобы доставить удовольствие бывшему однокашнику, который приезжал на неделю в Париж и снова уезжал в Жиронду, где Кабур и сам когда-то родился. Отдышавшись, он увидел, как два маленьких боксера мрачно колошматят друг друга. Но не только это. Когда один из них, поднявшийся на ринг с простым полотенцем на плече, упал под ударами противника на веревки, потеряв равновесие и прижав руку к телу, а рефери оттащил другого в сторону, раздались крики, захлопали сиденья, толпа поднялась, подобно волне. Тогда-то с ним это и случилось. В ту самую минуту.

Рене Кабур тоже вскочил и орал вместе со всеми, пытаясь разглядеть конвульсии упавшего боксера, услышать пыхтение победителя. И только потом, почувствовав боль в руках от хлопков и придя в себя, снова стал человеком из толпы.

В следующий раз он пошел в «Центральный» уже один, а потом еще и еще. Познакомился с завсегдатаями, в перерыве в соседнем бистро нередко обменивался с ними прогнозами, испытывая радость от пребывания тут, думая о том, что после пустой недели вновь наступит субботний вечер.

Выйдя из такси у «Центрального», Кабур решил, что приехал последним. Но нет. Позади остановилось еще одно такси, и из него вышла брюнетка, напомнившая ему женщину из купе.

Он уступил ей очередь у кассы. Она была молода, но уже потрепана жизнью. Одета в короткое черное пальто. Сумочку держала, прижав к груди, словно боясь потерять. Он увидел ее красные, словно от стирки, руки. Похоже, жена боксера, который выступает сегодня. После матча будет ждать его в раздевалке, мечтая о большом гонораре, хорошей квартире, звании чемпиона, внезапной удаче.

Кабур просмотрел три любительских боя, не испытывая ни малейшего удовольствия. Он думал о своих вечерах в Марселе, о маленьком отеле на авеню Репюблик. Комната была дешевенькая, потому что приходилось считать деньги, постель пахла лавандой. И еще вспомнилась пара, занимавшая двое суток назад соседний номер, их споры и то, что за ними следовало. Тогда он только что вернулся домой. Набитый бумагами портфель еще был в его руках. Он так и остался сидеть на постели в пальто, затаив дыхание и прислушиваясь к долгим жалобам женщины совсем рядом за стеной, так что можно было различить отдельные слова, за которыми следовали короткие острые звериные вскрики.

Он долго так сидел, может, два, а может, и три часа, слыша, как они смеются, догадываясь, что они лежат обнаженные на смятых простынях. И узнал о ней такое, что должен был знать только ее любовник. Что она не сняла жемчужное ожерелье, купленное в Париже. Что у нее густые длинные волосы. Они смеялись. Они ласкались. Затем снова наступала тишина, раздавался ее смешок, и возобновлялись стоны, шепот. Остальное рисовало его воспаленное воображение.

Кабур никогда прежде не видел эту женщину. Он вышел и стал бродить по пустынным улицам. А когда вернулся, их больше не было слышно. Они ушли.

Вокруг него толпа медленно поднималась со своих мест. Объявили перерыв. Он не смел взглянуть на соседей. Спустился в туалет, смочил разгоряченное лицо холодной водой и подумал, что напрасно вышел из дома. У него была лихорадка. Он заболеет.

Завтра он пойдет повидать инспектора в кабинет № 303 на третьем этаже и просто расскажет, что случилось. Расскажет, что одинок, некрасив, что всегда был таким, что в Марселе одна женщина назвала его ублюдком. Просто так. Потому что обожала делать вещи, которые, как ему казалось, бог знает отчего, следует делать только из чувства долга или ради денег. Затем он много часов ходил по улицам и даже плакал, захлебываясь от слез, на скамейке, неизвестно где, ночью в Марселе. Он скажет, что никогда не понимал смысла того, что так нравилось другим и чему они выучились где-то, почем ему знать где. И как он сел в поезд, как все ему казалось таким новым и «особенным», и некая брюнетка показала ему свои коленки, снимая с полки чемодан, где лежало лекарство — пачка аспирина, которым она, кстати, потом так и не воспользовалась. А он, идиот, вообразил, что аспирин был предлогом, поводом начать разговор. Что она была красива, красивее любой женщины, которую он когда-либо видел раньше. Что она стояла так близко, что был слышен запах ее духов и виден замочек жемчужного ожерелья. Что это ожерелье напомнило ему другое, которое он никогда не видел. И что в тот момент, когда она, смеясь, высунулась в окно поезда, говоря что-то, он повел себя как человек, не знающий правил игры, как настоящий ублюдок.

Рене Кабур не слышал, как сзади него открылась дверь туалета. И в тот самый момент, когда он, стоя в расстегнутом пальто, склонился над потрескавшимся грязным умывальником, поливая из крана лицо и волосы холодной водой, на его голову, чуть пониже затылка, обрушился страшной силы удар. Он не слышал выстрела, не видел пламени, даже не успел заметить кого-либо в пустом туалете. Прошло уже четверть часа, как кончился перерыв.

Сначала Кабура качнуло к зеркалу, висевшему над умывальником, и он не понял, почему его собственное лицо вдруг приблизилось к нему. Не испытывая боли, он продолжал думать о том, что расскажет завтра. Затем пошатнулся, и галстук попал под струю воды. Подумал о том, что скажет им все, да все — как она наклонилась и как он сделал это. Нет, не облапил, ничего такого, что надо было бы сделать. И пока голова его медленно погружалась в воду, а он уже стоял на коленях на полу, его охватило чувство восхитительной надежды. Да, он положил ей руку на плечо, на ее плечо. Ему показалось, что это единственная женщина, способная его понять. И бог ее знает, что она поняла. Суховато развернулась, как боксер, увидевший открывшегося противника. Не засмеялась, поняв по его лицу, что это куда серьезнее. А прочла, вероятно, в его глазах нечто такое, отчего взвилась и закричала.

Он медленно соскользнул на пол. Лицо его было мокрое, глаза закрыты. И все повторял про себя: да, мои руки были на ее плече. И подумал о том, что же такое она прочла на моем лице, отчего ей стало так нестерпимо? Но еще раньше, чем понял все, его мертвое тело распростерлось на плитках пола.

СПАЛЬНОЕ МЕСТО № 224

Жоржетта Тома улыбалась на фотографии лучезарной, внимательной улыбкой. В тот день на ней был пиджак или пальто с белым меховым воротником. Прическа, обрамлявшая ясноглазое лицо, казалась еще красивее и темнее. Наверное, она любила свои волосы и проводила немало часов, расчесывая их по-разному и укладывая. Она любила все, что подчеркивало красоту ее волос, и поэтому, видимо, в ее гардеробе было столько белых вещей.

Стоя в нижнем белье и пижамных брюках, Антуан-Пьер-Эмиль Грацциано, или попросту, Грацци, подумал, что патрон, наверное, прав, утверждая, что такая красивая девушка могла стать жертвой преступления по страсти и что, кто знает, может быть, виновник убийства уже хнычет где-нибудь в районном комиссариате полиции.

Он положил фотографию в свой бумажник из красной кожи, купленный три года назад, и с минуту сидел, подперев голову, за столом на кухне перед окном. Прежде чем поставить кофе на газовую плиту, находившуюся на расстоянии руки, он раздвинул цветные занавески, и в комнату вошел свет воскресного дня, похожий на любой другой день недели. Грацци увидел сероватое небо, равнодушное к его заботам.

На редкой траве улицы, там, где находилось так называемое «зеленое пространство», у самого дома, ночь оставила первый в этом году иней. Грацци, собиравшийся отвести днем сына в зоопарк в Венсенне, не очень сожалел, что не сможет этого сделать. Он постарается приехать к обеду домой, взяв для этого машину Уголовного розыска, и поиграет с Дино, пока тот не пойдет спать после обеда.

Засвистел итальянский кофейник. Он протянул руку и погасил газ. Не вставая, взял затем кофейник и наполнил одну из двух чашек, стоявших перед ним, ощутив теплоту поднимавшегося вверх пара.

Потягивая кофе без сахара, Грацци вспомнил свое вчерашнее вечернее донесение, квартирку на улице Дюперре — маленькую, хорошо обставленную, чистенькую. Было в ней что-то приторное, присущее квартирам одиноких женщин. Вспомнились и самоуверенные советы Таркэна, его патрона. Первое — попытаться влезть в шкуру красотки, узнать ее лучше, чем она сама себя знала, стать ее двойником и все такое. Понять изнутри, если тебе понятно, что я хочу сказать.

Это как раз было яснее ясного. И другой инспектор, Малле, настолько хорошо себе представил Грацци в шкуре и одежде Жоржетты Тома, что не переставая смеялся, когда они прощались. Около 8.30 он сказал ему в коридоре «чао, киска» и пожелал всяческих удовольствий с любовниками.

Потому что всем казалось доказанным, что их у нее было множество. И помимо своей воли, еще в кабинете патрона, Грацци стал думать, что она их меняла как перчатки.

У нее было много хорошего белья с монограммой в виде маленькой красной буквочки «Ж», как это делают в пансионах. Монограммы были на изнанке комбинаций, на штанишках, лифчиках и даже на носовых платках. Целых три ящика белья. Белый нейлон и кружева, помявшиеся во время обыска, были такие нежные, что тощий Грацци почувствовал себя грубым мужланом. Маленькая красная буква красовалась на всех вещах.

В семь часов вечера, стоя перед патроном и остальными, Грацци говорил, с трудом подбирая слова. Точнее, пытаясь хоть что-то выудить из своей книжечки. А потом сделал не совсем свое заключение. Тогда, на месте, в доме на улице Дюперре, роясь в шкафах и ящиках, Габер, сопровождавший его, заметил, что раз девица была красива, а он как раз находился под впечатлением прочитанных к ней писем и того, что прикасался к ее юбкам, значит, она «не скучала».

В жизни убитой было трое мужчин, четыре, считая мужа, которого она не видела уже несколько месяцев. Продавец машин Эрро, явившийся на Кэ около шести часов, выглядел растерянно и жалко. Некий прохиндей по имени Боб или что-то в этом роде должен был прийти днем. Был еще парень с пятого этажа на улице Дюперре, студент, которого, по-видимому, обожала консьержка.

Из этих троих с определенностью можно было назвать ее любовником только первого. Это был высокий мужчина, немного отечный, вялый. Он занимался подновлением американских машин в гараже у Порт-Майо. Вопреки ожиданиям никакой картотеки на него не было. Он признал, запинаясь и поправляя себя, что да, конечно, «они некоторое время были вместе», понизив при этом голос, ибо речь шла о мертвой, или потому, что теперь женился, и то была старая история.

Грацци продержал его минут двадцать. Противная рожа, но ни к чему не придерешься. Безупречное алиби на первые четыре дня октября и на субботу, когда было совершено убийство. Жена, которой он купил маленький «фиат» (новенький, а не по случаю, Грацци уж не помнил, каким образом узнал об этом). Документы в порядке. Хорошо сшитый костюм. Начищенные ботинки. Бывший коммерческий директор парфюмерной фабрики. Там он и познакомился с Жоржеттой Тома, тогда еще по фамилии Ланж и бывшей представительницей фирмы. Связь в течение полугода до ее развода и два с половиной года потом — «были когда-то вместе». Ничего не знает. Никаких врагов и друзей не знает. Ничего понять не может. Огорчен за нее. Противная рожа.

Грацци налил кофе в другую чашку, положил туда два куска сахара и встал, потирая шею. Он услышал, как его жена зашевелилась в постели.

В узком коридорчике, отделявшем кухню от комнаты, не слишком полная чашка немного расплескалась. Боясь разбудить малыша, он не выругался, хотя и хотелось.

Жена лежала, как всегда, с открытыми глазами. У Грацци сон был крепкий, но он знал, что по ночам

она встает, чтобы укрыть Дино или дать ему попить, и у него сложилось впечатление, что его жена никогда не спит.

— Который час?

— Семь.

— Ты идешь туда сегодня?

Мучимый угрызениями совести, он сказал, что придется. На самом деле ничто не заставляло его так поступать. Он мог бы вызвать Кабура, Боба, семью Жоржетты Тома и на понедельник. Никто не торопил его, никто не сделал бы и замечания. Если убийца воспользуется этим, чтобы сбежать подальше, тем лучше, это будет признанием его вины. Его поищут и найдут.

Нет, ничто не заставляло его идти, если не считать обычной неуверенности, извечной потребности выиграть время, как у неспособного ученика, который откладывает экзамен до последней минуты.

Его жена Сесиль, хорошо знавшая мужа, пожала плечами, не посмев напомнить об обещанной прогулке в зоопарк, но, чтобы не скрыть разочарования, заметила, что кофе слишком слабый или слишком сладкий.

— Какое дело тебе поручили?

— Женщина, задушенная в поезде на Лионском вокзале.

Она вернула ему чашку, зная прекрасно, что он вовсе не стремился получить это дело, что в течение некоторого времени опять будет озабочен тем, что своей работой привлечет к себе общее внимание.

— Разве этим делом занимается не Таркэн?

— Он ведет дело с игральными автоматами. И потом, ты знаешь, он сейчас неохотно берется за дела, которые не кажутся ему верняковыми. Если все будет нормально, он меня прикроет. Если затянется, всё взвалит на меня. В январе его ждет повышение, он не станет марать свою репутацию до этого.

Бреясь перед зеркалом, Грацци вспомнил квартирку Жоржетты Тома и подумал, что она сильно отличается от его собственной. Впрочем, чем могла походить квартира одинокой женщины в старом доме близ площади Пигаль на его двухкомнатную квартиру в Баньё с кухней и ванной, которую трехлетний ребенок превращает в поле боя?

Однако именно в той квартире, в ее полуприглушенной атмосфере, накануне ему пришли в голову вещи, о которых прежде он бы не подумал или которые, во всяком случае, не могли ему прийти в голову. Кретоновые занавески на окнах, покрывало на постели, столики и претенциозные игрушки — все это говорило о засидевшейся в девицах машинистке. В малюсенькой кухне все было на своих местах. Невероятная ванная в розовом и белом кафеле, на который, возможно, были израсходованы все сбережения. Здесь пахло кремами и дорогим мылом. Коротенькая ночная сорочка на вешалке такая же, как и найденная в чемодане. Махровые, очень нежные, как мех, полотенца всех цветов с буквой «Ж», как и все остальное. Резиновая белая шапочка на лейке дýша. Набор кремов на полочке. И особенно зеркала. Они были повсюду, даже на кухне и в комнате, такой тесной, что их расположение вокруг постели навевало весьма двусмысленные предположения.

Поморщившись, Грацци вдруг увидел в зеркале свое намыленное лицо, на котором бритва выскоблила длинную полоску чистой кожи.

У нее в аптечке тоже лежала бритва, но это ровно ни о чем не говорило. Они имеются теперь у многих женщин.

Были найдены и письма к ней, в большинстве от того, кто перепродавал машины, фотографии мужчин вперемежку с собственными и семейными, которые хранились в старой коробке от бисквитов.

Однако это было не все. В квартире Жоржетты Тома ощущалось еще что-то такое, чего он был не в силах понять. Именно поэтому, наверно, Габер и сказал: «А она не очень скучала». Такое впечатление, возможно, возникало от заставленной или слишком женской, слащавой обстановки квартиры. Или от роскоши ванной. Или из-за дурацкой маленькой красной буквочки «Ж», как это делают на узлах с вещами учащихся пансиона.

— Скажи-ка...

Его жена как раз вошла в комнату и взяла халат, висевший на двери. Грацци видел ее в зеркале, держа бритву на высоте щеки.

— Что ты можешь сказать о женщине, которая переметила все свое белье своими инициалами?

— Быть может, она отдавала белье в стирку.

— Это начальная буква ее имени. Да к тому же нижнее белье не отдают в прачечную. Разве нет?

Сесиль согласилась. Она подошла к зеркалу, оглядела себя, поправляя волосы.

— Не знаю. Есть женщины, которые любят метить свое белье.

Он объяснил, что это не совсем метка, а квадратик с буквой, который пришивается к изнанке. Когда его поместили в детстве в интернат в Мансе, мать переметила его пижамы, полотенца, все вещи. Он вспомнил свой номер — восемнадцатый.

Она не знала и сказала, что есть, наверное, причина. Может быть, это что-то маниакальное? Во всяком случае, скоро проснется малыш. Он плохо сейчас ест. Трехлетнему ребенку нехорошо всегда обедать без отца. Грацци придет сегодня домой обедать?

Он пообещал, продолжая думать о малыше, который плохо ест, и о Жоржетте Тома, сидящей возле лампы и пришивающей маленькие буквочки «Ж» на кружевное белье.

Он сел в автобус, пришедший пустым из Л'Эй-ле-Роз, и остался на открытой платформе, чтобы выкурить первую сигарету. В 9 часов утра улица Порт д'Орлеан еще не проснулась. Небо начало проясняться, и улицы Парижа оказались более воскресными, чем в Баньё.

В 38-м автобусе он предпочел сесть. На остановке Алезиа вывеска «Прожин» напомнила ему о том, что он должен сегодня увидеть звонившего ему человека. Как там его звали? Кабур. Вероятно, Габер уже обнаружил остальных. Актрису Даррэс. В телефонном справочнике было лишь два Риволани.

Грацци представил себе маленького Габера, который до полуночи звонил по обоим телефонам, извиняясь и путаясь в объяснениях, чтобы доложить ему теперь:

— Ничего нового, начальник. Семьдесят три звонка, двенадцать раз был послан к черту, разговаривал с двумя психами и ругался с бакалейщиком, который начинает работать на рынке в 4 часа утра, так что, сам понимаешь, как его обрадовали наши полицейские заботы в 11 часов вечера.

— Я подцепил троих, начальник,— сказал Габер.

Он проснулся и побрился меньше часа назад, лицо было еще красным от холода, и, дожидаясь, он сидел на уголке стола, не своего, а Парди, мрачного корсиканца, который всегда работал один и накануне только закрыл дело об аборте.

Входя в комнату, Грацци снял пальто и поприветствовал движением руки двух дежурных инспекторов, которые, стоя, курили и разговаривали о футболе. Человек в наручниках, в куртке и без галстука, сидел прямо на стуле рядом с дверью, рассеянно поглядывая кругом.

Не поднимая головы от своей головоломки (плоской коробки, внутри которой он должен был в определенном порядке расставить фишки с цифрами, не вынимая их оттуда), Габер сказал, что лег после полуночи, что государство опять потеряло тысячи франков на разговорах и что глупость людей просто фантастическая.

— И что же ты узнал?

— Сначала об актрисе. Разговор со службой Отсутствующих абонентов. Пришлось обзвонить тридцать ресторанов, прежде чем ее нашли «У Андре». Знаешь, как звереешь от голода, звоня по ресторанам? Различаешь в трубке характерный для них шум. С ума сойти можно.

— Дальше?

— Риволани. Шофер-экспедитор. Говорил с его женой, а не с ним самим. По дороге в Марсель, километрах в двадцати от города, у него случилась поломка в грузовике, и он оставил его в гараже Берра. Вернуться назад пришлось поездом. У нее симпатичный голосок.

— Третий?

— Третья. Это женщина. Место было действительно занято.

— Гароди?

Только что решивший головоломку, Габер опять смешал фишки и начал все сначала. Его тщательно причесанные, как у молодого премьера в период оккупации, волосы были еще влажными на висках. Он не снял свою бежевую куртку с капюшоном, привезенную из Шотландии. Другие инспектора по много раз на дню подшучивали над ним из-за его светлых волос, из-за необычного для этого учреждения пальто, из-за его жестикуляции, присущей мальчику из богатой семьи. Но ему было на это наплевать. Габер был мал ростом, худощав, на лице все время бродила улыбка человека, который ничего не принимает всерьез, особенно свое занятие. Он не очень любил эту профессию, но и нельзя сказать, что ненавидел ее. Просто она его не интересовала, а вот его отца — да.

— Мадам Гароди, верно. Одна из мадам Гароди. В семье их много. Наша замужем за инженером, которого перевели в Марсель полгода назад. Ему 26 лет, и он специалист по электронике. У меня есть приятель, который тоже этим занимается. По его мнению, в этой штуке заключено все величие греческой мифологии.

Сев за свой стол и взяв в руки красную записную книжку, Грацци с нетерпением почесал затылок.

— Ну и что из того?

— Они женаты три года. Целая история о том, с каким трудом свекрови удалось устроить их в Марселе.

— Продолжай.

— Это важно для дальнейшего. Они еще не перевезли кучу вещей из Парижа. Поскольку же сам Гароди — работяга, не приходит домой по трое суток, спит с электроникой, ясно? — то интересующая тебя мадам Гароди решила сама осуществить перевозку кухонных принадлежностей и заодно поцеловать свекровь.

— Ну и что?

— Начальник, ты неблагодарное существо. Да, да. Кроме шуток. У меня ушло два часа на то, чтобы все это узнать. В конце концов я связался с невесткой. Она проживает в Нейи, у других Гароди. Голос дрожал, когда я ей обо всем рассказал. Прелестная история, которую можно будет обсудить с подружками: «Это не меня задушили, но почти что», ясно? Ее зовут Эвелина. У нее тоже красивый голос. Чтобы развлечься, я попросил описать себя. Она, видимо, миленькая. Приехала на несколько дней, до четверга, кажется. Я сказал, что не может быть и речи, что она должна находиться в распоряжении полиции.

Габер рассмеялся, не поднимая глаз и продолжая передвигать указательным пальцем фишки в головоломке.

— Она поклялась, что это не она, что никого не душила. Я сказал, что мы еще посмотрим. Если начальник согласен, я встречусь с ней в 11 часов на улице Лафонтена, дом 130, спросить Лину. Ты согласен?

Грацци сказал, что так лучше, чем держать ее здесь все утро. Машину он оставляет за собой, чтобы съездить домой пообедать.

В 10 утра Кабур не явился, и Грацци подумал, что успеет выпить кофе у моста Сен-Мишель. Когда он выходил с Габером из комнаты, перекинув плащ через руку, полицейский сказал, что его хотят видеть мужчина и женщина. Это были сестра и зять жертвы. Их фамилия была Конт. Они пришли прямо из морга.

Супруги Конты сидели около стола Грацци и по каждому поводу обменивались взглядами. Они пришли на Кэ впервые, и по лицам чувствовалось, что волнуются. Женщина — такая же высокая и темноволосая, как жертва, но не похожая на нее, успела поплакать. Мужчина смахивал на служащего, которого цифры сделали близоруким. За плотными стеклами очков его детские голубые глаза застенчиво и опасливо пытались все время перехватить взгляд Грацци, словно их владелец приблизился к отталкивающего вида животному, которое следовало приручить.

Он был не банковским служащим, а бухгалтером в одном из филиалов фирмы «Рено» и позволил говорить жене, время от времени подтверждая ее слова кивком головы и поглядывая на Грацци,— да, именно так.

Они ходили опознавать Жоржетту Тома и рассчитывали, что им выдадут тело вечером. Все было готово для похорон. Они ведь единственные родственники убитой в Париже. Родители обеих сестер еще жили во Флераке, что в департаменте Дордонь. У них там ферма и патент на бакалейно-питейное заведение у самой дороги на Перигё.

Жоржетта была, как бы это сказать, блудной дочерью. Восемнадцати лет уехала в Париж. В Перигё, где она окончила школу после освобождения, народные балы, оживление, которое вносили в жизнь солдаты, вскружили ей голову. Она училась на курсах машинописи, потом, как стало известно, зачастила в пивные центра города. Дома ей устроили сцену. Она проплакала несколько дней, говорила, что хочет уехать. И в конце концов уехала.

Ее сестра Жанна, двумя годами моложе, повернувшая сейчас к Грацци измученное, бледное лицо, проводила ее на вокзал, посадила в поезд, полагая, что уже никогда ее больше не увидит.

— Но вы все-таки увиделись?

— Спустя несколько месяцев, когда я выходила замуж. Мы познакомились с мужем за год до этого, он проводил летний отпуск во Флераке.

Тот подтвердил это кивком головы. Именно так.

— С тех пор вы живете в Париже?

— Да, неподалеку от нее, около площади Клиши. Но виделись мы не часто.

— Почему?

— Не знаю. Мы жили по-разному. Она вышла замуж через год после меня за начальника отдела сбыта парфюмерной фабрики «Жерли», чьей представительницей работала. Жак был хорошим человеком. В то время она приходила к нам чаще, по воскресеньям на обед, иногда в середине недели, чтобы сходить вместе в кино. Затем развелась. А у нас родились дети. Двое: мальчик и девочка. Она стала реже захаживать. Думала, наверное, что мы недовольны ее поведением из-за человека, с которым жила, не знаю, все может быть. В общем, стала реже приходить.

— Как давно вы ее видели?

— С месяц назад. Она пригласила нас выпить

у нее дома кофе. В то воскресенье мы пробыли у нее час или два, она собиралась куда-то уйти. Но ничего нам уже не рассказывала.

Сидя на соседнем столе, Габер по-прежнему был занят своей игрушкой. Передвигаемые им фишки сухо и нервирующе щелкали. Он задал вопрос:

— Развод был по ее инициативе?

Жанна Конт с минуту не решалась ответить. Поглядела на Габера, на Грацци, потом на мужа, явно не зная, надо ли отвечать и имеет ли право молодой, не похожий на полицейского, блондин задавать вопросы.

— Нет, Жака. У «Жерли» она встретила другого человека, коммерческого директора. Через некоторое время Жак это обнаружил. Они расстались. Она перешла на другое место, в фирму «Барлен».

— И продолжала жить со своим любовником?

Снова нерешительность. Ей явно не хотелось говорить об этом при муже, который с нахмуренным видом опустил глаза.

— Не совсем так. Она поселилась на улице Дюперре. Полагаю, что он приходил туда, но не жил у нее.

— Вы были с ним знакомы?

— Мы видели его однажды.

— Она привела его к вам?

— Нет. Мы встретились случайно. Года три назад. Он тоже ушел от «Жерли». Занимался машинами. Спустя несколько месяцев появился Боб.

— Кто такой Боб?

— Робер Ватски. Он рисует, пишет музыку, не знаю толком.

Грацци посмотрел на часы, сказал Габеру, что тому пора сходить на улицу Лафонтена. Габер кивнул и пошел, волоча ногу, с головоломкой в одной руке и шарфом в другой. Всякий раз, когда Грацци видел его уходящим ленивой и расслабленной походкой человека, которому на все наплевать, он невольно вспоминал, что зовут его удивительно — Жан-Луп. И некоторое время чувствовал себя непонятно отчего счастливым, как в дни, когда его сын произносил новое слово. Смешно.

— Догадываетесь ли вы о том, кто мог бы это сделать? Я хочу сказать, были ли у вашей сестры враги?

Оба Конта бессильно покачали головами. Женщина сказала, что они ничего не знают.

Грацци вытащил из ящика опись отдела опознаний, назвал сумму ее счета в банке, показал оплаченные счета, сказал о деньгах, найденных в сумочке. Это показалось им нормальным.

— Были ли у нее другие источники доходов, кроме зарплаты? Сэкономленные средства? Акции?

Они не думали.

— Это было не в ее правилах,— объяснила женщина, нервно скатывая в валик свой носовой платок.— Как бы вам пояснить? До 16 лет я жила вместе с ней, мы спали в одной постели, я носила ее вещи, я хорошо ее знала.

Она снова начала тихо плакать, не переставая смотреть в лицо Грацци.

— Жоржетта была очень честолюбива. В общем, как бы это сказать, могла много работать и многим жертвовать ради того, чтобы получить то, что хотела. Но деньги, сами по себе, ее не волновали. Не знаю, как объяснить, она интересовалась лишь тем, что имела и что купила на свои средства. И часто говорила: «это мое», «мое пальто», в таком духе. Понимаете?

Грацци сказал: нет.

— Например, она, когда мы еще были маленькие, слыла жадиной. Над ней подшучивали за столом, потому что она не хотела одолжить мне деньги из своей копилки. Не знаю только, можно ли это назвать жадностью. Она ведь не прятала деньги. Она их тратила. На себя. Ей и в голову не приходило тратить на других. И делала подарки только моему сыну, которого очень любила. К дочери же относилась иначе, и это порождало в доме идиотские ссоры. Однажды мы ей об этом сказали.

— Сколько вашему сыну?

— Пять лет. А что?

Грацци вынул из бумажника найденные в вещах жертвы детские фотографии.

— Это Поль. Снимок сделан два года назад.

— Насколько я понимаю, вы говорите, мадам, что ваша сестра не была бережливой, но отличалась... скажем, эгоистическим характером. Так?

— И да и нет. Я не сказала, что она была эгоисткой. Скорее очень даже щедрой, легковерной во всем. Все глупости делала по наивности. Да, была слишком наивна. Ее все упрекали за это. Не знаю, как вам сказать, но теперь, когда она мертва...

Слезы потекли снова. Грацци подумал, что лучше перейти к другому сюжету — Бобу, например, а затем прервать разговор и вернуться назад. Помимо воли, он коснулся опять больного места.

— Вы ее попрекали? Вы ссорились?

Ему пришлось обождать, пока она вытрет глаза своим скомканным платком. Женщина подтвердила кивком головы, тихими всхлипываниями.

— С год назад, на Рождество, из-за пустяка.

— Какого пустяка?

— Машины. Она купила машину марки «Дофин». До этого неоднократно приходила к мужу и поручила ему оформить кредит и сделать покупку, в общем, все такое. Ей давно хотелось иметь автомобиль. За несколько недель до покупки она уже говорила: «моя машина». Получив ее накануне Рождества, Жоржетта заставила нарисовать на передних дверцах свои инициалы. Мы ждали ее к обеду, но она опоздала, объяснив почему. Была счастлива, просто невероятно счастлива.

Грацци стали невыносимы слезы, которые непрерывно текли по ее бледному лицу.

— Мы пошутили из-за инициалов. А затем, знаете, как это бывает, одно за другое, кончилось тем, что начали говорить ей вещи, которые в конце концов касались только ее... Вот. Потом мы стали ее видеть реже, вероятно, пять или шесть раз за два года.

Грацци сказал, что понимает. Он представил себе Жоржетту Тома за столом накануне Рождества, гордую своей купленной в кредит машиной «Дофин», с инициалами, и внезапно обрушившиеся на нее упреки и саркастические замечания. Подумал о молчании, в котором был съеден десерт, о холодных поцелуях на прощание.

— Мы думаем, что убийство не связано с ограблением. Не можете ли вы назвать человека из ее окружения, который бы ее ненавидел?

— Кого? Таких нет.

— Вы говорили об этом Бобе.

Женщина пожала плечами.

— Боб на такое не способен, это невероятный шалопай, но просто невозможно представить, что он способен кого-то убить. В особенности Жоржетту.

— Ее муж?

— Жак? Зачем? Нет, он женился, у него ребенок. Он никогда не таил зла на нее.

Теперь муж одобрял каждую ее фразу. Внезапно открыв рот, он произнес высоким голосом, что преступление совершил садист.

Мужчина в наручниках в глубине комнаты, не поднимая глаз, вдруг рассмеялся, выпрямившись на стуле и поглядывая на свои наручники. Возможно, он услышал эти слова или был безумен.

Грацци встал, сказал Контам, что у него есть их адрес, что они еще увидятся до конца расследования. Когда те шли к двери, Грацци опять вспомнил квартиру на улице Дюперре и задал последний вопрос, который пригвоздил их к месту.

Женщина ответила: нет, конечно же, нет. Жоржетта не встречалась последнее время ни с кем, кроме человека по имени Боб. Жоржетта совсем не та женщина, о которой, похоже, подумал Грацци.

Он говорил, что Жоржетта — это особый случай, что ее, мол, надо понять. Во всяком случае, он никогда не думал, что один в ее жизни. По натуре он, слава богу, не ревнив. И коли уж инспектор намерен продолжать эту тему, ему лучше сразу понять свое заблуждение, иначе он разобьет себе башку о стенку.

Его действительно звали Бобом. Так было написано и в удостоверении личности. Робер — это псевдоним. Он сказал, что у его родителей были странные взгляды. Когда ему было два года, оба они утонули, катаясь на паруснике в Бретани. Два месяца назад ему исполнилось 27 лет.

Жоржетта умерла в тридцать лет. Что же до его переживаний, то инспектора это не касается. При всем его уважении, фараоны ему противны или смешны. Только вот он не знает, к какой категории принадлежит инспектор,— скорее ко второй. Просто потеха думать, будто у Жоржетты были деньги. Считать же, что муж ее способен кого-то прикончить в поезде, не наделав в штаны, оборжаться можно. Не меньше, чем думать, будто это убийство по страсти. Ведь из-за этой гадости сразу отправляют на гильотину. Куда печальнее, если угодно, предположение, будто бы он, Боб, мог совершить такое убийство, да еще в вагоне второго класса, не поставив себя в смешное положение. Инспектор — как его имя? Грацциано? Кажется, был боксер по фамилии Грацциано? — так вот, инспектор, похоже, совсем свихнулся, коли так думает.

Пришел он потому, что ему противно, когда фараоны роются в вещах Жоржетты. Накануне вечером он был на улице Дюперре, и ему совсем не по душе, как был сделан обыск. Уж коли вы не способны положить вещи на место, лучше их совсем не трогать.

Его могут посадить в камеру, но он будет говорить в угодном ему тоне. И если инспектор такой умник, пусть лучше слушает его. Фараонам надо бы забыть об обидчивости еще до поступления на работу в полицию. В возрасте инспектора это просто несерьезно.

Во-первых, никто не обкрадывал Жоржетту, потому что нечего было красть. Даже полицейский может до этого допереть сразу.

Затем. Она была слишком приличной особой, чтобы водить знакомство с кем-то, кто хотел бы ее кокнуть. Он надеется, что инспектор — как же, черт побери, его имя? — Грацциано, вот именно, спасибо! — он надеется, что инспектор понял, что он имеет в виду.

Наконец, если верить паскудной фразе паскуды-журналиста, понадобилось три минуты, чтобы задушить Жоржетту. Пусть инспектор поднатужится и поймет — это и есть самое важное. Ему, Бобу, конечно, на это наплевать, но при мысли о трех минутах он готов взорвать весь Париж. Нет надобности ходить на курсы повышения квалификации в префектуре полиции, чтобы усечь простую вещь: профессионал не может позволить себе роскошь потратить столько времени. Так что чей-то сынок, совершивший это, просто любитель. И в довершение всего не очень-то ловкий, то есть паскуднейший из всех.

Если бы он, Боб, верил в бога, то стал бы просить его, чтобы убийство, вопреки очевидности, совершил профессионал. Тогда бы можно было поверить, что журналист лишь повторил чье-то паскудство и Жоржетта умерла без страданий.

И еще одна вещь: он только что видел выходящими отсюда Гадость и Ублюдство, сестру и зятя Жоржетты. При всем своем неуважении к инспектору, он хочет сказать, что фараонам лучше не обращать внимания на их лепет, который может дорого обойтись налогоплательщикам. Это страшные люди. Хуже того — абсолютно благонадежные. Болтуны. В их словах столько же правды, как в Апокалипсисе. Они не знали Жоржетту. Нельзя знать человека, которого не любишь. В общем, что бы они ни говорили — все вранье.

Вот так. Он надеется, что инспектор, чье имя ему надоело повторять, усек это. В остальном же он искренне огорчен и приносит извинения — ему никак не удается запомнить имена людей.

Грацци смотрел на него пустыми глазами, опьянев от этой речи, слегка удивленный тем, что до сих пор не вызвал из коридора полицейского и не приказал отвести этого подонка подлечить свои нервы в камере предварительного заключения.

Он был высоченного роста, больше Грацци на голову, с громадной, страшной, поразительно бледной мордой и с чем-то удивительно привлекательным в живых голубых глазах.

Грацци представлял себе любовника Жоржетты иным. А теперь уж не знал, каким. И вот этот тип сидел перед ним. Он был получше того, который перепродавал машины. Но раздражал Грацци невероятно, и от него болела голова.

Накануне, в момент убийства, он был у друзей в 50 километрах от Парижа, в одной из деревень Сены-и-Уазы, где все шестьсот жителей могли подтвердить его слова: ему не удается остаться незамеченным.

Габер позвонил в четверть первого. Он только что вышел от Гароди и звонил из табачной лавки на улице Лафонтена. Он видел невестку, ну и штучка, надо сказать, здорово красива.

— Она ничего не знает, ничего не заметила, ничего не может сказать.

— Ее описание совпадает с кабуровским?

— Она ничего не знает. Говорит, что легла, как только села в поезд, и тотчас уснула. И смутно помнит жертву. Сошла с поезда, как только тот остановился, на вокзале ее ждала свекровь.

— Должна же она была заметить других пассажиров... И потом, это как-то не вяжется... Кабур говорил, что верхняя полка оставалась свободна до половины двенадцатого или полуночи.

— Может быть, он ошибся?

— Я жду его. Как она выглядит?

— Красивая, брюнетка, длинные волосы, большие голубые глаза, маленький курносый носик, все, что надо, худощава, рост 1 метр 60, недурна, что еще? Ей было неприятно, это точно. Она говорит, словно пятясь, понятно выражаюсь? Единственное, чего ей хочется, это чтобы ее оставили в покое. Завтра утром придет давать показания.

— Она не заметила ничего особенного во время путешествия?

— Ничего. Говорит, что никак не может быть нам полезна. Села в поезд, легла, спала, сошла с поезда, и ее ждала свекровь. Все. Никого не знает, ничего не заметила.

— Она, может, дурная?

— Не производит такого впечатления. Ей неприятно, вот что. Чувствуется, не хочет быть замешанной в такого рода истории.

— Ладно, поговорим об этом днем.

— Что мне делать? Я могу пообедать с приятельницей?

— Валяй. Затем отправляйся в Клиши и повидай шофера Риволани. Я еще немного подожду Кабура. Днем наведаемся к актрисе.

Перевел с французского А. БРАГИНСКИЙ

Продолжение следует.

казательств, породили лысенковщину в психиатрии с знакомыми уже нам химерами о переходе одного в другое (одного заболевания, например, невроза, в другое — психопатию).

Незнание общества и незнание, неразвитость самой науки давали жуткие плоды, когда люди могли оказаться беспомощной жертвой политической расправы, интриги и т. п. Некомпетентный врач и врач, признающий свою зависимость от немедицинских властей, получал невиданную власть над человеком. Укоренялось особенное, отеческое отношение к больным, выработался особенный тон запанибрата...

Захворать психически стало стыдно, страшно, опасно. Еще опаснее стало попасть под подозрение...

Вот такими мы вышли из нашего вчера.

По данным Всемирной организации здравоохранения, сорок миллионов человек на Земле страдают тяжелыми формами психических заболеваний. По данным Госкомстата СССР, к началу 1988 года на учете в лечебных учреждениях страны состояло 10,2 миллиона психически больных. Только в течение одного, 1987-го, года госпитализировано 2,1 миллиона таких больных. Это, так сказать, определенно больные люди. При условии, конечно, отсутствия состава преступления в действиях врача и при условии его компетентности и ответственности.

НЕ БОЮСЬ ТЕБЯ,

Владимир ВОЕВОДА,
Нина ЧУГУНОВА,
Павел КРИВЦОВ (фото)

Вот перед вами фотографии, сделанные в Московской психиатрической клинической больнице № 1 имени П. П. Кащенко нашим корреспондентом, который более двух месяцев ходил в клинику как на работу. К нему привыкли и врачи, и пациенты. И он открыл для себя (а теперь и для нас) совершенно новый мир, со своими заботами и проблемами, без налета сенсационности и без тех ужасов, которые обычно связываются с лечением психически больных.

...Некоторое время назад в «Огоньке» тоже была опубликована фотосъемка, сделанная в больнице. В Первой Градской, кажется. Та съемка вызывала у многих сходные чувства: жалость, порыв к состраданию, милосердные мысли.

Эти же фотографии, из «сумасшедшего дома», вызывают вполне определенное чувство страха.

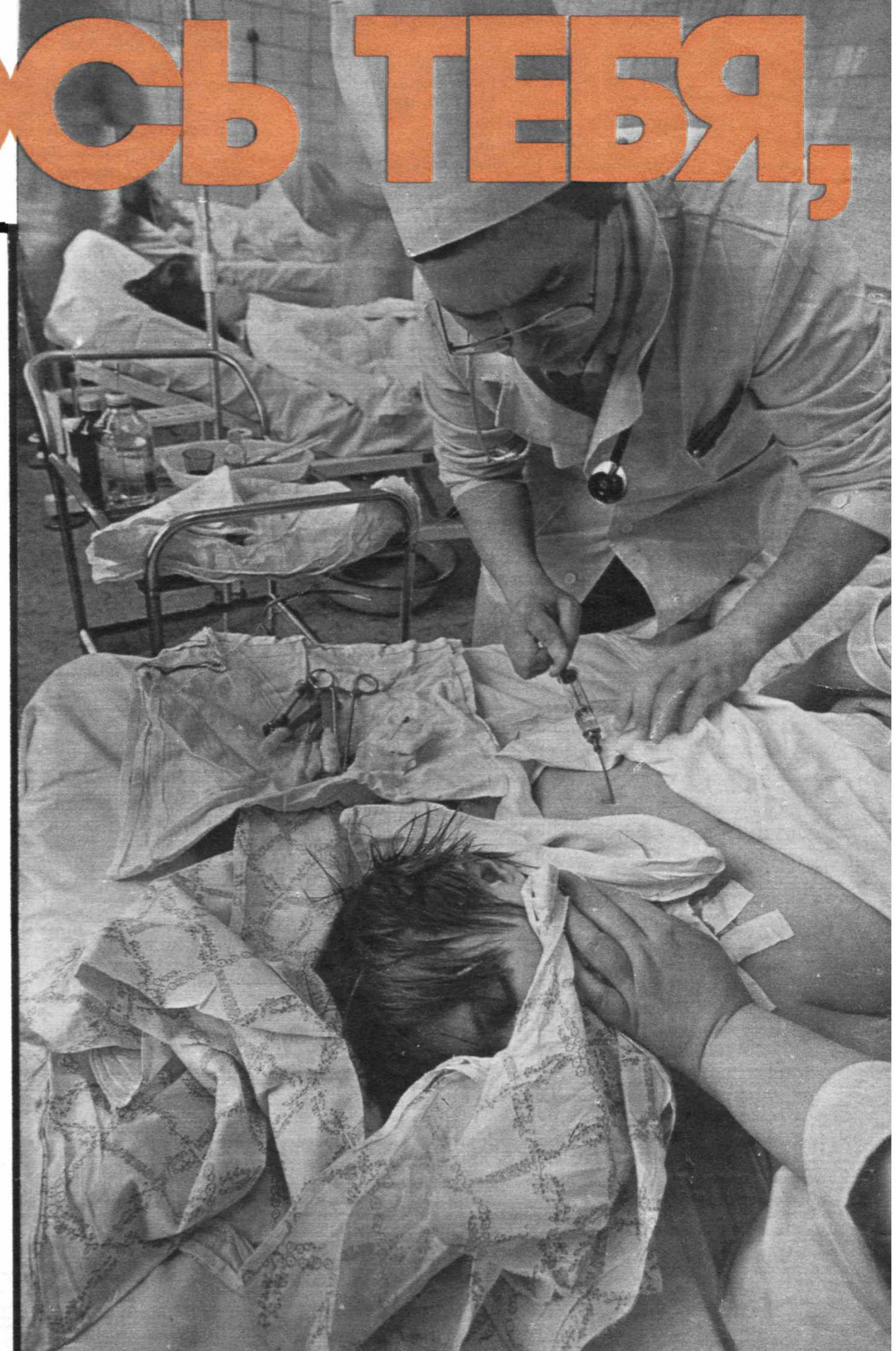
Этот страх — сложное чувство, имеющее и социальный оттенок. И дело не только в том, что тема была еще совсем недавно закрытой. То есть дело не в смелости фотографа. Нет. Дело в том, что мы, обыкновенные люди, по-прежнему боимся психиатра. Боимся, как бы он ни назывался: психиатр, психотерапевт, психоневролог. Боимся здоровые. Боимся, когда недомогаем...

Эллины отгоняли сумасшедших камнями. Фашисты уничтожали психически больных. На Руси их считали богоугодными людьми, принимали при монастырях, строили для них приюты и харчевни. Московский собор Покрова, что на Рву, построенный Бармой и Постником в ознаменование победы над Казанским и Астраханским царствами, более знаком под другим именем — Василия Блаженного, известного в Москве юродивого.

Оковы с душевнобольных были сняты в Великую французскую революцию врачом Филиппом Пинелем, именно поэтому вскоре заподозренным в укрывательстве в клинике контрреволюционеров. Решетки на окнах в больницах для «психических» практически не сняты по сей день.

Незнание, а следовательно, страх толкали людей то к мистическому преклонению и к готовности в отходе от психической нормы видеть предназначение, право провидеть и предвещать (до самого последнего времени! Вспомните страшный рассказ Тендрякова о юродивой вещунье, при Сталине парализовавшей всю округу ужасом), то к чудовищным расправам над ними...

Незнание и страх, а следовательно, готовность верить, не требуя до-

ПСИХИАТР!

Однако поговорим об остальных.

Точно так же, как психиатрия долгое время была отгорожена от общей медицины и даже от общества не только каменными заборами спецлечебниц, но и стеной недоверия, а психиатры, как писал выдающийся врач Петр Ганнушкин, «были настоящими сектантами со всеми положительными и отрицательными сторонами такой работы», точно так же люди, психически больные, были отделены от здоровых. Первые подлежали буквально заключению и в худших случаях лечению, более напоминающему расправу. Вторые сторонились общения с психиатром и даже с невропатологом. Вторые держались за свое «здоровье» изо всех сил! В середине пятидесятых годов американские медики констатировали: «Старые и молодые, высокообразованные и малограмотные, мужчины и женщины склонны видеть в психически больном человеке существо, не достойное уважения, грязное и потенциально опасное». Какое там милосердие...

Спрятанный страх требовал: докажи всем — я здоров!

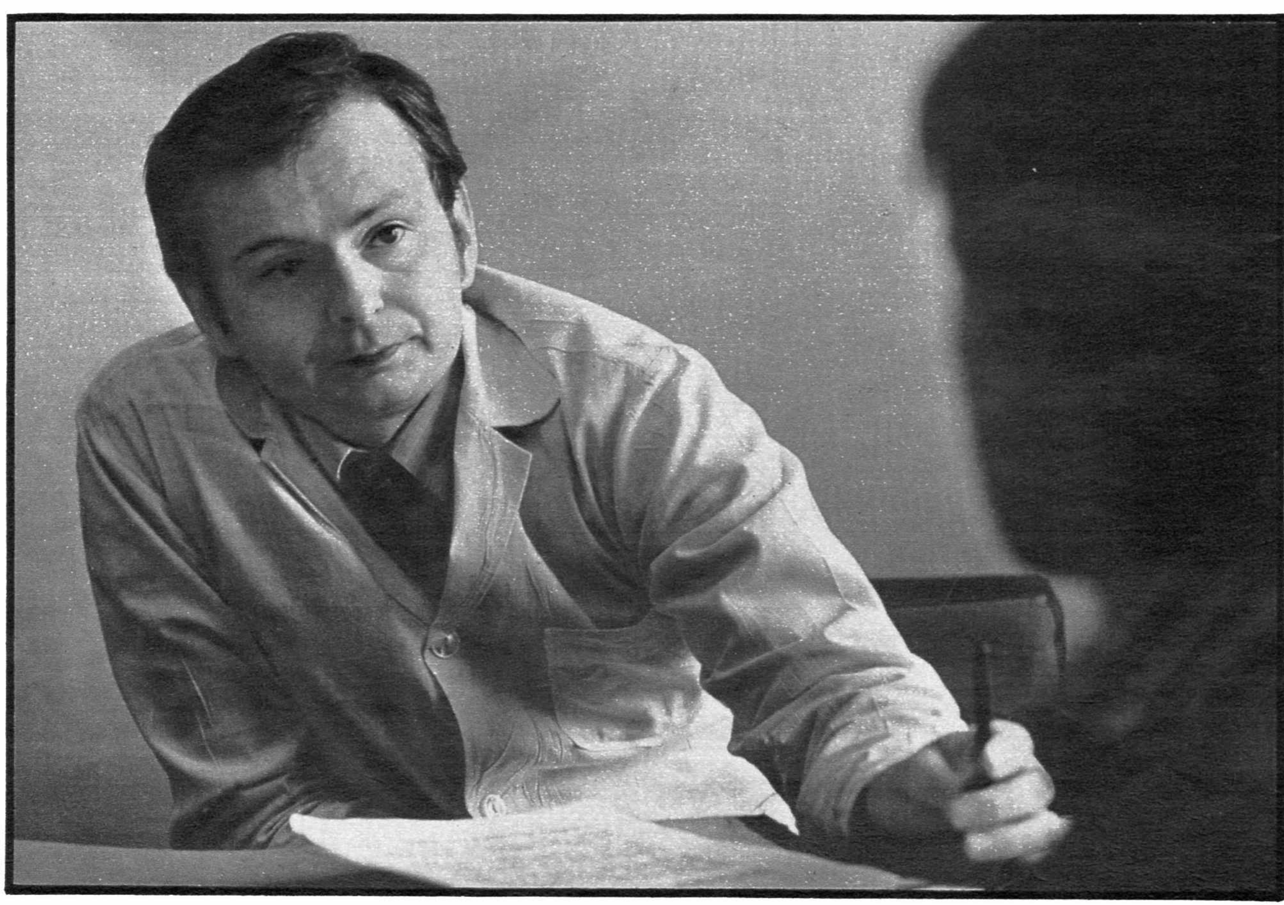
Не будем сейчас говорить, что там и там, по обе стороны высокого забора,— люди. Немилосердное отношение обывателей к психически больным людям — это прежде всего их немилосердное отношение к самим себе. Вот почему.

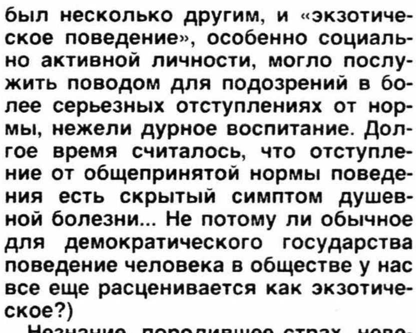
Представления населения о симптоматике, клинических проявлениях психических болезней соответствуют пещерному уровню цивилизованности. Это вывод ученых. По данным одного их исследования, психиатри-

ческая грамотность большинства из четырех тысяч опрошенных, среди которых были и специалисты с высшим образованием, исчерпывается классической формулой «буйного» и «тихого» помешательства, а пациентов психиатра называют «дураками».

География этого стандартного представления широка. Американские специалисты, например, тоже подметили, что «...для обывателя человек становится психически больным, когда переступает порог психиатрической лечебницы. До этого момента поведение душевнобольного, каким бы экзотическим оно ни выглядело, чаще всего расценивается как следствие невоспитанности, дурного характера и так далее». (Отметим, что в нашем случае стандарт

был несколько другим, и «экзотическое поведение», особенно социально активной личности, могло послужить поводом для подозрений в более серьезных отступлениях от нормы, нежели дурное воспитание. Долгое время считалось, что отступление от общепринятой нормы поведения есть скрытый симптом душевной болезни... Не потому ли обычное для демократического государства поведение человека в обществе у нас все еще расценивается как экзотическое?)

Незнание, породившее страх, невежество и немилосердие к человеку, страдающему расстройством психики, привели к тому, что врачу редко приходится иметь дело с начальными проявлениями психического заболевания. Ясно, что это означает потерянные шансы на приостановление болезни, в конце концов потерянного для общества человека.

А человек просто-напросто не знает, что происходит с ним...

Что такое невроз? Что означает постоянная раздражительность или внезапно наступающая вялость, слабость? Верить или не верить неожиданным «догадкам» о потерянной, бессмысленно прожитой жизни? Как относиться к «странностям» друга, верить ли тем, кто упрекает в странностях тебя?

О пограничных состояниях в психике мы знаем то, что они существуют. Кто скажет, когда эту «границу» перейдет каждый из нас?

На VIII Всесоюзном съезде невропатологов, психиатров и наркологов прозвучала очень точная мысль: «Не у постели больного, а раньше, когда человек здоров, надо начинать нашу работу».

Когда человек здоров...

Здоровый человек в сложнейшем, постоянно испытывающем его душу и нервы на прочность мире? В мире, угрожающем ему постоянно различными телесными недугами? А где телесный недуг, там и расшатанная нервная система. И, разумеется, наоборот. Мы еще имеем список болезней, патогенез которых не исследован, а в некоторых случаях известно лишь, что заболевание «сопровождается разрушением нервной системы». То есть к врачу-терапевту, жалуясь, допустим, на «живот», обращается человек, слишком долго не прислушивавшийся к паническим сигналам собственной «головы» и нервов, привыкший переносить даже тяжелейшие приступы «меланхолии» в одиночестве, без врача.

Вот цифра: от 30 до 50 процентов обращающихся к врачам разных специальностей больны неврозом!..

Среди специалистов бытует мнение, что невроз — это особая форма поведения личности, сложившаяся под влиянием негативных условий жизни. Если так, то неврозы должны быть массовым явлением в нашем обществе. Но знаем ли мы статистику этих состояний? Как отнестись к факту, что в одной из московских больниц хорошо оборудованное отделение неврозов загружено наполовину,— свидетельствует ли это

о «нехватке» больных? «В Ленинграде,— говорил на съезде психиатров профессор М. Кабанов,— в психбольницах сейчас пустует тысяча коек, а число самоубийств среди больных, страдающих тяжелыми формами заболеваний, возросло...»

Пограничное состояние для множества людей — их обычное состояние. И они об этом знают. Другие находятся в неведении. Третьи на грани заболевания. При этом, как правило, ни первые, ни вторые, ни третьи к врачу не идут. Привыкают, испытывая головную боль, боли в сердце, в желудке и слушая от специалистов что-то вроде: «Это у вас на нервной почве»,— успокаиваются. Значит, здоров.

В США (данных по СССР нам не удалось найти) из-за временной нетрудоспособности, обусловленной нервным стрессом, теряется ежегодно 20 миллиардов долларов.

По-видимому, самая серьезная причина того, что врачи не «схватывают» заболевание в начале,— учет. Это страшное слово. Страшное, потому что опыт людей таков: человек, взятый на учет в психдиспансере, может распроститься со своими жизненными планами. «Учет» поломает жизнь. Вы являетесь к врачу, не зная, как справиться с бессонницей, раздражительностью,— выходите от врача учтенным «психом». При этом от врача бегут именно не «психи», но беспомощные страдальцы, вынужденные во избежание жизненного краха лечиться... чем только они не лечатся, чтобы прийти в норму!

Положение об условиях и порядке оказания психиатрической помощи, год назад утвержденное Указом Президиума Верховного Совета СССР, предоставило свободу снятия с учета. Но при этом остались социальные ограничения на многие профессии, обучение в вузе и пр. В учреждениях и на предприятиях, где работают пациенты психдиспансеров, к мнению врачей очень часто не прислушиваются. Там вместо того чтобы помочь больному человеку, стараются побыстрее от него избавиться.

Больничный лист, выданный перенесшему нервный срыв, может быть украшен страшной печатью «психушки» — и нежелательных последствий, например, скрытых репрессий на службе, не избежать. Юноша, проходящий службу в армии, не защищен от произвола военных медиков, которые даже и при небольших изменениях в поведении (при том, что нормальный человек, как мы стали узнавать, порой не в силах вынести иные армейские порядки и «традиции») могут вкатить в военный билет шифр, означающий психическое заболевание, и его практически невозможно изменить.

Вот почему до последней черты человек мог дойти вслепую, без опоры, без помощи. Подталкиваемый в спину!

В одиночку, полагаясь на собственные представления о психологии и психиатрии (которые во многом у нас ниже уровня цивилизации, как мы узнаем, что ни день, что ни час), мы воспитываем своих — и не своих! — детей, то есть закладываем основы личности, способной или неспособной противостоять ударам судьбы и жизни.

Что мы можем посоветовать ребенку, у которого возникают серьезные проблемы... уже в детском саду, да! Что мы можем посоветовать самому себе? Взять себя в руки. Собраться. Не обращать внимания. Научиться себя вести. Не хвататься сразу за тысячу дел. Отказаться от слишком захватывающей работы. Подумать о себе. Не распускаться. Что еще? Что еще там, в нашем наборе дикарских рецептов?

Дикарских, дикарских!

Человеку нужен врач-друг. Врач, который не смотрел бы на него как на конченого, попавшегося, сдавшегося ему на милость (разве не известны случаи, когда врачи буквально требуют от больного **признания** в собственном заболевании?). Друг, который попытался бы досконально разобраться именно в нем, отдельном, уникальном человеке. Найти **его** норму и **его** отклонения. Знать ситуацию в семье. Знать прошлое. Знать психические травмы, о которых порой не подозревают в семье. И — не повредить. Именно такое бережное и внимательное отношение к своим пациентам характерно сегодня для Московской психиатрической клинической больницы № 1 имени П. П. Кащенко.

В США, Англии и Канаде сегодня и уже давно психиатр зачастую выполняет роль домашнего врача. Не приходит ли вам в голову, что в этом случае обращений к терапевту, кардиологу и т. п. меньше? Что попросту **не болит**? Итак, **там** с психиатром советуются, как провести отпуск, как воспитывать детей, жениться ли, разводиться ли, как вынести тоску после того, как «он меня бросил». Это не идиллия, а обычная организация жизни людей, которые могут себе это позволить.

Если так сделать у нас, мы со временем перестанем бояться.

И тогда!.. Тогда станет очень заметно, какие мы интересные личности.

Ведь не странен только идиот.

О «молчальниках» и «первых учениках»

Бенедикт САРНОВ

1

Без малого четверть века тому назад, заключая шестую книгу своих мемуаров «Люди, годы, жизнь», Илья Эренбург признался, что никогда не любил Сталина, никогда не верил, что Бухарин, Мейерхольд, Бабель — предатели.

Зная и понимая многое, он тем не менее молчал. Почему? Этот вопрос требовал ответа, и Эренбург в меру сил и тогдашних цензурных условий попытался на него ответить:

«Почему я не написал в Париже «Не могу молчать»? Ведь «Последние новости» или «Тан» охотно опубликовали бы такую статью...»

«Да, я знал о многих преступлениях, но пресечь их было не в моих силах. Да о чем тут говорить: пресечь преступления не могли и люди куда более влиятельные, куда более осведомленные».

«Никогда в своей жизни я не считал молчание добродетелью, и, рассказывая в этой книге о себе, о моих друзьях, я признавался, как трудно нам было порой молчать...»

«Молчание было для меня не культом, а проклятием...»

Эта робкая попытка объясниться вызвала бурю гражданского негодования. Особенно неистовствовал очень известный в те годы, а ныне почти совсем забытый критик В. Ермилов. Он разразился статьей, смысл которой сводился к злорадным риторическим вопросам:

— А-а, вы, значит, понимали, что происходит? Так какое же право вы имели молчать! Мы-то о сталинских преступлениях знать не знали и ведать не ведали! Мы любили Сталина, верили ему! Мы молчали, потому что ничего не понимали. Да, мы были слепыми, наивными. Но мы были искренни. А вы, стало быть, всю жизнь лицемерили? Кривили душой?!

Особая пикантность ситуации состояла в том, что все отлично знали цену Ермилову. Ни для кого не было секретом, что он был одним из самых выдающихся лицемеров и приспособленцев минувшей эпохи. Поэтому вскоре после появления его статьи родилась и повсеместно повторялась эпиграмма:

Один — молчал,
Другой — стучал.

При всем своем лаконизме эпиграмма эта исчерпывающе выразила самую суть коллизии. Она, что называется, закрыла эту тему. Тогда казалось, что навсегда.

Но вот сейчас, почти четверть века спустя, спор этот вспыхнул вновь, с невиданной прежде страстью.

Я имею в виду статью В. Солоухина «Пора объясниться» («Советская культура», 6 октября 1988 г.), вызвавшую бурный поток самых разнообразных писательских и читательских откликов.

Статья Солоухина была ответом на письмо читательницы, упрекнувшей его в том, что он, участвовавший когда-то в травле Пастернака, ныне как ни в чем не бывало выступает на пастернаковских вечерах, читает наизусть стихи некогда проклинаемого им поэта и даже не считает нужным сказать хоть несколько слов о своей вине перед ним.

— Да,— согласился Солоухин.— Действительно, не считаю.

«Не потому,— объяснял он свою позицию,— что я тогда, выступая, был уж очень умен и хорош, а потому, что не чувствую за собой особенного греха».

Не чувствует же он за собой особенного греха, потому что такое тогда было время.

Ну, не хочет Солоухин «отмываться» и каяться — и не надо.

Когда-то один из партнеров Маяковского по карточному столу шутя предложил ему сжульничать.

— Если к нолю подставить спереди палочку, выйдет десять,— сказал он.

— Ну да,— мрачно возразил Маяковский.— А потом так всю жизнь с палочкой и ходи.

Если Солоухину нравится всю оставшуюся жизнь ходить с этой самой «палочкой»,— пусть ходит. В конце концов это его личное дело. И, вероятно, его попытка объясниться не вызвала бы такой бури, если бы он этим и ограничился. Но он не только оборонялся. Он нападал:

«Боков там был (это я называю наиболее страстных почитателей Пастернака), сверстники и друзья Пастернака там были. Антокольский, Инбер, Сельвинский, Кирсанов, Алигер, Катаев, Анатолий Рыбаков, Шатров, А. Бек, Трифонов, Тендряков, Паустовский, Бакланов, Елизар Мальцев, Виктор Шкловский, Маршак, Тихонов, Щипачев, Наровчатов, Луконин, Светлов, Межиров — все там были. Все должны были быть...

Выпишу из Вениамина Каверина («Литератор». Журнал «Знамя» № 8, 1987 г., стр. 116). «Я не пошел на это собрание, сказался больным, и жена твердо разговаривала с оргсекретарем Воронковым, который дважды звонил и требовал, чтобы я приехал. Как это бывало уже не раз, я «храбро» спрятался. Теперь, когда я думаю об этом, я испытываю чувство стыда. Надо было поехать и проголосовать против...»

Да если бы мне (теперь) сказали,— комментирует эту цитату Солоухин,— что будут исключать из СП моих сверстников и друзей, например, Астафьева, Алексеева, Белова, Распутина, того же Андрея (Вознесенского. — **Б. С.**), да я бы из последних сил, ползком, зажимая в зубах столовый ножик, пополз бы

на такое собрание! Ну а если уж действительно человек не мог прийти, так хотя бы послал потом в секретариат СП СССР письменный протест. Ни одного. Так почему же треплют только четырнадцать наших имен?»

Эта атака вызвала особенно бурное возмущение читателей. Появились письма, уличающие Солоухина в неточностях, даже в клевете. Выяснилось, что многие из приведенных в его списке в зале не были. Так, например, Паустовский на собрание не явился, хотя тогдашнее руководство Союза писателей оказывало на него довольно сильное давление.

Но, по правде говоря, разве это важно? У Солоухина ведь речь идет о другом: о том, что ни один из перечисленных им «страстных почитателей Пастернака» не заявил вслух своего протеста.

В самом деле: почему спрашивать надо только с тех четырнадцати, которые оказались на трибуне? Ведь, помимо выступавших, было еще примерно столько же записавшихся: за недостатком времени им не дали слова. И среди записавшихся были люди весьма почтенные: Владимир Дудинцев, например, Давид Кугультинов. Не исключено, правда, что они записались в ораторы для того, чтобы защищать Пастернака. (Хотя теперь вон даже Софронов уверяет, что он был против исключения этого замечательного поэта, стихи которого он всегда высоко ценил.)

Сейчас, когда уже опубликована стенограмма того собрания («Горизонт» № 9, 1988 г.), каждый желающий может сам окунуться в атмосферу этого давнишнего «суда Линча» и убедиться, что «активистов» там было гораздо больше четырнадцати. По меньшей мере несколько сотен. Неуправляемая стихия толпы, орущей «Распни его!», захлестнула и даже перехлестнула написанный заранее сценарий.

Вот собрание подходит к концу. Зачитывается (разумеется, под аплодисменты) проект резолюции. Казалось бы, дело за малым: принять эту резолюцию, как водится, единогласно, и все тут.

Но вот тут-то как раз и началось самое чудовищное:

«ГОЛОС С МЕСТА. Мне кажется, что в резолюции слово «космополит» надо заменить словом «предатель».

Н. В. ЛЕСЮЧЕВСКИЙ. В этом проекте слово «предатель» присутствует и слово «предательство» тоже присутствует, но человек, предающий свою Родину и идущий на службу к международной реакции, является антипатриотом, космополитом...

ГОЛОСА. Правильно...

Р. АЗАРХ. В резолюции нужно сказать: «Творческое собрание писателей просит Советское правительство лишить Пастернака советского гражданства».

С. С. СМИРНОВ. Я думаю, здесь явно выражено наше отношение, и дело Советского правительства принять окончательное решение...

ГОЛОС С МЕСТА. Почему Советское правительство должно решать само, без нас? Мы должны просить Советское правительство. И надо так и записать: «Просить Советское правительство...»

С. С. СМИРНОВ. Голосую: кто за то, чтобы вставить в резолюцию эту фразу?.. Кто против? Поправка принимается. Есть ли еще поправки?

ГОЛОС С МЕСТА. В резолюции есть такое место, что Пастернак давно оторвался от нашей действительности и народа. Фраза эта неправильная, так как он не был никогда связан с народом и действительностью...

В. ИНБЕР. Эстет и декадент — это чисто литературные определения. Это не заключает в себе будущего предателя. Это слабо сказано.

С. С. СМИРНОВ. По-моему, это сказано очень определенно...»

Как видите, председательствующему С. С. Смирнову пришлось даже слегка отбиваться от энтузиастов, жаждущих еще большей крови. «Но в горло я успел воткнуть и там два раза повернуть мое оружье»,— рассказывает лермонтовский Мцыри про свой бой с барсом. Вот так же В. Инбер, Р. Азарх и другие авторы «поправок» хотели не только воткнуть, но еще и «два раза повернуть» свое оружие в теле жертвы.

В конце концов резолюция была принята под торжествующий рев зала. Так что до некоторой степени В. Солоухин прав: вина за случившееся лежит не только на тех четырнадцати, которые выступили с речами. Вина — на всех участниках суда Линча.

И даже не только на них. Ведь Пастернака исключали от имени всех писателей страны. И ни один не выступил против. Все молчали.

Можно пойти еще дальше.

Я в 1958 году еще не был членом Союза писателей. Но есть ли у меня право говорить, что я так-таки уж совсем не причастен к тому, что тогда произошло?

Думаю, что такого права у меня нет. Требование лишить Пастернака советского гражданства касалось ведь не только писателей. Оно исходило как бы от всех граждан нашей страны. Стало быть, и от меня тоже. А я молчал.

В январе 1980 года, когда Андрея Дмитриевича Сахарова выслали в Горький, Владимир Войнович написал и отправил в газету «Известия» такое письмо:

«Позвольте через вашу газету выразить мое глубокое отвращение ко всем учреждениям и трудовым коллективам, а также отдельным товарищам, включая передовиков производства, художников слова, мастеров сцены, Героев Социалистического Труда, академиков, лауреатов и депутатов, которые уже приняли или еще примут участие в травле лучшего человека нашей страны — Андрея Дмитриевича Сахарова».

Что могло помешать мне написать такое же (пусть не такое же остроумное по форме, но примерно такое же по смыслу) письмо, чтобы заявить о своем неучастии во «всенародной» травле Пастернака? Пожалуй, с Солоухина даже меньший спрос, поскольку он явно не причисляет себя к «страстным почитателям Пастернака». (Вот если бы исключали его друзей — Астафьева, Алексеева, Белова, Распутина,— тогда бы он, зажав столовый нож в зубах, «ползком пополз бы».)

Но я-то! Я-то ведь причисляю и причислял себя к почитателям Пастернака! И вот — молчал...

Так, может быть, не так уж далек от истины Владимир Солоухин, когда восклицает с нескрываемым злорадством: «Нет уж, дорогие мои, хорошие, если уж отмываться и каяться, так давайте все вместе, сообща, все, кто был в том зале и вообще кто числился тогда советским писателем».

Может быть, он прав?

2

«Почему все, как один, промолчали? Почему — ни звука, ни шороха? Почему — ни возгласа, ни реплики, ни словечка в защиту поэта?» — спрашивает Солоухин.

С тем же вопросом обращается к людям нашего (и старше нас) поколения Наталья Иванова в своем открытом письме поэту Марку Лисянскому («Дружба народов» № 12, 1987 г.).

«В романе В. Дудинцева «Белые одежды»,— говорит она,— меня поразил вопрос, который задает сам себе «народный академик» Рядно, изворотливый и хитрый демагог, уже после того, как минули его «времена»: «Их было сколько? Тысячи, а я один. Почему они мне сдались?» Это для него историческая и психологическая загадка. Но не только для него — и для нас с Вами!.. Я не судить хочу, мне Вас понять важно. И ведь всегда будет так: каждое новое поколение вопрошает прошлое, старается понять исторические и психологические причины поведения людей».

В споре Натальи Ивановой с Марком Лисянским все мои симпатии целиком на ее стороне. А вот насчет того, что ей представляется исторической и психологической загадкой... «Подумаешь, бином Ньютона!» — как говорит Коровьев у Булгакова. Загадка отгадывается просто: «народный академик» нагло врет, утверждая, что он был один против тысяч. За ним, за этим самым «народным академиком» Рядно (читай — Лысенко) стояли армия и флот, весь могучий аппарат насилия огромного государства. Выступить против «народного академика» — это значило в одиночку объявить войну великой державе.

Даже просто НЕ выступить в поддержку «народного академика» в тех условиях, то есть просто промолчать, уже было актом мужества, формой сопротивления давящей силе тотального зла.

Для доказательства своей лояльности простого молчания сплошь и рядом бывало уже недостаточно. Вполне лояльным считался только тот, кто присоединял свой голос к реву толпы, требующей распять очередную жертву. Вспоминаю рассказ (в чьих-то мемуарах) о человеке, который, не желая голосовать за резолюцию, требующую для кого-то смертной казни, решил на время голосования потихоньку выйти из зала — ну, скажем, в буфет. Когда он вернулся в зал, председатель собрания объявил:

— А вот наконец и товарищ такой-то! Мы, знаете ли, решили вас дождаться. Вопрос серьезный, резолюция должна быть принята единогласно.

Товарищ, которому не удалось отсидеться в буфете, все-таки не стал голосовать за смертную казнь. И поехал на Соловки.

Нет, почему молчали тогда — это как раз понятно. Непонятно, почему молчим сейчас! Почему только у одного Каверина хватило совести сказать вслух, что он испытывает чувство стыда, вспоминая, как он «храбро» спрятался, чтобы не участвовать в карательной акции? Почему только он один упрекает себя в том, что не поехал на собрание, чтобы проголосовать против?

Приятно нам это или неприятно, но ответ тут может быть только один: таково нравственное состояние нашего общества. Все мы немного «Солоухины». Даже Наталья Иванова, восклицающая: «Я не судить хочу, мне Вас понять важно!» Заметьте: Вас, а не Себя.

Да, конечно, когда травили Пастернака, она была еще дитя. Но мало ли было уже в ее время таких судов Линча?

«Почему... Вы молчали в 1958-м, когда не грозили ни тюрьма, ни Колыма? Или страх был еще так близок?» — спрашивает она Марка Лисянского. Но ведь и он может спросить у нее: «А почему молчали Вы в 1979-м, в 1980-м, в 1982-м, когда мордовали участников альманаха «Метрополь» и «выдворяли» из страны Войновича, Аксенова, Владимова? Когда чуть ли не каждый день на страницах газет обливали грязью Сахарова, и потом, когда его выслали в Горький? Разве Вам тогда угрожали тюрьмой или Колымой?»

Сейчас многие пишут о стыде. Ст. Рассадин одну из своих статей так прямо и озаглавил: «Стыдно!» В ней он стыдил Михалкова, Софронова, припоминая им разные их неблаговидные поступки. Справедливо стыдил. Пафос его статьи был благороден.

Вот и Каверин тоже говорит о стыде. («Когда я думаю об этом, я испытываю чувство стыда».) Но какая разница между этими двумя позициями! Каверину стыдно за себя. А Рассадин стыдит других.

Да, все мы в душе немного Солоухины. Каждый из нас по-своему Солоухин.

3

Нет, все-таки не каждый.

Среди выступавших на том собрании был Борис Слуцкий. Многих тогда это удивило, даже потрясло.

Никого не удивило и не потрясло, что среди принявших участие в том «суде Линча» оказались Виктор Перцов или Корнелий Зелинский, Анатолий Софронов или Александр Безыменский. Присутствие Солоухина в том ряду никого особенно не удивило тоже. Но Слуцкий! Это казалось нам тогда невероятным, чудовищным. Никто толком не знал, что именно он там говорил. Да это казалось тогда и не слишком важным. Невероятным и чудовищным был сам факт участия.

Сегодня, когда у нас есть возможность прочесть и сравнить все речи, сразу бросается в глаза, что Слуцкий в отличие от других ораторов изо всех сил старался держаться в рамках приличий.

Он не присоединился, как это сделал председательствующий С. С. Смирнов, к Семичастному, который сказал о Пастернаке: «Свинья не сделает того, что он сделал. Он нагадил там, где ел». В отличие от В. Перцова он не утверждал, что Пастернак «не только вымышленная, преувеличенная в художественном отношении фигура, но это и подлая фигура». В отличие от К. Зелинского не уверял, что имя Пастернака — синоним войны. И не кричал истерически: «Иди, получай там свои тридцать сребреников! Ты нам сегодня здесь не нужен!» В отличие от Веры Инбер не требовал, чтобы слишком мягкие слова «эстет и декадент» были заменены в резолюции более определенным словом — «предатель».

Если следовать логике (вернее, даже не логике, а нравственному кодексу) Солоухина, кто другой, но Слуцкий вполне мог быть собою доволен.

Но он почему-то не был собою доволен. Напротив, он казнился, мучился, ел себя поедом всю свою оставшуюся жизнь. Тому есть документальное подтверждение — стихи, написанные им много лет спустя после случившегося:

Где-то струсил. Когда — не помню.
Этот случай во мне живет.
А в Японии, на Ниппоне,
В этом случае бьют в живот.

Бьют в себя мечами короткими.
Проявляя покорность судьбе.
Не прощают, что были робкими.
Никому. Даже себе.

Где-то струсил. И этот случай,
Как его там ни назови,
Солью самою злой, колючей
Оседает в твоей крови.

Солит мысли твои, поступки,
Вместе, рядом ест и пьет,
И подрагивает, и постукивает,
И покоя тебе не дает.

Думаю, что, вопреки первой строчке стихотворения, он прекрасно знал, где и когда имел место «этот случай», который осел в его крови злой и колючей солью. И думаю, что не слишком погрешу против истины, если скажу, что «этот случай» сильно способствовал тяжкой душевной болезни Слуцкого и сильно приблизил его смерть.

4

А вот совсем другой случай.

В июне 1954 года на общем собрании писателей Ленинграда в очередной раз «прорабатывали» Зощенко.

Замордованный, затравленный, доведенный до отчаяния, он кинул в зал:

— Моя литературная жизнь и судьба закончены. У меня нет выхода. Сатирик должен быть морально чистым человеком, а я унижен, как последний сукин сын... Я не собираюсь ничего просить. Не надо мне вашего снисхождения... Ни вашей брани и криков. Я больше чем устал. Я приму любую иную судьбу, чем ту, которую имею.

Произнеся эти слова, он сошел с трибуны и медленно спустился в зал.

Зал оцепенел.

Писатель И. Меттер непроизвольно вскочил на ноги и зааплодировал.

Писатель К. Симонов, сидевший в президиуме (он специально прибыл из Москвы для проведения этой экзекуции), грассируя, произнес:

— Това'ищ Зощенко бьет на жа'ость!

Оцепенение зала было сломано. Гражданская казнь продолжалась.

Я вспомнил об этом не для того, чтобы сказать: вот, мол, писатель Меттер поступил хорошо, а писатель Симонов — плохо. Я не собираюсь судить Симонова. Я не был в 35 лет знаменитым на всю страну поэтом, главным редактором «Литературной газеты», секретарем Союза писателей. Меня не приглашал к себе и не беседовал со мной уважительно, как равный с равным, Сталин.

Один очень знаменитый писатель, когда его обвинили в том, что он продался, спросил у обвинявшего:

— А вы не продались?

— Нет, я не продался! — гордо ответил тот.

Тогда «продавшийся» иронически осведомился:

— А вас когда-нибудь покупали?

Меня никогда не покупали, во всяком случае, мне никогда не предлагали такую цену, какую заплатили Симонову. Поэтому я не могу и не хочу судить его.

Вспомнил и рассказал я эту историю совсем с другой целью.

Спустя почти четверть века после описанных выше событий К. Симонов в одном частном письме (В. Я. Виленкину) сделал попытку объяснить тогдашнее свое поведение. Объяснил он его так:

«Зощенко был для меня мужчиной, в прошлом боевым офицером, уехавшим на всю войну в эвакуацию и написавшим там напечатанную в «Октябре» повесть, которая, по моим тогдашним чувствам и настроениям, была мне поперек души. Вообще надо сказать, что мои тогдашние притяжения или отталкивания были связаны в литературе, и не только в литературе, с моими представлениями о том, как люди вели себя во время войны, остались ли они на всю блокаду в Ленинграде, как Тихонов, или уехали в Ташкент, как Зощенко».

Письмо это К. Симонов опубликовал при жизни, включив его в свою книгу «Сегодня и давно» (М., «Советский писатель», 1978 г.). Тема письма (отзыв на рукопись о творчестве Ахматовой) не требовала обращения к Зощенко. Но у Симонова, видимо, была потребность объясниться.

К этому объяснению можно относиться по-разному, но есть в нем одна небольшая, но существенная несообразность.

В предисловии к книге, которая в 1943 году пришлась Симонову «поперек души» (речь идет о повести «Перед восходом солнца»), сказано:

«Немецкие бомбы дважды падали вблизи моих материалов. Известкой и кирпичами был засыпан портфель, в котором находились мои рукописи. Уже пламя огня лизало их. И я поражаюсь, как случилось, что они сохранились.

Собранный материал летел со мной на самолете через немецкий фронт из окруженного Ленинграда».

Таким образом, К. М. Симонов не мог не знать, что Зощенко не просто «уехал на всю войну в эвакуацию», что его вывезли из осажденного Ленинграда, когда кольцо блокады уже замкнулось.

В том, что Зощенко бежал из Ленинграда, его обвинял в своем докладе Жданов. Как пишет по этому поводу Д. Гранин, он (Жданов) пытался «таким косвенным путем снова как бы оправдать очевидную уже собственную вину в том, что эвакуацию стали по-настоящему организовывать лишь по настоянию ГКО, когда кольцо блокады замкнулось, лишь в январе 1942 года, когда голодная смерть косила вовсю».

К. Симонов, таким образом, просто повторил версию Жданова.

Но даже и в этом я не стану его упрекать.

Поражает меня в этой его попытке объясниться другое. То, что нет в ней и тени той душевной муки, которой пронизано процитированное мною стихотворение Слуцкого. А ведь Слуцкий, наверное, тоже мог бы утешить себя тем, что, когда он и его друзья воевали, Пастернак сидел в Чистополе и переводил Шекспира. Или еще какими-нибудь столь же резонными соображениями. Более или менее убедительные соображения всегда найдутся. Но, как говорится, сердцу не прикажешь. Если душа болит, боль эту не заглушить доводами рассудка.

У Н. Коржавина есть стихотворение «Инерция стиля», в котором нравственная проблема эта сформулирована с жестокой беспощадностью:

Стиль — это мужество.
В правде себе признаваться!
Все потерять, но иллюзиям
не предаваться...
Даже пускай в тебе сердца теперь
уже мало.
Правда конца — это тоже
возможность начала.
Кто осознал пораженье — того
не разбили...
Самое страшное — это инерция
стиля.

Самое страшное для меня в симоновской попытке объясниться — то, что он не хочет признать пораженье. Он оправдывается, изо всех сил пытается свести концы с концами, найти мало-мальски убедительную «формулу примирения» с самим собой. И — находит.

Но это — лишь одна сторона проблемы.

Важно, конечно, осознать этическую несостоятельность такой позиции. Но не менее важно осознать и ее общественный, социальный смысл.

5

Шло собрание московских писателей: выбирали делегата на XIX партийную конференцию. Юрий Карякин сказал, что, по его мнению, люди, стоявшие у руководства Московской писательской организации и скомпрометировавшие себя в годы застоя, сейчас должны подать в отставку. Если у них есть совесть, должны уйти сами, не дожидаясь, пока их переизберут. Он назвал при этом Феликса Кузнецова, бывшего длительное время первым секретарем Московского отделения СП РСФСР, припомнив некоторые его публичные выступления той поры.

Едва он сошел с трибуны, как на ней появился Ф. Кузнецов. Его голос дрожал от волнения. Нет, это была не только личная обида. Говорила сама оскорбленная невинность.

— Как ты смеешь бросать мне такие обвинения?! Я был тогда руководителем Московской писательской организации. Я обязан был говорить то, что говорил. В противном случае я должен был уйти со своего поста. И разве я был один? Все тогда говорили то же, что я... И вообще я не понимаю, почему одна численно небольшая группа писателей самозванно взяла на себя роль единственных сторонников перестройки, ревностных защитников перестройки,— тут он еще больше повысил голос и выкрикнул в зал,— опричников перестройки!

Слово кое-кому показалось удачным. Часть зала зааплодировала.

На первый взгляд все это и впрямь звучало убедительно. В самом деле! Мало ли что кому приходилось тогда говорить?.. Но мне почему-то сразу вспомнилась замечательная сцена из «Дракона» Евгения Шварца. Ланцелот, победивший дракона, залечив свои раны, возвращается в освобожденный им город и с ужасом и омерзением видит, что там ничего не изменилось. Место убитого дракона заняли бургомистр и его сын Генрих. Почувствовав, что ветер переменился, Генрих тотчас выражает готовность перекинуться на сторону Ланцелота. (В переводе на современный язык объявляет себя сторонником перестройки.) А о прошлом он говорит так:

— Если глубоко рассмотреть, то я лично ни в чем не виноват. Меня так учили.

— Всех учили,— гневно прерывает его Ланцелот.— Но зачем ты оказался первым учеником?

То-то и дело, что Юрий Карякин в своем выступлении говорил не обо всех, кто вынужденно вел себя сообразно обстоятельствам, но лишь о тех, что были первыми учениками.

«Я обязан был говорить то, что говорил,— оправдывается Ф. Кузнецов сегодня.— Или я должен был уйти со своего поста».

Уходить со своего поста ему, понятное дело, не хотелось. А может быть — кто его знает? — искренно считал, что принесет на этом посту больше пользы, чем кто другой.

В связи с этой ужасной нравственной дилеммой вспоминается такой случай. Одного известного в 60-е годы строптивца (Жореса Медведева) упрятали в дурдом. Это было в нравах того времени. Явным беззаконием возмутились многие, в том числе А. Т. Твардовский. Он делал все, что было в его силах, стараясь вызволить Медведева из этой передряги. Тогда ему позвонил один из его влиятельных друзей и сказал:

— Саша! Не лезь ты в это дело! Тебе к 60-летию собираются дать Героя. Будешь упрямиться — не дадут.

Твардовский ответил:

— Первый раз слышу, что Героя у нас дают за трусость.

Так и умер, не удостоившись высокого звания Героя Социалистического Труда. Из-за своего «упрямства» еще и журнала лишился, руководя которым, приносил, наверное, не меньше пользы обществу, чем Ф. Кузнецов на своем секретарском посту.

6

Отвечая Солоухину, Григорий Поженян припомнил ему все его былые прегрешения. Я понимаю, что Солоухин своей статьей сам вызвал его на это. Но для меня уязвимость позиции Солоухина, главный, непрощеный его грех не в том, что 30 лет назад он принял участие в карательной акции, а в том, как снисходительно, как благодушно изображает он сегодня эту карательную акцию и свое участие в ней («Просто это было в духе времени: предложили — выступил»)[1].

Больше всего поражает в сегодняшней позиции Солоухина именно вот эта снисходительность к себе.

Не могу удержаться от цитаты. Вот как он рассказывает об очередном своем триумфе в городе Париже:

«— Господа, в зале присутствует приехавший из Москвы всем известный русский поэт и писатель...

Мне показалось, что разорвалась бомба. Я знаю, что такое аплодисменты, хотя бы и в зале Чайковского, читывали, многажды выходили на сцену, к рампе, но все же такого именно взрыва ликования я не слышал и не знал, что такое бывает...

Я пошел. Крики и аплодисменты усиливались. Все стали требовать, чтобы я почитал стихи». (В. Солоухин. Голубое колечко. «Наш современник», № 3, 1989 г.).

Ей-богу, если бы не это непоколебимое самоуважение, я бы не стал попрекать Солоухина прошлым. Как говорится, кто старое помянет... В конце концов важно не то, каким ты был сорок, или тридцать, или двадцать, или даже десять лет назад. Важно, каков ты сейчас.

Конечно, корни сегодняшнего поведения людей уходят в их прошлое. Но «водораздел» проходит не между теми, кто «грешен», и теми, кто «без греха», а между теми, кому нравились, кого устраивали прежние времена, и теми, кому было тогда тошно, невыносимо.

Но как узнать, что было у человека на уме, а тем более на сердце, десять, двадцать, тридцать лет тому назад? В чужую душу ведь не влезешь. Не будет ли любая, даже самая тактичная попытка такого «чтения мыслей» чистейшей воды спекуляцией?

Да, в чужую душу не влезешь. Но есть один простой и безошибочный способ.

Вернусь к Эренбургу. Не потому, что именно с него я начал эту статью, и поэтика жанра требует такой «рамки».

Я хочу вернуться к Эренбургу, потому что трудно найти другой, более ясный, более очевидный, более наглядный пример.

Он был одной из главных скульптурных фигур, на которые опирался фасад возведенного Сталиным помпезного здания. Выдающийся борец за мир, лауреат Международной премии «За укрепление мира между народами», лауреат Сталинских премий, депутат Верховного Совета СССР... Ранний рассказ Эренбурга «Ускомчел» был замечен и отмечен Сталиным в его «классической» работе «Об основах ленинизма». А в более поздние годы международный авторитет и международные связи Эренбурга способствовали тому, что он стал одним из главных проводников сталинского внешнеполитического курса на Западе.

Это официальное положение ко многому его обязывало. Когда торжественно отмечалось 70-летие Сталина, очередной номер «Правды» просто не мог выйти без статьи Эренбурга, славящей вождя. И такая статья Эренбургом была написана.

Но прошло всего лишь несколько месяцев со дня смерти Сталина, и Эренбург садится за повесть, название которой дало имя всей последующей эпохе: «Оттепель». А спустя несколько лет он напишет стихотворение о счастливых «детях юга», которым не дано — «хоть на минуту, хоть во сне, хоть ненароком догадаться, что значит думать о весне, что значит в мартовские стужи, когда отчаянье берет, все ждать и ждать, как неуклюже зашевелится грузный лед».

Потом были и другие стихи — отчаянные, горькие, трагические, покаянные, в которых Эренбург с грубой прямотой и жестокой беспощадностью признавал пораженье. («Пора признать — хоть вой, хоть плачь я, но прожил жизнь я по-собачьи... Не за награды — за побои стерег закрытые покои, когда луна бывала злая, я подвывал и даже лаял...»)

Но даже если бы все эти стихи не

[1] Эта статья была уже написана, когда в печати появилось еще одно «объяснение» В. Солоухина. На этот раз совсем на другую тему. В статье, озаглавленной «Почему я не подписался под тем письмом» («Наш современник», № 12, 1988 г.), он объясняет, по какой причине не пожелал присоединиться к требованию увековечить память жертв сталинского террора. Сделал он это, поскольку в письме, которое он отказался подписать, речь якобы шла лишь о жертвах 30-х годов и — ни слова о тех, кто погиб в предшествующие годы. Я, как и Солоухин, тоже считаю, что беззакония начались не в 37-м году, что не менее важно увековечить память всех безвинно погибших задолго до кровавого разгула сталинщины. Хотя, честно говоря, не считаю это достаточно серьезным основанием для того, чтобы не подписывать письмо об увековечении памяти тех, кто погиб и в 30-е годы. Тем более, что в 30-е гибли далеко не только жители «Дома на набережной», на что прямо намекает в своей статье Солоухин. Но больше всего удивило меня в этом новом «объяснении» В. Солоухина другое. Поразительно, что один и тот же человек в одном случае проявил такую щепетильность, а в другом — такую толстокожесть.

были написаны или по воле обстоятельств не дошли до нас, мы все равно знали бы, что при Сталине, несмотря на официальное признание и официальную славу, ему было тошно, омерзительно. А едва только повеял слабый ветер перемен, как у него словно камень с души свалился.

У нас не было бы в том ни малейших сомнений, потому что своей «Оттепелью» — этой маленькой, второпях написанной повестью, от которой нынче если что и осталось, так разве только название, он первый сказал современникам, что счастлив ощутить слабое веяние наступающих перемен. А ведь этим переменам тогда радовались далеко не все. Многие даже прямо давали понять, что говорить следует не об оттепели, а о гнилой, слякотной погоде, что от этой самой «слякоти» подгниют стропила, завалится фундамент и в конце концов рухнет все здание. И ликовали каждый раз при наступлении очередных, новых заморозков.

Одним из тех, кто громче других выражал свое ликование по этому поводу, был критик В. Ермилов — тот самый, который злорадно попрекал Эренбурга тем, что тот в годы культа молчал и даже, наравне с другими, пел осанну Сталину.

Прошло четверть века. Но нравы тех, кто и сегодня мечтает «подморозить» страну, не изменились.

В журнале «Наш современник» (№ 1, 1989 г.) было напечатано «Открытое письмо» Ст. Куняева главному редактору еженедельника «Книжное обозрение» Е. Аверину. Автор этого «Открытого письма» не без злорадства напомнил главному редактору, что в годы застоя тот работал помощником В. Гришина, бывшего тогда членом Политбюро и первым секретарем МГК КПСС.

Ст. Куняев не сообщает нам о каких-либо неблаговидных поступках, совершавшихся нынешним главным редактором на тогдашнем его посту. Да и были ли они, такие поступки? Ей-богу, не знаю. Зато я точно знаю, что в годы застоя Е. Аверин был редактором «Московского комсомольца» — газеты по тем временам живой и даже смелой.

Но если даже он и в самом деле был не без греха. Все равно: позиция редактируемого сейчас еженедельника яснее ясного говорит, что нынешнее время ему куда больше по душе, чем времена так называемого застоя. А вот о Куняеве этого не скажешь!

Быть может, кто-то из сегодняшних «прорабов перестройки» и совершал в прошлом поступки, которые лучше было бы не совершать, произносил слова, которые лучше было бы не произносить. Но одни совершали неблаговидные поступки, потому что им крутили руки и они не смогли устоять. А другие — «первые ученики» — сами крутили руки, заставляя кого-то совершать неблаговидные поступки. И им это даже нравилось: нравилось чувствовать свою власть, упиваться ею. Одни находили в себе силы молчать, не участвовать ни в каких карательных акциях, хотя их к этому принуждали. А других никто ни к чему не принуждал, и они молчали, потому что занимались «духовной самореализацией» и читали «Мифы народов мира».

И вот теперь, когда времена переменились, у одних камень свалился с души. А другие испуганно втягивают голову в плечи: боятся, как бы им не припомнили кое-что из их прошлой жизни. А третьи куражатся, с хитроватой безмятежностью уверяя нас, что они ни в чем не виноваты: виновато время. А четвертые, зубами вгрызаясь в землю, стараются остановить движение нашего общества дальше, дальше, дальше, к полному очищению от скверны.

Груз прошлого давит на каждого. Но «кто осознал пораженье — того не разбили». В конечном счете все определяется тем выбором, который каждый делает сейчас.

Поэт - министру

Уважаемый министр Ольшанский!

Радостно, что Вы читаете статьи о поэзии. К сожалению, будучи в Барнауле, переполненный впечатлениями, я не смог сразу откликнуться на Ваше выступление на мартовском Пленуме ЦК КПСС. Цитирую по газете «Правда»: «Министр по производству минеральных удобрений СССР Н. М. Ольшанский доложил Пленуму о том, что... поэт Вознесенский написал статью «Поэзия без нитратов», которую напечатала газета «Известия». В ней он пишет, что в Дании и Голландии закон запрещает применять химические удобрения. На самом же деле там нет такого закона. В Дании вносится более 300 кг на гектар пашни... в Узбекистане... фактически вносится по 4 с половиной килограмма».

Да, конечно, формально такого закона в Дании, может быть, и нет, но и без этого произведенные в Дании овощи стоят на первом месте по экологической чистоте среди стран Европейского сообщества. Грош цена цифрам, если цифры у нас в порядке, а люди загибаются от нитратов у нас, а не в Дании. Питались ли Вы, министр, морковью или селитровыми арбузами, которые едят наши люди? Не случайно, видно, Вы цитируете из моей статьи частность и не приводите всего абзаца. Продолжу этот абзац: «Чтобы стать фермером, там надо иметь диплом об окончании сельскохозяйственного института».

Чтоб получить «зеленую карточку», разрешающую фермерствовать в Дании, действительно надо три года проучиться, сдать минимум, где главные дисциплины — компьютеризация и безопасность обращения с химическими удобрениями. Недурно бы обучить именно сегодня этому наших крестьян. Датчане запрещают применять химию возле рек, пестициды разрешается хранить лишь в специальных контейнерах и т.д. Процитирую следующую фразу, видимо, особо Вас раздражившую и поэтому не процитированную Вами: «Полуграмотное тотальное пользование нитратами стало одной из причин того, что наша жизнь короче жизни среднего американца. Особенно тяжелы показатели в Москве». Почва Подмосковья испорчена Вашей продукцией на 25 лет вперед. Уже загублены грунтовые воды.

Я спросил у члена-корреспондента АН СССР В. А. Ковда, какие допустимы нормы нитратов. Он ответил, что Всемирной организацией здравоохранения приняты 40 мг на 1 литр (или кг) продуктов. 14 января 1989 года, наверное, в то же время, когда Вам готовили Ваш доклад, сотрудница Биологического центра АН СССР в Пущине кандидат наук Лидия Геннадиевна Кузнецова произвела замеры в типичной студенческой столовой. В капусте, которую едят студенты, содержание нитратов оказалось 4560 мг на 1 кг. В редиске — 5700 мг. В салате — 6350. Зеленый горошек молдавского производства дает 1073 мг.

Лидия Геннадиевна замерила морковное пюре, которым рекомендуется кормить у нас детишек до 1 годика. Оказалось — 1245 мг на 1 кг! Дата выпуска пюре 16 сентября 1988 года.

Молдавский морковный сок, выпущенный 23 сентября 1988 года, дает 1100 на литр. А Вам все мало! Почему Вы не привели этих цифр? Ваш «минимум» на сегодня не просто опасен, он преступен.

Не найдя у нас датской фруктовой смеси для детей, Лидия Геннадиевна замерила финскую. Оказалось — только 66 мг. Датская же смесь еще более чистая. Как это получается, что датчане, используя якобы в сто раз больше нашего пестицидов, в продуктах имеют в 100 и 200 раз меньше нашего?

Производят в Дании овощи и абсолютно без химии. Из них 1/5 идет на экспорт. Конечно, сто́ят они на 50% дороже. Но их охотно покупают. Ведь лучше съесть 2/3 яблока натурального, чем целое отравленное.

Вы нечестно критикуете узбекского писателя Адыла Якубова. Адыл не цифры знает, он живет там. Именно за это неравнодушие его избрали сейчас народным депутатом.

Я понимаю, что без удобрений не обойтись, но пестициды надо «пипеткой применять», а при нашем бескультурье это превращается в преступление. Катастрофа Вашего завода химудобрений объединения «Азот» в Ионаве, погибшие и слепнущие там люди показали, какое страшное чудовище у Вас в руках. Под силу ли Вам удержать это чудовище?

Даже единственный абзац о нитратах из моей статьи о литовской поэзии XVIII века раздражил Вас. Вы, как ценитель литературы, конечно, понимаете, что там нитраты приведены лишь как метафора духовного и нравственного оскудения. Меня беспокоит, что во всем Вашем выступлении не нашлось даже одного словца сожаления о том, что почва, грунтовые воды и здоровье людей загублены изделиями Вашего министерства. Это невосстановимо. Посоветую Вам читать литературу не только художественную, но и книги члена-корреспондента АН СССР А. Н. Яблокова о нитратах и ядохимикатах.

Как известно, повышенная доза нитратов в организме ведет к смерти, меньшие дозы вызывают подавленность, депрессию, раздражимость. Не потому ли так хмуры у нас люди, так стали агрессивны последнее время, потому что питаются бог знает чем, что постепенно пропитываются нитратами? Меня, как поэта, не может не беспокоить душевное состояние нации. Может быть, не пресловутый рок-н-ролл виновен в нынешнем росте преступности и жестокости людей, а дело в том, что несколько поколений выращены на нитратах? Может быть, и Ваше раздражение статьей о поэзии связано с тем, что даже в Вашу пищу попадают пестициды?

Я не специалист, не мне судить: необходимо ли иметь целое Министерство союзного значения для выпуска химических удобрений. Кстати, в Дании и в Швеции, где овощи даже еще более чистые, таких министерств нет. Этими проблемами там занимается Министерство охраны окружающей среды.

Благодарю за Ваши советы, желаю Вам здоровья, успехов в работе и немного человечности, без которой никакие цифры не будут праведны. Думая о Вас, беспокоясь о Вашем душевном состоянии, зная Ваш интерес к поэзии, я посвятил Вам стихотворение. Первыми слушателями его были 24 марта трудящиеся Калининграда Московской области, за ними — жители столицы в зале «Октябрь». И тем и другим эта тема оказалось близка.

Сожалею, что нам приходится общаться при помощи печати и аудиторий, но Вы сами выбрали такой способ общения.

Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ.

Здравствуйте, министр добрейший
аморальных удобрений!
У датчат едят нитрат
больше нашего в стократ?

Я за них просто в отчаяньи!
По больницам нашим в ряд —
все датчане, все датчане
с отравленьями лежат.

Ах, министр, не пестицидьте!
Неужель — не у датчан —
детской смертности статистика
Вас не будит по ночам?!

Скушайте, министр, продукты,
что народу продают.
В Дании такие фрукты
в отставку подают.

Тяжко в Дании живется.
Нет у них в юдоли бренной
Министерства производства
минеральных удобрений.

Ах, министр, не мучьте сердце!
Упраздните министерство.
Чтобы елось москвичам
(псковичам и т.д.)
хоть на уровне датчан.

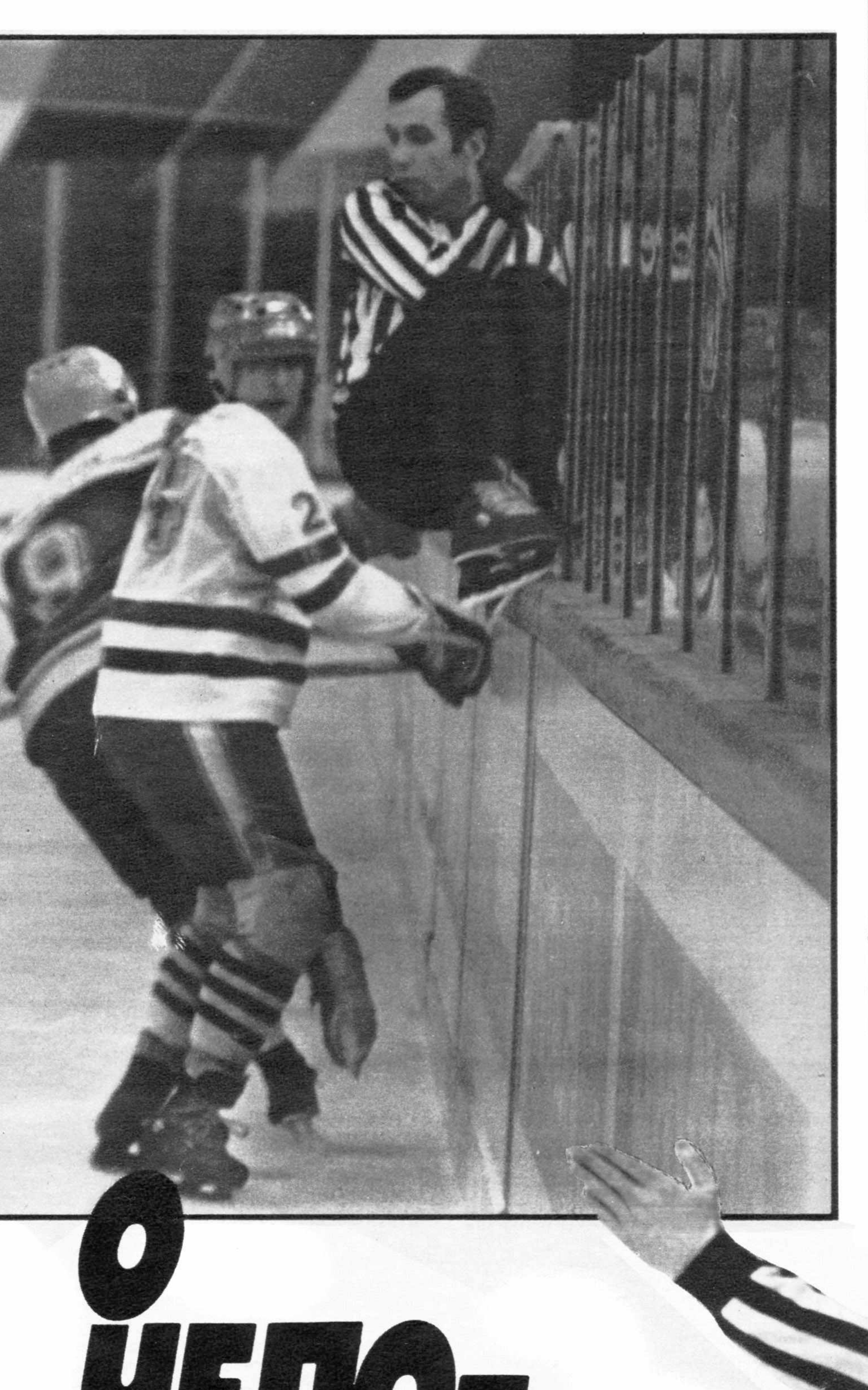
ПРИЗ «ОГОНЬКА» У МОСКВИЧЕЙ

Два года назад, когда филиалы Межотраслевого научно-технического комплекса «Микрохирургия глаза» только еще строились, редколлегия журнала «Огонек» учредила переходящий приз тому из них, кто достигнет наивысших результатов в работе вступающих в строй линий прозрения («Огонек», 1987 г., № 6, «Оля, кератотомия и хозрасчет»). В 1988 году работали уже восемь филиалов: в Чебоксарах, Краснодаре, Ленинграде, Москве, Хабаровске, Калуге, Свердловске, Волгограде.

Недавно жюри впервые подвело итоги. По всем показателям — а ими учитываются не только количество, характер и качество осуществленных операций, но и степень использования автоматизированных линий, и экономический эффект работы — оказался московский, как его называют, модуль.

Были вручены почетные грамоты журнала «Огонек» и персональные премии в виде комплекта литературных приложений. Их удостоены: **Н. Р. Туманян** — за успехи, достигнутые в научно-исследовательской работе (успешно и досрочно защищенная ею диссертация представляет исключительный интерес); **С. Ю. Анисимова** признана лучшим хирургом института 1988 года (на ее счету за год 937 сложнейших операций); **Р. К. Ряузова** — лучшая медицинская сестра.

Г. КУЛИКОВСКАЯ

О человеке в черно-белом

Юрий ВАНЬЯТ,
Анатолий БОЧИНИН
(фото)

Судейские акции — дело непростое. И, как это ни парадоксально, чем меньше хоккеисты, тренеры, журналисты, зрители обращают внимания на действия судей, тем лучше и четче они проводят 60 минут чистого времени.

Увы, при всем уважении и даже личных симпатиях к иным арбитрам, признавая, что, как все люди, профессионально связанные со спортом, я могу оказаться субъективным, необходимо признать определенный регресс в качестве судейства.

Притом это относится ко многим видам спорта, не только к игровым, но и к таким, как, скажем, гимнастика, фигурное катание, бокс.

Но поскольку мы ведем речь о хоккейных судьях, то здесь приходится с сожалением констатировать боязнь иных людей в черно-белой одежде взвалить на себя бремя ответственности перед тысячами зрителей, участниками игры, перед самим хоккеем, наконец. Вот и получается иногда, что у них одна команда — «белая», а другая — «черная».

Если в прошлом советский судейский корпус в разные годы выдвигал яркие и авторитетные фигу-

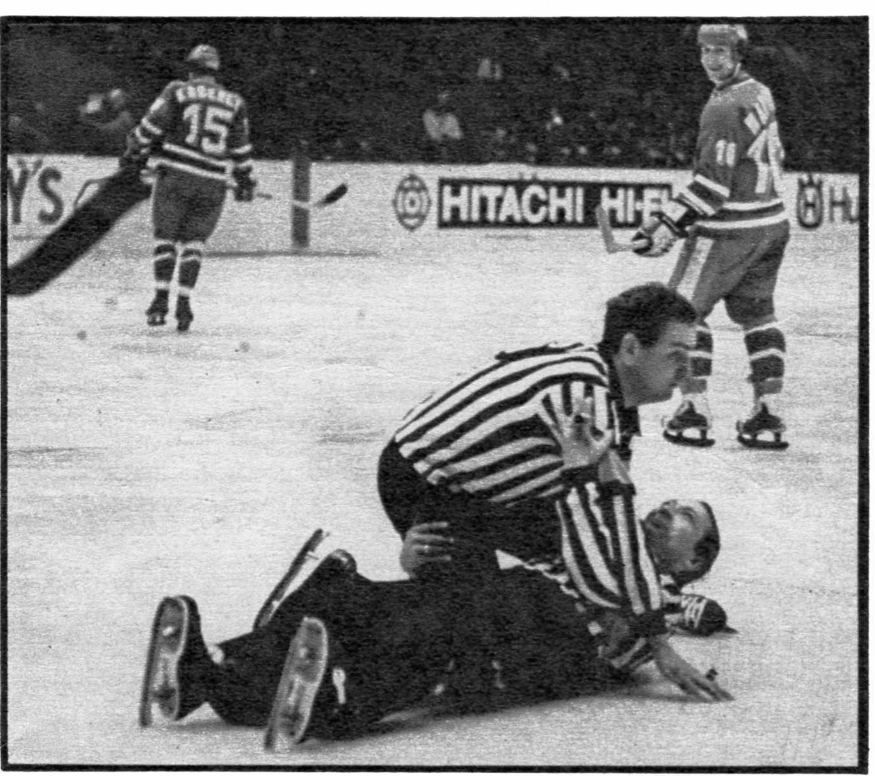
ры А. Старовойтова, А. Гурышева, А. Сеглина, В. Домбровского, Н. Снеткова, В. Донского, Н. Резникова, Ю. Карандина и некоторых других, то в последнее время и дома, и на международной арене наши арбитры както потеряли блеск.

Конечно, как и хоккеистов, арбитров необходимо тщательно и продуманно готовить (в НХЛ, например, есть судейские школы для 11—12-летних), особенно из числа бывших игроков. Ибо такой судья способен мгновенно «изнутри» оценить тактику эпизода, предвидеть за секунду-две развитие комбинации, события на льду.

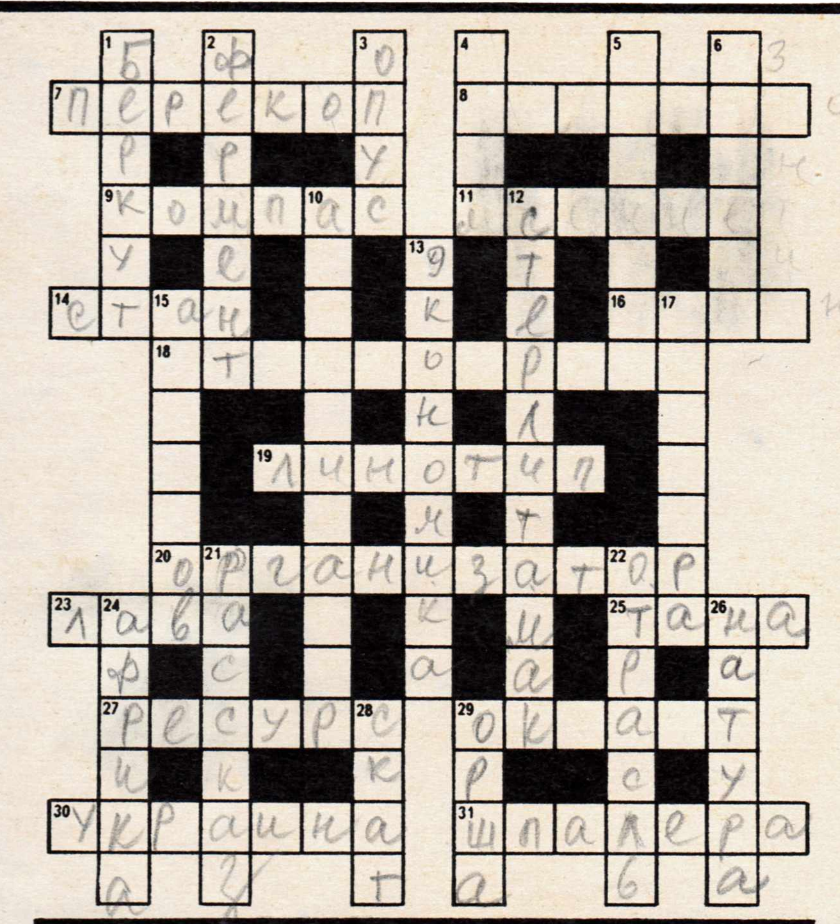
Поскольку он автоматически, импульсивно пропускает через себя ситуацию, понимает, как в таком случае могли бы действовать против него соперники, или он с партнером — против них.

Настоящий хоккейный арбитр — это человек физически крепкий, быстрый, с мгновенной реакцией, психологически устойчивый, мобильный на льду. Снимок, на котором вы видите судью, повисшего на борту, профессионалы расценят не как ловкий и эффектный трюк, обычно вызывающий гул на трибунах, а подтверждение плохого выбора места на площадке. А уж столкновение и падение двух судей на льду тем паче. И в подобных случаях как не вспомнить японскую пословицу: «семь раз упасть — восемь раз подняться».

Вот и пожелаем умения подниматься нашим лучшим хоккейным арбитрам.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Роман О. Гончара. 8. Специалист, изучающий свойства высоких слоев атмосферы. 9. Прибор, указывающий направление меридиана. 11. Точка зрения. 14. Машина для обработки металла давлением. 16. Водоплавающая птица. 18. Оптический прибор для подготовки стрельбы. 19. Типографская машина. 20. Основатель, учредитель, инициатор. 23. Подземная горная выработка для добычи полезного ископаемого. 25. Озеро в Эфиопии. 27. Средство для обращения в необходимом случае. 29. Созвездие, в котором находится южный полюс мира. 30. Союзная советская республика. 31. Ряды деревьев по сторонам дороги.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Ловчая птица. 2. Катализатор, осуществляющий превращение веществ в организме. 3. Термин, обозначающий порядковое сочинение композитора. 4. Действующее лицо в пьесе А. П. Чехова «Три сестры». 5. Летчик, трижды Герой Советского Союза. 6. Соцветие. 10. Устройство для смягчения ударов в транспортных машинах. 12. Город в Башкирии. 13. Народное хозяйство страны. 15. Советский военачальник, маршал авиации. 17. Приток Нижней Тунгуски. 21. Небольшое художественное прозаическое произведение. 22. Отдельная область деятельности, науки, производства. 24. Материк. 26. Характер, темперамент человека. 28. Крупная морская рыба с плоским телом. 29. Город в Витебской области.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 15

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 6.Тригонометрия. 9. «Раймонда». 10. Аргентит. 11. Купер. 12. Сойка. 15. Остап. 16. Тирасполь. 19. Мицар. 21. Бювет. 22. Радиопеленгатор. 25. Шонин. 26. Гурон. 27. Санаторий. 29. Довод. 31. Каток. 32. Черек. 34. Мансарда. 35. «Аленушка». 36. Крашенинников.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Орлова. 2. Гопак. 3. Волопас. 4. Легар. 5. Цицеро. 7. Пародия. 8. Жигарев. 13. Гиппократ. 14. Аллегория. 17. Алгебра. 18. Палермо. 20. «Рудин». 21. Битюг. 23. Шоколад. 24. Болонка. 28. Терапия. 30. Драпри. 31. Кондор. 32. Чапек. 33. Канна.

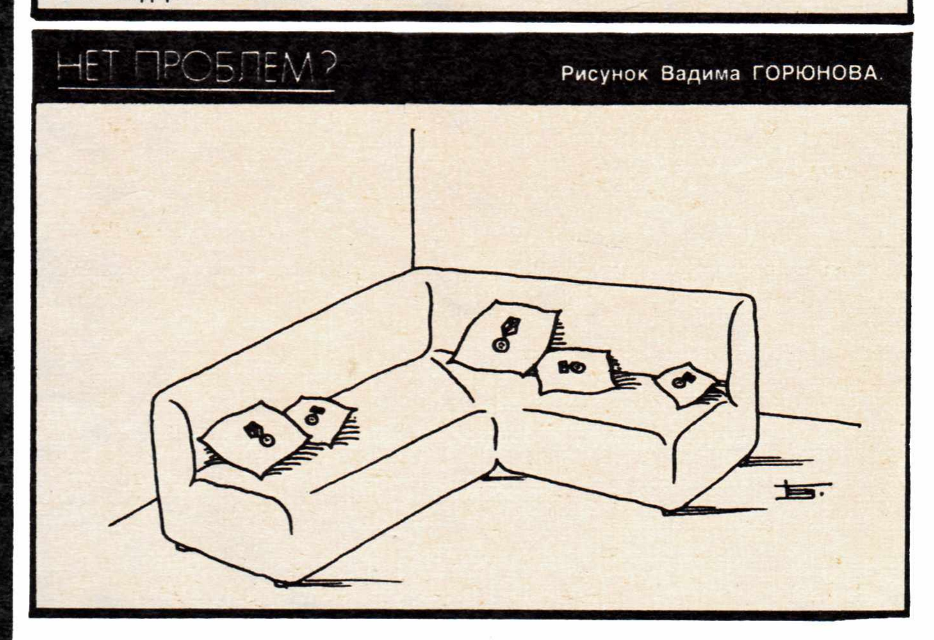
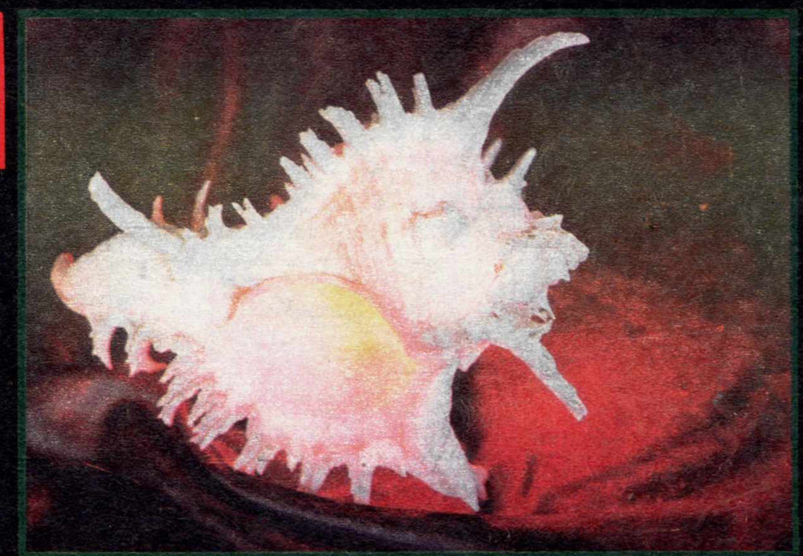
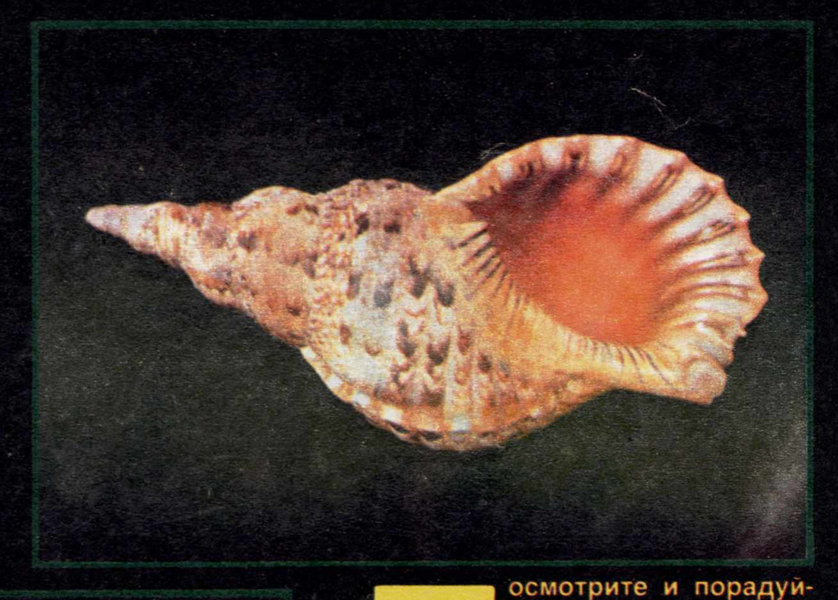
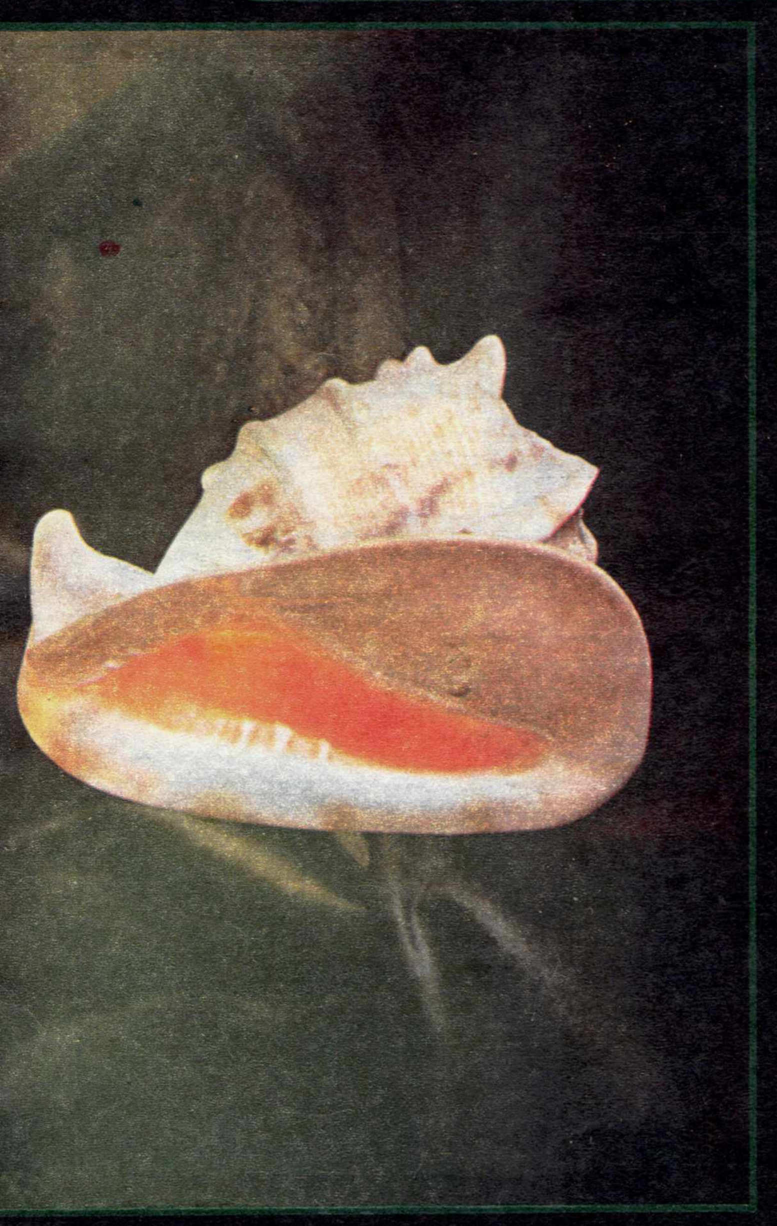

НЕТ ПРОБЛЕМ?

Рисунок Вадима ГОРЮНОВА.

ОГОНЁК

Посмотрите и порадуйтесь этой удивительной красоте, созданной природой! И согласитесь, что только скучный человек мог придумать для этих необыкновенных существ такое тусклое название: брюхоногие моллюски... Еще раз снимем шапки перед невероятным талантом природы-художницы, создавшей почти сотню тысяч разновидностей таких вот неповторимых, ни на что не похожих живых шедевров! Сколько смелых и неожиданных форм, вариаций, сколько оттенков цветов радуги! И это — не просто игра расшалившегося художника, это — те единственно необходимые цвета и формы, которые позволяют моллюскам существовать в океанских глубинах и на морских мелководьях, в соленых или пресных водоемах, а порой даже на суше...

Человек давно приметил красоту нарядных ракушек и даже употребил ее — для бус, ожерелий и других ярких безделушек. Было время — разноцветные скорлупки служили деньгами... Но подлинную цену им знают лишь ученые.

Эту коллекцию мне показал (а я сфотографировал) во Владивостоке таксидермист П. И. Чеблуков — сотрудник Тихоокеанского научно-исследовательского института рыбного хозяйства и океанографии.

В. КУЗНЕЦОВ

40 коп.
Индекс 70663